
Федеральное агентство по образованию

Научный журнал
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ПЕТРОЗАВОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
(продолжение журнала 1947–1975 гг.)

№ 5 (98). Февраль, 2009

Серия: Общественные и гуманитарные науки

Главный редактор

А. В. Воронин, доктор технических наук, профессор

Зам. главного редактора

Н. В. Доршакова, доктор медицинских наук, профессор

Э. В. Ивантер, доктор биологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН

Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук,
ответственный секретарь журнала

Перепечатка материалов, опубликованных
в журнале, без разрешения редакции запрещена.

Статьи журнала рецензируются.

Адрес редакции журнала
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33. Каб. 272.
Тел. (8142) 76-97-11
E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrso.ru

Редакционный совет

- В. Н. БОЛЬШАКОВ**
доктор биологических наук,
профессор, академик РАН (Екатеринбург)
- И. П. ДУДАНОВ**
доктор медицинских наук, профессор,
член-корреспондент РАМН (Петрозаводск)
- В. Н. ЗАХАРОВ**
доктор филологических наук,
профессор (Москва)
- А. С. ИСАЕВ**
доктор биологических наук,
профессор, академик РАН (Москва)
- Н. Н. МЕЛЬНИКОВ**
доктор технических наук,
профессор, академик РАН (Апатиты)
- И. И. МУЛЛОНЕН**
доктор филологических наук,
профессор (Петрозаводск)
- В. П. ОРФИНСКИЙ**
доктор архитектуры, профессор,
действительный член Российской академии
архитектуры и строительных наук (Петрозаводск)
- ПААВО ПЕЛКОНЕН**
доктор технических наук,
профессор (г. Йюенсуу, Финляндия)
- И. В. РОМАНОВСКИЙ**
доктор физико-математических наук,
профессор (Санкт-Петербург)
- Е. С. СЕНЯВСКАЯ**
доктор исторических наук, профессор (Москва)
- СУЛКАЛА ВУОККО ХЕЛЕНА**
доктор философии, профессор (г. Оулу, Финляндия)
- Л. Н. ТИМОФЕЕВА**
доктор политических наук, профессор (Москва)
- А. Ф. ТИТОВ**
доктор биологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН (Петрозаводск)
- МИЛОСАВ Ж. ЧАРКИЧ**
ведущий профессор Сербской
Академии наук и искусств (г. Белград, Сербия)
- Р. М. ЮСУПОВ**
доктор технических наук, профессор,
член-корреспондент РАН (Санкт-Петербург)

Редакционная коллегия серии
«Общественные и гуманитарные науки»

- В. Б. АКУЛОВ**
доктор экономических наук, профессор (Петрозаводск)
- В. А. АЧКАСОВ**
доктор политических наук,
профессор (Санкт-Петербург)
- Т. А. БАБАКОВА**
доктор педагогических наук, профессор (Петрозаводск)
- С. Г. ВЕРИГИН**
кандидат исторических наук (Петрозаводск)
- А. В. ВОЛКОВ**
кандидат философских наук (Петрозаводск)
- РИХО ГРЮНТХАЛ**
доктор философии,
профессор (г. Хельсинки, Финляндия)
- П. М. ЗАЙКОВ**
доктор филологических наук, профессор (Петрозаводск)
- С. И. КОЧКУРКИНА**
доктор исторических наук (Петрозаводск)
- А. Е. КУНИЛЬСКИЙ**
доктор филологических наук,
ответственный секретарь серии (Петрозаводск)
- Т. Г. МАЛЬЧУКОВА**
доктор филологических наук,
профессор (Петрозаводск)
- В. С. МАКСИМОВА**
доктор исторических наук, профессор (Петрозаводск)
- А. М. ПАШКОВ**
кандидат исторических наук (Петрозаводск)
- В. М. ПИВОЕВ**
доктор философских наук, профессор (Петрозаводск)
- З. К. ТАРЛАНОВ**
доктор филологических наук, профессор (Петрозаводск)
- С. Н. ЧЕРНОВ**
доктор юридических наук, профессор (Петрозаводск)
- М. И. ШУМИЛОВ**
доктор исторических наук, профессор (Петрозаводск)

Federal Educational Agency

Scientific Journal
PROCEEDINGS
OF PETROZAVODSK
STATE UNIVERSITY
(following up 1947–1975)

№ 5 (98). February 2009

Social Sciences & Humanities

Chief Editor

Anatoly V. Voronin, Doctor of Technical Sciences, Professor

Chief Deputy Editor

Natalia V. Dorshakova, Doctor of Medical Sciences, Professor

Ernest V. Ivanter, Doctor of Biological Sciences, Professor,
The RAS Corresponding Member

Nadezhda V. Rovenko, Candidate of Philological Sciences,
Executive Secretary

All rights reserved. No part of this journal may be used
or reproduced in any manner whatsoever without written permission.
The articles are reviewed.

The Editor's Office Address
185910, Lenin Avenue, 33. Tel. +7 (8142) 769711
Petrozavodsk, Republic of Karelia
E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrSU.ru

 Editorial Council

- V. BOLSHAKOV**
 Doctor of Biological Sciences,
 Professor, the RAS Member (Ekaterinburg)
- I. DUDANOV**
 Doctor of Medical Sciences, Professor,
 the RAMS Corresponding Member (Petrozavodsk)
- V. ZAKHAROV**
 Doctor of Philological Sciences,
 Professor (Moscow)
- A. ISAYEV**
 Doctor of Biological Sciences,
 Professor, the RAS Member (Moscow)
- N. MEL'NIKOV**
 Doctor of Technical Sciences,
 Professor, the RAS Member (Apatiti)
- I. MULLONEN**
 Doctor of Philological Sciences,
 Professor (Petrozavodsk)
- V. ORPHINSKY**
 Doctor of Architecture, Professor,
 Full Member of Russian Academy
 of Architectural Sciences (Petrozavodsk)
- PAAVO PELKONEN**
 Doctor of Technical Sciences, Professor (Joensuu, Finland)
- I. ROMANOVSKY**
 Doctor of Physical-Mathematical Sciences,
 Professor (St. Petersburg)
- E. SENYAVSKAYA**
 Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow)
- HELENA SULKALA**
 Doctor of Philosophy,
 Professor (Oulu, Finland)
- L. TIMOFEEVA**
 Doctor of Political Sciences, Professor (Moscow)
- A. TITOV**
 Doctor of Biological Sciences, Professor,
 the RAS Corresponding Member (Petrozavodsk)
- M. CHARKICH**
 the Leading Professor of Serbian Academy
 of Sciences and Arts (Belgrade, Serbia)
- R. YUSUPOV**
 Doctor of Technical Sciences, Professor,
 the RAS Corresponding Member (St. Petersburg)

 Editorial Board of the Series
 «Social Sciences & Humanities»

- V. AKULOV**
 Doctor of Economic Sciences, Professor (Petrozavodsk)
- V. ACHKASOV**
 Doctor of Political Sciences,
 Professor (St. Petersburg)
- T. BABAKOVA**
 Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Petrozavodsk)
- S. VERIGIN**
 Candidate of Historical Sciences (Petrozavodsk)
- A. VOLKOV**
 Candidate of Philosophic Sciences (Petrozavodsk)
- R. GRYÜNTAL**
 Doctor of Philosophic Sciences,
 Professor (Helsinki, Finland)
- P. ZAIKOV**
 Doctor of Philological Sciences, Professor (Petrozavodsk)
- S. KOCHKURKINA**
 Doctor of Historical Sciences (Petrozavodsk)
- A. KUNIL'SKII**
 Doctor of Philological Sciences,
 Executive Secretary of the series (Petrozavodsk)
- T. MAL'CHUKOVA**
 Doctor of Philological Sciences,
 Professor (Petrozavodsk)
- V. MAXIMOVA**
 Doctor of Historical Sciences, Professor (Petrozavodsk)
- A. PASHKOV**
 Candidate of Historical Sciences (Petrozavodsk)
- V. PIVOEV**
 Doctor of Philosophic Sciences, Professor (Petrozavodsk)
- Z. TARLANOV**
 Doctor of Philological Sciences, Professor (Petrozavodsk)
- S. CHERNOV**
 Doctor of Juridical Sciences, Professor (Petrozavodsk)
- M. SHUMILOV**
 Doctor of Historical Sciences, Professor (Petrozavodsk)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

- Кочуркина С. И.*
Олонекская крепость: итоги новых археологических исследований7
- Вавулинская Л. И.*
Принудительный труд в Карелии в послевоенные годы.15
- Нестерова И. С.*
Приграничная торговля сельского населения Великого княжества Финляндского и Восточной Карелии24
- Казакова К. С.*
Некоторые особенности учебного процесса в русских университетах первой половины XIX века30

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Пивоева М. В.*
Мифология крови38

ФИЛОЛОГИЯ

- Спиридонова И. А.*
«...Обречен на подвиг, на честь и величие» (функции подтекста в военных рассказах А. Платонова)42
- Болдак В. К.*
Об историческом прототипе образа Хильдебранда49
- Рожкова А. В.*
Особенности однородного ряда в памятниках древнерусской гимнографии54
- Дьячкова И. Н.*
Собирательные числительные в русском литературном языке XVIII века59
- Миронова В. П.*
Аллитерация в южнокарельских эпических песнях о сватовстве69

ЭКОНОМИКА

- Левкин Н. В.*
Эволюционный и синергетический подходы к изучению организационной культуры системы предпринимательства74

Белый Е. К.

- О классе допустимых функций полезности денег 83

РЕЦЕНЗИИ

- Тарланов Е. З.*
Рец. на кн.: Старк В. П. Жизнь с поэтом. Наталья Николаевна Пушкина. 90
- Белоусов К. Ф.*
Рец. на кн.: Органы безопасности Карелии: исторические очерки, воспоминания, биографии. 93
- Белоусов К. Ф.*
Рец. на кн.: Старков Б. А. Охотники на шпионов. Контрразведка Российской империи 1903–1914; Старков Б. А. Охотники на шпионов-2. Пасынки Великой войны. Контрразведка последней войны Российской империи. 1914–1917. 94

ПАМЯТЬ

- Иванова Т. В.*
Леонид Яковлевич Резников.
К 90-летию со дня рождения. 96

Научная информация

- Конференция «ВОЙНА-БЛОКАДА-ЛЕНИНГРАД». Тезисы докладов:
Барышников Н. И. «Героические вехи Ленинградской эпопеи», *Лаврененко Г. Б.* «Что помогло ленинградцам выстоять», *Никулина Т. В.* «Ленинградские госпитали в годы блокады», *Морозов К. А.* «Роль Ладожской и Онежской военных флотилий в снятии блокады», *Юсупова Л. Н.* «Блокада Ленинграда в исторической памяти современной молодежи» 99
- Агаркова Т. И.*
Международный семинар «Поликультурное измерение в преподавании истории в современной школе» 107

Юбилей

- К 80-летию со дня рождения
А. С. Ревайкина 109

Информация для авторов 111

Contents 112

Редактор Г. А. Мехралиева. Корректор С. Л. Смирнова. Переводчик Е. И. Соколова. Дизайн, верстка И. Г. Лежнев.

Подписано в печать 18.02.2009. Формат 60х90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. Изд. № 55

Отпечатано в типографии Издательства
Петрозаводского государственного университета
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

УДК 39(470.22)

СВЕТЛАНА ИВАНОВНА КОЧКУРКИНА

доктор исторических наук, заведующий сектором археологии Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН
babkin@karelia.ru

ОЛОНЕЦКАЯ КРЕПОСТЬ: ИТОГИ НОВЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В статье рассматриваются этапы строительства Олонецкой крепости по результатам многолетних археологических исследований и письменным источникам.

Ключевые слова: археология, культура, военное оборонительное строительство

Территория Олонецкого перешейка с древнейших времен была зоной активных взаимоотношений различных народов, проживавших на берегах Ладожского и Онежского озер. В X–XIII веках здесь появились переселенцы из юго-восточного Приладожья (территория совр. Ленинградской области). От них на карельских реках Олонке, Тулоксе и Видлице остались невысокие курганы, в которых были захоронены предки карел-ливвиков. При раскопках собраны разнообразные ювелирные изделия, бусы, монеты, бытовые изделия, которые свидетельствуют об обширных связях местного населения с финно-угорскими и славянскими народами, жителями западноевропейских стран. Поселений, одновременных курганам, не известно. Остатки селищ более позднего времени обнаружены в низовьях р. Олонки в районе пос. Ильинского, дер. Еройлы и в некоторых других местах.

Топонимия края содержит информацию о территории расселения народа и природных условиях, основных занятиях жителей, их верованиях и социально-экономических отношениях. Основные географические названия Олонецкого перешейка – карельские, но встречаются и саамские. Русское

влияние отразилось в обозначениях населенных пунктов, образованных от личных христианских имен, но переделанных согласно карельскому звучанию: Алексей – Алексалица, Еремей – Еройла, Исаак – Иссойла, Спиридон – Пирдойла, Тимофей – Чимойла и т. д.; в названиях мест, связанных с религией (крест, поп, дьякон), сословными отношениями [7].

Олонец впервые упомянут в приписке к Уставной грамоте новгородского князя Святослава Ольговича. Сама грамота датируется 1136/1137 годом, поэтому долгое время возникновение города относили к XII веку. Однако сейчас можно считать доказанным, что приписка, в которой упомянут Олонец, датируется XIII веком [15; 164–165]. Она предоставляла право новгородским епископам получать десятину от княжеских доходов, собираемых в виде податного и судебного налогов, но не в виде фиксированной суммы от поступающих в казну доходов, как это было при прежних князьях, а постоянной, гарантированной князем суммой в 100 гривен новых кун. Возможная недостача при сборах покрывалась из княжеской казны [16; 138–141]. В приписке к грамоте

перечислены населенные пункты Приладожья, с которых причиталась дифференцированная сумма. Например, Олонец и Юксола платили по три гривны, Тервиничи, Винница, устье Паши и т. д. – одну, некоторые – полгривны.

В русских летописях [8; 89] Олонец упоминают в 1228 году, когда отряды еми (финское племя хяме) на лодках появились в Ладожском озере. Узнав об этом, новгородцы с князем Ярославом как будто бы собрались дать отпор неприятелю. Но простояли в Неве несколько дней, собрали вече и, ничего не предприняв, возвратились в Новгород. Иначе поступил ладожский посадник Владислав вместе с жителями г. Ладоги. Под их ударами часть еми отступила к Олонцу и Исадам. Таким образом, о существовании Олонца в XIII веке рассказывают два независимых источника. Однако многолетние археологические раскопки на территории Олонецкой крепости слоев XIII века не выявили.

С Олонцом отождествлялся упомянутый в «Саге о Хальвдане, сыне Эйстейна» Алаборг. Сага, датирующаяся концом XIV – началом XV века, относится к числу приключенческих в древнескандинавской письменности. Наряду с мифическими деталями она излагает вполне достоверные исторические события и некоторые историко-географические сведения, не встречающиеся в других источниках, в частности о городе Алаборге (семь упоминаний). Сообщается, что городом правил «большой герой» ярл Скули; после него титул ярла и город с окрестностями получил Ульвкелль, побратим Хальвдана [3; 161–165]. Попытки соотнести топоним Алаборг с конкретным городом предпринимались давно. В качестве вероятного местоположения назывались Белое море, Приладожье, Онежское озеро и одно из поселений вблизи г. Олонца [1; 207–208]. Однако эта точка зрения не была поддержана исследователями [2; 132].

Следующие упоминания об Олонце появляются во второй половине XVI века.

Конец XVI – начало XVII века – период, насыщенный трагическими событиями для Русского государства и Карелии. Затяжные военные действия завершились заключением в 1617 году Столбовского договора, в результате которого граница между Швецией и Россией проходила всего лишь в 50 км от Рождественского Олонецкого погоста. Поэтому Московское правительство было озабочено защитой пограничных районов. О характере и организации военно-оборонительных строительных работ в Олонце на протяжении XVII века можно судить по многочисленным сохранившимся письменным документам, важнейшими из которых являются Росписные и Сметные списки Олонца. На их основании можно выделить два строительных этапа: первый – 1648–1649 годы (Росписной список воеводы князя Федора Волконского 1649 года) [13] и второй, связанный с восстановлением крепости после пожара в 1668 году (Роспись сметная Олонцу 1672 года воеводы Ивана Баклановского) [12], [14]. Кроме того, имеются письменные источники о про-

должении строительных работ после выполнения основного объема строительства. Часть материалов опубликована [9; 4].

Первые оборонительные сооружения на территории Рождественского Олонецкого погоста появились лишь в начале XVII века в связи с нападением отрядов черкас и «немецких людей». Известно, что осенью 1613 года Олонецкий острожек уже был построен. В январе 1614 года «приходили на Олонец изгоном черкасы и немецкие передовые люди восемьсот человек... и тех черкас и немецких людей многих побили и языки многие и знамена поймали» [10]. Это событие подробно изложено в отписке воеводы Федора Плещеева о присылке к нему взятых казаками пленных в бою в Олонце и об отсылке их в Москву. Сейчас точное расположение этого, а может быть, и другого, видимо, небольшого острожка, служившего защитой для местного населения, неизвестно. Но вопрос о предшественниках древнерусских городов – традиционно дискуссионный в научной литературе. Не является исключением и Олонец. Одно из таких предположений предлагается вашему вниманию.

Примерно в 8–9 км от г. Олонца ниже по течению при впадении р. Туксы в р. Олонку имеется подтреугольной формы мыс, отвечающий всем традиционным требованиям, предъявляемым при сооружении оборонительных комплексов эпохи Средневековья. Более того, с внутренней стороны широкая часть мыса окружена хорошо сохранившимся до сих пор дугообразной формы глубоким рвом, соединяющим обе реки (рис. 1). Вполне возможно, что это была своего рода гавань, в которой могли укрыться небольшие суда. Особенности микро топографии таковы, что внезапное появление неприятеля полностью исключалось, поскольку мыс «запирал» вход. Аналогична по топографическим особенностям более поздняя Олонецкая крепость, о которой речь пойдет ниже. Не с этим ли местом связана легенда о набеге шведов на Олонец? Шведы, намереваясь напасть на город, расположились в устье р. Олонки, но приняли еловую рощу в дер. Горка Ильинского погоста за величайшее войско и, испугавшись, повернули обратно, разворотив при этом часть берега (это место в переводе с карельского *laivankienälmüs* означает «поворот корабля») [7; 125]. Так это или нет, археологическими раскопками проверить не удалось, поскольку мыс занят современным кладбищем.

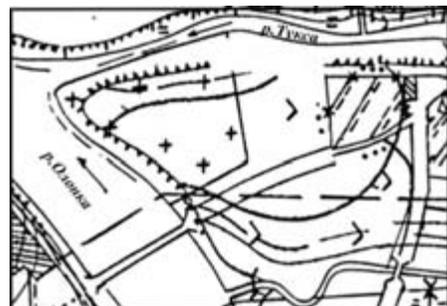

Рис. 1. Мыс при слиянии рек Олонки и Туксы

Угроза нападения шведских военных отрядов оставалась, поэтому московское правительство предприняло ряд мер по обеспечению обороноспособности пограничных районов, в связи с чем развернулось строительство Олонецкой крепости.

Ранней весной 1649 года воеводы князь Федор Волконский и Степан Елагин по царскому указу прибыли в Олонецкий погост с целью выбора места для строительства крепости. Осенью они доложили в Новгородский приказ, обращаясь непосредственно к «государю царю и великому князю» Алексею Михайловичу, о последовательности своих действий: осмотрели места, где можно основать город или острог, и предложили построить его при слиянии рек Олонки и Мегреги, где стояли деревни Оксентьево и Толмачев Наволок. Уже начали было строить острог, что-то типа «тына стоячего» из вкопанных, заостренных сверху бревен, но опасность затопления в половодье выбранного низкого места изменила планы, а потому заложили деревянный город. Воеводы доложили, что построение Олонца завершено к 29 сентября. Если принять во внимание, что только в августе приступили к возведению сооружений, то, можно сказать, постройка Олонецкой крепости произошла в рекордно короткие сроки.

Итак, в конце сентября 1649 года на стрелке, образованной слиянием рек Олонки и Мегреги, были построены два деревянных города: Меньший – в западной части и Большой – в восточной. Укрепления с 19 башнями имели протяженность 783 сажени. Оба города образовали замкнутый оборонительный комплекс, по тем временам – мощную дерево-земляную крепость. И хотя в XVII веке широко использовалось огнестрельное оружие и защитные свойства рельефа уже не играли главной роли при возведении оборонительных укреплений, Олонецкой крепости присущи старые, архаичные черты. Она являлась классическим примером крепости мысового типа (расположение на мысу-стрелке с устройством рва). Кроме того, объемно-планировочная структура построенной крепости убеждает в мысли, что Меньший город играл роль детинца (кремля), а Большой – посада. В Меньшем городе находилась соборная церковь, съезжая изба – орган административного управления, казенный погреб для хранения воинских припасов, воеводский двор – официальная резиденция воеводы. Большой город предусматривался для защиты местного населения, которое в случае военной опасности могло укрыться за крепостными стенами. И не только. Большой город с самого начала предназначался для постоянного местожительства посадского населения. Это следует рассматривать как важный этап создания Олонца не только в качестве военно-административного центра, но и торгово-ремесленного города.

Этому способствовала близость Олонца к шведской границе. Город еще не был достроен, а воеводы уже беспокоились о месте, где можно

устраивать торги с приезжающими из-за рубежа купцами. В полученном на запрос ответе было сказано, что «для приезда корелян и немец устроить гостин двор на Олонце за городом, меж реке Олонца и Мегреги на острове на Стрелице». В город же пускать их запрещалось, хотя в нем были торговые лавки, и рекомендовалось в целях безопасности держать это распоряжение в тайне. Более того, в наказе олонецким воеводам говорилось о необходимости добывать сведения, которые полезны Московскому государству, «а сами б ни про что не рассказывали» [4; 91–93].

Ф. Волконский писал в 1649 году о первых шагах по организации посада: «А жилых, государь, и посадских людей в городах из заонежских погостов охотников никого нету; и мы, холопи твои, у смотрю допрашивая волостных людей, которые люди у них в погостех торговыми промыслами промышляют... тем торговым людям говорили, чтоб они, у кого есть дети, писали детей своих в солдатскую службу, а сами писались в посадские люди на Олонец». Однако крестьяне жаловались государю, что торговые промыслы у них небольшие, а земли малые и скудные, да и населения немного, чтобы их детям еще идти в солдатскую службу и при этом «тягло тянуть». Нанять же «гулящих людей» – нет ни денег, ни хлеба, лучшие работники уже отданы в ученье, а без них «пообезсилели». Поэтому на первых порах удалось записать «в посадские люди с шестьдесят человек», а детей их в солдаты [4; 84–85]. Этого количества, однако, было недостаточно для организации обороны.

Охрану шведского рубежа московское правительство решило поручить самим местным жителям, обучив их «иноземному строю». Правительство полагало, что крестьяне смогут нести военную службу и вести хозяйство одновременно, а правительство при этом сэкономило бы деньги на жалованье, то есть планировалось создать новую социальную категорию «пашенных солдат». Но поскольку институт пашенных солдат (1648–1666 гг.) нанес экономике края значительный урон, 1 июня 1666 года он был упразднен правительством.

Люди, переселенные на житье в Олонец, стремились вернуться на прежние места. Они подавали в Новгородский приказ челобитные с просьбой не отнимать у них деревенские участки: «...городовых, государь, торгов и промыслов никаких нет, город, государь, украиной, и место порубежное, а нас сирот твоих и всех посадских людейшек толко полтора дворов и ис тех... многие обнищали и скитаютца меж дворы» [4; 190]. Однако их приказывалось «свесть попрежнему на посад, тотчас, и велеть им жить на посаде, а в села и в деревни без отпуску им ездить не велеть».

В 1668 году оба олонецких города сгорели. Из-за сильного ветра и тесной застройки пожар остановить не удалось. Вопрос о восстановлении Олонца был поднят в скором времени, для этого население погостов вновь обложили пода-

тями. В 1670 году в Москве уже находилась сметная Роспись и чертеж будущего города, отрицательно решился вопрос как об увеличении территории крепостного двора, поскольку она ограничена руслами двух рек и рвом, так и о строительстве земляного города, потому что «земля иловатая и дерновых мест нет».

Строительство, начатое в 1670 году, завершилось через два года. Планировка крепости сохранила в основном прежние черты, но исчезло деление на два города и существовавшая между ними стена. Башен стало 13 вместо 19.

Большую ценность для восстановления облика древнего Олонца имеют планы города, особенно план из Рукописного отдела библиотеки РАН (рис. 2). Он выполнен в стиле, характерном для XVII века, вероятнее всего, иконописцем и представляет значительный интерес как для изучения застройки и планировки крепостного двора, так и для исследования архитектурных особенностей административных, культовых и жилищно-хозяйственных комплексов кремля. Хорошо показана на плане центральная уличная магистраль, которая начинается от Московских ворот, пересекает восточную часть крепости и поворачивает на юг к Никольским воротам. Любопытно отметить такую черту благоустройства города, как мощение главной улицы и участка от здания приказа до соборной церкви. Переулки к Верховским и Мегрегским воротам оставались немощеными. В восточной части города располагались хлебные амбары, торговые лавки, комплекс дьячего двора и т. д. Западная часть кремля была занята воеводским двором, отделенным от остальной крепости оградой. Двор имел выход к реке Олонке через «водяные» ворота в крепостной стене.

На территории крепости располагались две каменные постройки: палата для хранения пороха и казны и Троицкий собор. Предполагается, что в 1741 году крепость сгорела и больше не восстанавливалась, так как после победы в Северной войне шведская граница отодвинулась далеко на запад, и Олонец потерял свое военно-оборонительное значение.

Рис. 2. План города Олонца XVII века

Наличие большого количества документов по строительству Олонецкой крепости не исключает необходимости трудоемких археологических работ, поскольку только результаты археологических исследований позволяют восстановить основные этапы создания деревянного города, конструктивные особенности застройки территории крепостного двора и конкретных сооружений. Без археологически изученных опорных точек определить топографию крепости невозможно. Археологические материалы помогают раскрыть конкретное содержание письменных источников, изучить материальную культуру города, документами пока не представленную.

Обследование территории крепости показало чрезвычайно плохую сохранность как крепостных, так и городских сооружений. Главная причина заключается в том, что центр исторической застройки площадью около 7 га со времени возникновения крепости и до нынешних времен является объектом интенсивной хозяйственной деятельности. Он застроен современными административными, жилыми и хозяйственными постройками, что отрицательно сказалось на сохранности исторического памятника.

Крупнейший военный и административный центр располагался на высоте 10–11 м над уровнем воды. На территории Олонецкой крепости в 1973–1975, 1988, 1990–1991, 1993, 1995 годах археологическим отрядом ИЯЛИ КарНЦ РАН под руководством автора этой статьи произведены раскопки на площади 874 м² (15 раскопов и несколько шурфов) (рис. 3). В раскопах I и II вскрыты прекрасной сохранности деревянные укрепления стен рва – так называемый обруб, относящийся ко второму строительному периоду – к 1672 году. По фасаду он представлял собой двойную рубленую стену (расстояние между двумя рядами бревен – 0,4 м). Внутренние поперечные стенки рубились из менее толстых бревен на расстоянии около 4 м друг от друга. Концы длинных бревен по фасаду крепились в замок («слотчин хвост»), поперечные – способом рубки «в лапу». Продольные бревна сохранились до высоты трех-четырёх венцов (до 0,76 м), поперечные – на два-три венца (до 0,72 м). Чтобы не допустить сползания обруба, после засыпки его грунтом строители сделали дополнительные крепления: через 0,88 и 0,4 м от поперечных стен в фасадные врубались короткие поперечные бревна с квадратными сквозными пазами, через которые в грунт были вбиты деревянные колья. В западной стенке рва – такой же обруб. По документам, существовали еще бревенчатые перемычки между стенами рва – «стрелы из стены в стену», но найти их в процессе раскопок не удалось. Видимо, они устанавливались не по всей длине рва.

На плане Олонца конца XVII века между каменным собором св. Живоначальной Троицы и деревянной Богоявленской церковью схематически изображено кладбище. Никаких опознавательных знаков кладбища (кресты, холмики,

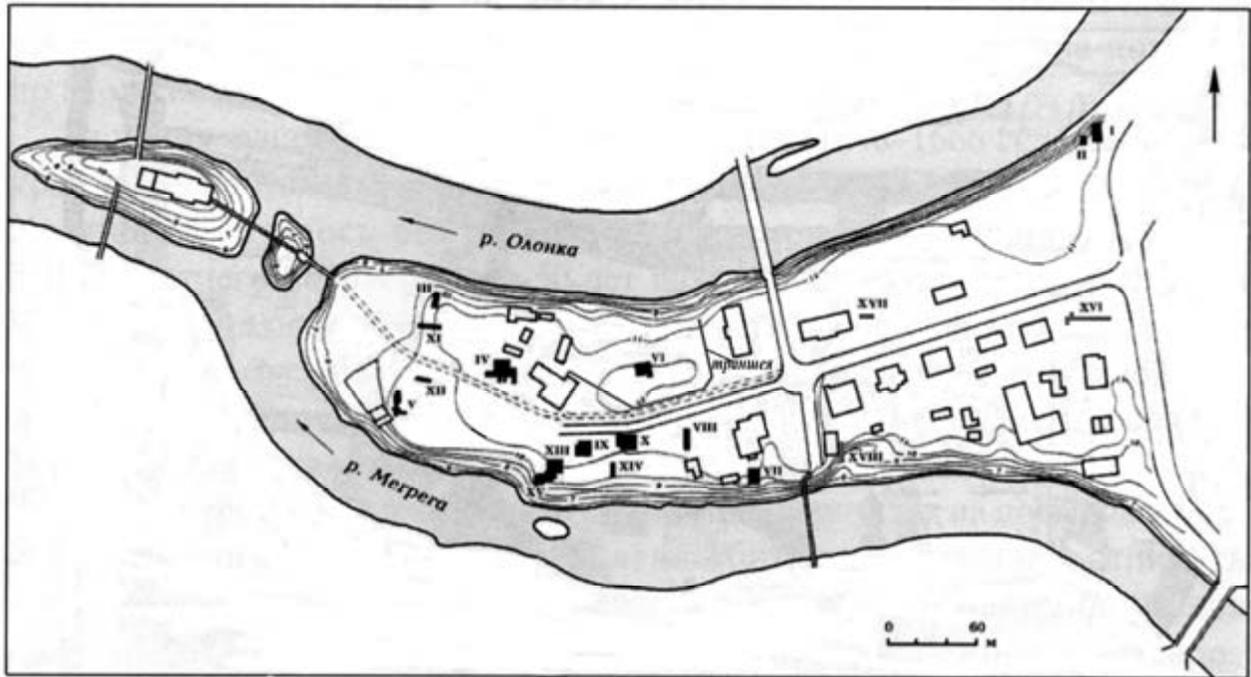

Рис. 3. План исторической части г. Олонца (I–XVIII раскопы)

впадины) не сохранилось. В процессе археологических работ (раскоп VI) удалось обнаружить 61 погребение (из них 28 детских). Детские выявлены в основном на глубине 0,6–0,8 м, взрослые захоронения располагались глубже – до 1,22 м от поверхности земли. Погребенные лежали на спине со сложенными на поясе руками, в вытянутом положении и были ориентированы чаще всего на запад с некоторым отклонением к югу и к северу. В 34 захоронениях выявлены остатки деревянных могильных сооружений, в 12 – остатки древесного тлена поверх скелетов. Могильные сооружения разнообразны: гробовища из рубленых досок (4), колоды, выдолбленные из дерева (4), в остальных случаях использовались гробы. В некоторых захоронениях (7) имелись угольки.

Из погребального инвентаря найдены 22 нательных крестика, часть складной иконы, медные пуговицы, металлическая чашечка с чеканным растительным орнаментом и некоторые другие предметы. Но примерно в половине погребений не обнаружено никаких вещей. Все эти особенности погребального обряда свидетельствуют о стойком сохранении язычества в среде древних олончан [9; 93–95].

Существовало ли кладбище до постройки крепости? Если принять на веру свидетельства документов о двух деревнях, существовавших до постройки крепости (Оксентьево и Толмачев Наволок), то можно предположить, что кладбище было основано жителями этих деревень. Но таких деревень нет ни в писцовых, ни в переписных книгах по Олонецкому погосту. Более того, о кладбище на территории, которую выбрали для строительства крепости, тоже нет

упоминаний. Следовательно, есть основания считать, что кладбище синхронно Олонецкой крепости и создано ее жителями.

Роспись 1672 года упоминает центральную Московскую Пробойную улицу, от нее шли улицы к Верховским и Мегревским воротам. Есть они и на плане Олонца XVII века. Археологически изучены две деревянные мостовые города (раскоп IX). Одна, более древняя (ширина ее 3,2 м), лежавшая на материковом грунте на глубине 0,7–0,86 м от поверхности земли, шла в направлении с запада на восток, почти параллельно р. Мегреге и Никольской башне. Она была построена так: на две параллельные слегги, ориентированные в направлении запад – восток с небольшим отклонением к югу и к северу, уложены, тоже параллельно друг другу, бревна вперемежку с плахами, ориентированные в направлении север – юг с небольшим отклонением к западу и востоку. Надо сказать, что мостовая сохранилась довольно хорошо, потому что бревна (диаметр 0,24 м) предварительно смолили или обжигали. Возможно, мостовая вела к стрелецкой караульне, располагавшейся у Никольской башни, или к воеводскому двору.

Вторая мостовая выявлена на глубине 0,44–0,6 м. Максимальная ширина – 6,4 м, что соответствует документальным данным. Сделана в основном из сосновых плах диаметром 0,2–0,3 м. Гвозди употреблялись редко. Железная скоба найдена всего одна. Конструкция второй мостовой аналогична предыдущей. Хорошо сохранились две центральные слегги-бревна, идущие в направлении северо-восток – юго-запад. Здесь же тесали и ошкуривали бревна. Именно эта мостовая, указанная на плане

XVII века, вела от Московской Пробойной улицы к Никольской башне.

Продолжение мостовой удалось проследить при исследовании комплекса XVII–XVIII веков, который, помимо небольшого участка мостовой, захватил частично Никольскую башню и примыкающую к ней городовую стену (раскоп XIII). Вскрытый участок мостовой сохранился хуже из-за ее повреждения при прокладке телефонных кабелей. Она вела к валунам, которые, видимо, остались от фундамента башни, ее северной части. Презжая шестиугольная башня находилась в южной стене, на спуске, у ее основания располагалась пристань и мост через реку. Юго-западнее валунов выявлены три деревянные камеры – тарасы крепостной стены. Бревна, замыкающие камеры с юга, сохранились в виде слабого древесного тлена.

Раскопки на территории Олонецкой крепости возобновились в 2004 году. На углу улиц 30-летия Победы и Свирских дивизий, на участке, отведенном под строительство магазина продовольственных товаров, согласно закону об охране памятников, мною были проведены археологические раскопки (раскоп XVI, 68 м²) (рис. 3, 4).

Рис. 4. Участок Московской Пробойной улицы (западная часть раскопа XVI)

На глубине около 1 м на слое материковой голубоватой глины выявлены остатки деревянной мостовой – Московской Пробойной улицы. Максимальная ее ширина – 3,8 м, длина – 10,5 м. Она уходит за пределы раскопа и далее под асфальтированную пешеходную дорожку по улице 30-летия Победы. Мостовая повреждена более поздним фундаментом, сброшенными на нее огромными валунами и вертикально вбитыми столбами от прежних сооружений. Она состояла из хорошо сохранившихся слег, в качестве которых использовались бревна диаметром 0,23 м. Они ориентированы в направлении юго-запад – северо-восток. На параллельные слегы укладывались бревна (диаметром 0,12–0,2 м) в направлении северо-запад – юго-восток. Сохранилась щепка от подтесывания бревен. Эта мостовая отличается от двух раскопанных в 1990 году, сделанных в основном из плах, и лишь в одном случае отмечена подтепка для верхнего бревна. Здесь же использованы мощные бревна (одно из них длиной около 4,5 м было шириной 0,4 м),

видимо, потому, что Московская Пробойная улица как главная при въезде в город испытывала большую нагрузку. По документам, ее ширина достигала более 12 м, вероятно, по этой причине мостовая покоилась на трех слегах. Среди бревен встречена покрытая ржавчиной неопределенная монета XVIII века.

Известно, что в 1649 году на первом этапе существования Олонецкой крепости с восточной стороны города между р. Мегрегой и Олонкой был выкопан ров в четырех сажнях от стены, чтобы вода, заполнив ров, не разрушила стену. В 1672 году во время второго строительного периода, когда после пожара восстанавливали крепость, ров был очищен с напольной стороны, так как во время пожара он обвалился под тяжестью земли, высыпавшейся из сгоревших быков. Против каждой из трех башен, в том числе и против Московской, через ров соорудили мосты с решетками и надолбами – «мосты на срубе». Возможно, остатки деревянного строения в восточной части раскопа связаны с укреплениями рва.

Раскоп 2007 года (XVII, 20 м²) (рис. 3, 5) расположен на территории Олонецкой крепости вблизи старого двухэтажного деревянного здания (бывшая гостиница). В этой части крепости ранее раскопки не производились. Под толстым слоем техногена на глубине немногим более метра выявлен деревянный настил, располагавшийся на слое темно-серой материковой глины, ориентированный в направлении юго-запад – северо-восток. Его максимальная ширина – 7,6 м, длина – 3 м. Он сделан из бруса, лишь в редких случаях использовались бревна. Ширина их в среднем – 0,16–0,17 м, толщина – 0,07–0,15 м. Для укрепления настила использовались нагели. Северо-восточный край деревянного сооружения перекрывался брусками шириной 0,12–0,28 м. Часть из них уходила в северную и южную стены раскопа. Выявлено скопление щепы, так как в древнем Олонце при сооружении мостовых строительные отходы оставались на месте. Основной настилу являлись слегы, в качестве которых использовались бревна толщиной до 0,12–0,14 м. Под одной из них обнаружены большие куски бересты. Находок, за исключением маленького кусочка слюды и челюсти свиньи, не было.

Рис. 5. Участок мостовой от центральной улицы к р. Олонке (раскоп XVII)

Мостовую можно идентифицировать с переломом на плане Олонца XVII века (рис. 2), ведущим от шестиугольной башни (через нее был выход к р. Олонке) к центральной мостовой. На плане он показан немощным, однако вполне допустимо, что этот сырой, как показали рас-

копки, участок на стыке с центральной улицей для удобства въезда на нее благоустроили.

Археологическое наблюдение за прокладкой траншеи для водопровода позволило сделать ряд важных наблюдений, не прибегая к широкому вскрытию участков. В соответствии с инженерным планом, утвержденным архитектурным отделом мэрии г. Олонца, траншея для водопровода шла от водозабора на берегу р. Олонки в направлении с востока на запад, поднималась на территорию крепости, пересекала ее почти в направлении север – юг, затем вновь поворачивала на запад вдоль обочины улицы 30-летия Победы по кустарниковой полосе, поворачивала под тупым углом к дому Куттуева и вновь под углом подходила непосредственно к зданию (рис. 3). Прокладывалась траншея экскаватором шириной 0,6 м, максимальной глубиной 2–2,1 м, длиной 124 м.

На профиле траншеи к дому Куттуева видна перемешанность слоев, связанная, по всей вероятности, с его строительством и реконструкцией. Дом Куттуева, построенный в 1871 году, в 1995-м был разобран до основания. Перед тем как возвести на старом фундаменте новое здание, научно-производственным центром по охране и использованию памятников истории и культуры при Министерстве культуры Республики Карелия было предложено провести археологическое обследование фундамента. В результате выяснилось, что в процессе сооружения фундамента (располагался на природных мощных валунах) и сопутствующих строительных работ культурный слой крепости разрушен. Собраны фрагменты гончарной керамики, кусочки слюды, две медные монеты 1728 и 1896 годов.

Профиль северного конца траншеи на склоне показал, что никаких остатков деревянной крепостной стены здесь не сохранилось, то есть высказывавшиеся ранее предположения о том, что р. Олонка основательно подмыла береговую часть мыса и обрушила крепостную стену в реку (кроме укрепления рва со стороны р. Олонки, о которых говорилось выше), подтвердились. Не удалось выявить остатки городской стены на берегу р. Мегреги в 2008 году (раскоп XVIII, 16 м²).

Далее траншея, идущая с севера на юг вдоль здания суда и пешеходной асфальтовой дорожки, обнажила слой битого кирпича, достигавший максимальной толщины 0,32 м. Этот слой образовался, вероятно, при разборке из-за ветхости находившихся в этой части крепости каменных Троицкого собора и церкви Богоявления Господня (разрушились по причине зыбучести грунта).

Северная сторона траншеи вдоль улицы 30-летия Победы и пешеходной дорожки весьма информативна. В профиле выявлена кладка из валунов высотой до 2 м, шириной в некоторых местах до 4 м. Под валунной кладкой зафиксированы остатки мощных бревен. Валуну для территории крепости нехарактерны, они привезены со стороны, так как четвертичные отложения Олонца состоят из суглинков и глинистых

грунтов мягкопластичной и текучей консистенции. Описанный участок траншеи, на мой взгляд, является фрагментом каменной палатки, которую в прошлом мы так долго и безуспешно искали. Напомню ее документальное описание.

В 1674–1676 годах в Олонецком городе строилось первое каменное здание – приказная палата для хранения денежной казны, пороха, свинца и прочих припасов. Под фундамент был выкопан ров общей длиной (в пересчете на современные меры длины) немногим более 77 м и глубиной около 1,8 м. К сожалению, в смете не указаны размеры здания. В дно рва было вбито 959 свай длиной 2,1 м каждая, на торцы которых были уложены 84 пластины-лежни, после чего ров забутили диким камнем. Сама постройка была кирпичной. Трудно представить, как выглядела каменная палатка: на плане XVII века она изображена в виде высокой, может быть, двухэтажной постройки, на плане XVIII века – в виде длинного одноэтажного здания. В конце XVIII века это здание называлось ветхим. При многолетних археологических работах на участке, примыкающем к р. Мегреге (раскопы VII–X, XIII–XV), вскрыта большая территория, но следов такого мощного сооружения обнаружено не было. Понятно, что план Олонца XVII века не является топографическим планом, и не все архитектурные детали реалистичны. В этом убедились многие исследователи, пытавшиеся совместить план крепости с современным городским планом. Несовпадение плана XVII века с современной топографией подтвердилось и в полевом сезоне 2007 года.

Находок в траншее не обнаружено, поскольку на территории крепости они сопутствуют только жилым сооружениям, но вынутый грунт был вновь возвращен на место, за исключением валунов, так как они могли бы повредить водопровод. По моей просьбе они оставлены на краю траншеи, чтобы напоминать о каменном рве под каменной палаткой.

Итак, на территории Олонецкой крепости в 1973–1975, 1988, 1990–1991, 1993, 1995, 2004, 2007, 2008 годах вскрыта площадь около 1000 м² (18 раскопов, несколько шурфов, траншея). Конечно, в сравнении с территорией, занимаемой крепостью, это небольшая часть, но следует учитывать плотность застройки исторической части города, а также отсутствие бюджетного финансирования, что не позволяет изучать крепость большими участками. Однако археологические исследования прояснили и существенно дополнили письменные источники по истории военно-административного центра Олонца, защищавшего западные рубежи Московского государства.

Большинство находок, собранных на территории Олонецкой крепости, – фрагменты гончарной керамики (более 2500), обломки железные (170) и медных изделий (70), точильные бруски (20), обломки курительных трубок (21), кремни оружейные (24) и т. д.

О постепенном превращении Олонца в торговый город свидетельствуют находки монет (107), в основном мелких медных XVIII–XIX веков. Ни одной монеты, относящейся к периоду строительства крепости, не обнаружено. Наиболее ранняя группа из пяти монет датируется концом XVII – началом XVIII века. Монет времени правления Анны Иоанновны (1730–1740) – 40, Елизаветы Петровны (1741–1761) – 22, Екатерины II (1762–1796) – 15. Монеты Павла, Александра и Николая (первых) немногочисленны [5; 183].

Своеобразие и неповторимость Олонцу придавали церкви. Они неоднократно перестраивались и за малым исключением до наших дней не сохранились. Здания в основном были деревянными. Кирпич в силу дороговизны применялся

мало. Культовые здания города концентрировались на территории крепости, на о. Мариам и ближайших береговых участках рек Олонки и Мегреги [6]. Олонец в те времена был крупным центром художественной культуры Севера [11].

Усилиями энтузиастов в 1990 году Олонец обрел статус исторического города России. В 2009 году Олонецкой крепости исполнится 360 лет. Необходимо помнить об этом и бережно относиться к сохранению историко-культурного достояния, оставленного предшествующими поколениями.

Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей».

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1. ДАИ – Дополнения к Актам историческим.
2. РИБ – Русская историческая библиотека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Глазырина Г. В. Alaborg «Саги о Хальвдане, сыне Эйстейна»: К истории Русского Севера // Древнейшие государства на территории СССР: 1983 год. М.: Наука, 1984. С. 207–208.
2. Джексон Т. Н., Мачинский Д. А. «Сага о Хальвдане, сыне Эйстейна» как источник по истории и географии Северной Руси и сопредельных областей в IX–XI вв. // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск: ПетрГУ, 1989. С. 128–145.
3. Древнерусские города в древнескандинавской письменности. М.: Наука, 1987. 208 с.
4. Карелия в XVII в.: Сб. документов. Петрозаводск: Госиздат КФСР, 1948. 443 с.
5. Кочуркина С. И. Народы Карелии. Петрозаводск: Карелия, 2005. 208 с.
6. Куспак Н. В. Церковные сооружения Олонца // Древний Олонец. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 1994. С. 66–85.
7. Мамонтова Н. Н. Топонимия Олонецкого края // Древний Олонец. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 1994. С. 111–129.
8. Новгородская первая летопись старшего извода. М.; Л.: АН СССР, 1950. 642 с.
9. Овсянников О. В., Кочуркина С. И. О Древнем Олонце // Средневековые поселения Карелии и Приладожья. Петрозаводск: Карельский филиал АН СССР, 1978. С. 96–105.
10. Олонецкий сборник. Вып. 4. Петрозаводск: Губ. тип., 1902. 76 с.
11. Платонов В. Г. Иконопись // Древний Олонец. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 1994. С. 86–110.
12. РИБ. СПб.: Археографическая комиссия, 1884. Т. 8. С. 907–950.
13. Росписной список воеводы князя Федора Волконского 1649 г. // ДАИ. СПб.: Археографическая комиссия, 1848. Т. 3. С. 227–231.
14. Роспись сметная Олонцу 1672 г. воеводы Ивана Баклановского // ДАИ. СПб.: Археографическая комиссия, 1857. Т. 6. С. 220–226.
15. Щапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси X–XIV вв. М.: Наука, 1972. 231 с.
16. Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв. М.: Наука, 1991. 384 с.

УДК 94(47)"1917/1991"

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА ВАВУЛИНСКАЯ

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН
ludvav@mail.ru

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЙ ТРУД В КАРЕЛИИ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

Впервые в местной исторической литературе рассмотрен вопрос о роли принудительного труда в экономике Карелии в середине 1940-х – середине 1950-х годов. Характеризуются такие категории принудительного труда, как спецпоселенцы и иностранные военнопленные. Выявлены особенности спецпоселения в республике, показаны основные сферы применения труда военнопленных и спецпоселенцев.

Ключевые слова: спецпоселенцы, военнопленные, условия труда, экономика Карелии

На рубеже 1920–30-х годов в условиях индустриализации и все возрастающего спроса на дешевую рабочую силу на смену старой пенитенциарной системе со строгой изоляцией спецконтингента приходит новая – спецпоселения, исправительно-трудовые лагеря, колонии открытого типа. К началу Великой Отечественной войны Наркомат внутренних дел СССР являлся одним из крупнейших ведомств, на которое было возложено решение важных народно-хозяйственных задач.

Принудительный труд использовался, прежде всего, на наиболее сложных участках работ, в районах с неблагоприятными природно-климатическими условиями. Одним из таких регионов являлась Карелия. В начале 1930-х годов на базе строительства Беломорско-Балтийского канала формируется система ГУЛАГа в Карелии, отрабатываются основные принципы и методы пенитенциарной практики в советский период. В республике в широких масштабах применялся труд спецпереселенцев (трудпоселенцев), число которых составляло к

началу Великой Отечественной войны почти 30 тысяч¹. В большинстве своем это были раскулаченные крестьяне, выселенные с Урала, Центрально-Черноземной области, Поволжья, Украины и проживавшие в поселках Беломорско-Балтийского комбината НКВД СССР, а также содержащиеся в поселках отдела исправительно-трудовых колоний НКВД КФССР семьи бывших кулаков – финнов, эстонцев и др., прибывших из Мурманской области.

В годы войны расширилась система принудительного труда: в составе спецконтингента появились трудмобилизованные, военнопленные, интернированные.

В послевоенное десятилетие усилился процесс централизации управления народным хозяйством. В Карело-Финской ССР предприятия союзного подчинения давали около 2/3 всей валовой промышленной продукции [15; 690]. Жесткая централизация управления позволяла организовать бесперебойную переброску спецконтингентов рабочей силы в масштабах страны.

В условиях острой нехватки рабочих и специалистов в Карелии насильственная миграция призвана была сыграть немаловажную роль в решении задач восстановления и дальнейшего роста промышленного производства.

Изучение проблем использования в республике принудительного труда в 1940–50-е годы представляет особый интерес в связи с тем, что если в масштабах страны и отдельных регионов эти вопросы уже получили всестороннее освещение [1], [6], [9], [10], [11], [12], [17], [18], [27], то в Карелии они исследовались только применительно к периоду 1920–30-х годов [4], [5], [14], [20], [21], [22], [24], [25]. Участие же «спецконтингента» в восстановлении и развитии экономики края в послевоенные годы еще не стало предметом специального изучения и получило освещение лишь в сборниках документальных материалов и статьях В. Т. Двинской и Л. И. Вавулинской [3], [8], [23], [26].

В статье на основе введения в научный оборот комплекса ранее не публиковавшихся архивных документов освещаются новые страницы послевоенной истории республики, связанные с участием спецпоселенцев и иностранных военнопленных в восстановлении и развитии экономики республики (другие категории принудительного труда не рассматриваются, в частности заключенные, интернированные, трудмобилизованные).

Лесная промышленность была выделена как приоритетная в послевоенных планах развития народного хозяйства республики, так как стране нужен был лес для восстановления предприятий и учреждений, строительства жилья. Карело-Финская ССР являлась важным источником снабжения крепезным лесом Донецкого и Подмосковного угольных бассейнов, крупной базой лесопиления на внутренний рынок и на экспорт.

Война нанесла огромный урон лесозаготовительным предприятиям республики. Полностью прекратили свою деятельность 40 из 46 лес-промхозов, на 80 % сократились основные средства производства, на 95 % – автомобильный и тракторный парк. Лесная промышленность республики в 1946 году насчитывала лишь 4,3 тыс. постоянных рабочих, то есть в три раза меньше, чем в 1940 году [16; 113, 129]. Нарастание объемов лесозаготовок в республике требовало поступления все новых партий рабочей силы.

В мае 1944 года были расширены права органов НКВД на местах в области заключения договоров о трудовом использовании спецпереселенцев – бывших кулаков: теперь эти договоры, в том числе и на количество свыше 500 человек, утверждались руководством НКВД/УНКВД без представления их в Отдел спецпоселений НКВД СССР². Важным шагом в урегулировании трудового использования бывших кулаков (до весны 1946 года они были единственной категорией спецпереселенцев в республике) явилось прекращение с 1 сентября 1944 года 5%-го удержания с их заработной платы на расходы по административному

управлению и надзору, установленного Постановлением СНК СССР от 1 июля 1931 года.

Особое внимание при использовании предприятиями труда спецпереселенцев обращалось на соблюдение режима спецпоселения.

Спецпереселенцы не имели права без разрешения коменданта отлучаться за пределы района расселения, обслуживаемого данной спецкомендатурой. Самовольная отлучка рассматривалась как побег и влекла за собой ответственность в уголовном порядке. 6 декабря 1944 года Отделение спецпоселений НКВД КФССР направило в адрес наркоматов и ведомств письмо, предупреждавшее, что в случае невыполнения хозорганими требований режима спецпоселений рабочие-спецпереселенцы будут отозваны³.

В четвертом квартале 1946 года на учете в республике состояло 3811 спецпоселенцев (бывших кулаков), из них трудоспособных – 2619 человек (68,7 %). Наибольшая их часть работала на предприятиях Министерства речного флота (962 человека), Министерства земледелия (588 человек), лесной промышленности (427 человек), Министерства промышленности строительных материалов (392 человека), Промсовета КФССР (217 человек), Министерства животноводства (204 человека), на предприятиях коммунального хозяйства (138 человек) и т. д. По половозрастному составу спецпоселенцы распределялись следующим образом: 1407 мужчин и 1433 женщины. Детей до 16 лет насчитывалось 971 человек (25 % от общего числа спецпоселенцев)⁴.

В отчетах о работе Отделения спецпоселений МВД КФССР неоднократно отмечались добросовестное отношение большинства спецпоселенцев к труду, систематическое перевыполнение ими норм выработки. Так, в отчете за второй квартал 1946 года подчеркивалось, что «большая часть спецпоселенцев является хорошими специалистами, добросовестно относится к работе, поэтому организации ими очень дорожат, и при поступлении новой партии спецпоселенцев каждая организация добивается выделения прибывших спецпоселенцев»⁵.

Бывшие кулаки находились на спецпоселении в Карелии с конца 1920–30-х годов, за это время они адаптировались к жизни в условиях Севера, обзавелись семьями, хозяйством. В экстремальных военных условиях и обстановке послевоенной разрухи добросовестный труд являлся для многих бывших кулаков достойным вкладом в общее дело победы над врагом и восстановления разрушенного народного хозяйства. Так, в Маленгском лесопункте были представлены к медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» 78 из 82 спецпоселенцев – бывших кулаков⁶. В Прионежском районе КФССР в числе отличников лесной промышленности было 9 спецпереселенцев, получивших премии и подарки. 8 спецпоселенцев-колхозников района работали в 1945 году от 400 до 500 трудодней⁷. Неоднократно премировались и заносились на Доску

почета республиканской газеты «Ленинское знамя» спецпереселенцы-трактористы Повенецкой и Тунгудской МТС.

В условиях тяжелого материального положения перевыполнение производственных норм давало возможность получения дополнительных средств или определенных преимуществ для содержания семей бывших кулаков.

Многие спецпоселенцы прошли профессиональную подготовку и приобрели специальности. Документы местных архивов убедительно свидетельствуют о том, что в условиях острой нехватки рабочей силы в республике после войны спецпоселенцы часто являлись единственными специалистами в своей области. Так, заместитель наркома местной промышленности КФССР обратился в апреле 1945 года в Наркомат внутренних дел КФССР с просьбой о разрешении переезда специалистов-трудпоселенцев Надвоицкой мебельной фабрики на организуемое мебельное и спичечное производство в г. Сортавала⁸. В феврале 1946 года по просьбе начальника Управления Беломорско-Онежского пароходства Новоселова НКВД КФССР разрешил въезд и проживание в г. Петрозаводске сроком на 2 месяца 15 специалистам-трудпоселенцам, находившимся в Беломорске и Надвоицах, для выполнения котельных и плотничных работ на Петрозаводском судоремонтном заводе. На том же заводе был продлен срок работы до 1 апреля 6 специалистам-котельщикам, с отъездом которых неизбежно остановились бы работы по ремонту судов⁹. В июле 1945 года НКВД КФССР разрешил направить трудпоселенцев из пудоожского совхоза № 1 – бригадира по крупному рогатому скоту М. Ф. Величко и бригадира по свиноводству А. В. Дубровину – в Петрозаводск для сопровождения скота, который перебазировался из Пудоожы в совхозы Сортавальского и Питкярантского районов¹⁰.

Зачастую администрация предприятий на свой страх и риск разрешала хорошо зарекомендовавшим себя на работе спецпоселенцам выехать на короткий срок на родину в связи с семейными обстоятельствами, направляла их в командировки в другие районы республики, исходя из производственной необходимости. Часть спецпоселенцев была выдвинута на руководящие должности, среди них: мастер цеха газогенераторного завода К. Е. Кучернюк, работники Беломорско-Онежского пароходства: старший механик И. Ф. Омельчак, мастер кузнечного цеха Г. К. Боровик, начальник лесоцеха П. И. Кондратьев, мастер по производству судов Н. А. Цыганков, старший электрик В. К. Сепп и др.

В то же время из ряда районных органов НКВД поступала негативная информация о работе спецпоселенцев, бывших кулаков. Так, в письме начальника Пудоожского РО НКВД начальнику Отделения спецпоселений НКВД КФССР от 27 декабря 1944 года сообщалось о том, что «в совхозе № 1 переселенцы буквально разложились, массовое воровство (хищение

хлебопродуктов и обдаивание коров у населения г. Пудоожы) стали обыденным явлением. Переселенцы в этом совхозе все устроились на легкие работы, как-то: бригадирами, кладовщиками и в большинстве своем не занимаются физическим трудом, а когда дело доходит до уборки урожая, то совхоз обрабатывается мобилизованными гражданами г. Пудоожы. Кроме того, – продолжает автор письма, – я еще считаю ненормальным и такое положение, когда в советском хозяйстве один директор является вольнонаемным, а все остальное руководство и работа передоверена кулакам. Надо взять отсюда часть рабочих и перевести на лесозавод...»¹¹.

Серьезной проблемой в организации труда и быта спецпоселенцев оставалась мобилизация с постоянного места жительства для работы на других предприятиях. В директиве заместителя народного комиссара внутренних дел СССР Наркомату внутренних дел КФССР (1944 г.) отмечалось: «Имеют место факты, когда органы НКВД по постановлениям местных советских органов проводят без санкции НКВД СССР мобилизацию спецпереселенцев на работу в промышленные предприятия, стройки и городские организации.. Это приводит к тому, что трудоустроенные семьи спецпереселенцев, получившие жилые, приусадебные и земельные участки, засеявшие огороды, при их мобилизации все это теряют и попадают в крайне тяжелые условия. НКВД СССР категорически запрещает проводить какие бы то ни было мобилизации спецпереселенцев с их постоянного места жительства (расселения). Мобилизация спецпереселенцев может проводиться только по указанию и с разрешения НКВД СССР»¹².

Проходивший более активно после окончания войны процесс освобождения из спецссылки бывших кулаков (участников войны и членов их семей, детей спецпоселенцев, достигших 16 лет и др.) вызвал беспокойство со стороны руководства предприятий, на которых работали спецпоселенцы. Получив документы на освобождение из спецссылки, бывшие кулаки требовали увольнения с работы и разрешения выезда на родину или к избранному месту жительства. В связи с этим МВД КФССР разъяснило директорам предприятий, что освобождать от работы можно только тех спецпоселенцев, которые освобождены по инвалидности или выезжают на соединение с семьей как лица, не имеющие средств существования. Остальные спецпоселенцы могли увольняться с работы только на общих основаниях со всеми гражданами и несли равную ответственность за самовольный уход с работы¹³. Таким образом, по существу получившие освобождение, бывшие кулаки оставались закрепленными за предприятиями.

В мае 1947 года все спецпоселенцы, бывшие кулаки, расселенные на территории КФССР, были освобождены из спецпоселений (за исключением лиц, оставленных на спецпоселении по

национальному признаку). В Карело-Финской ССР это произошло раньше, чем в ряде других регионов страны, где окончательно ограничения по спецпоселению бывших кулаков были сняты постановлением Совета Министров СССР от 13 августа 1954 года. Освобожденные спецпоселенцы получили паспорта без ограничений, на общих основаниях. Таким образом, контингент спецпоселенцы – «бывшие кулаки» на территории республики перестал существовать. Всего на 1 июля 1947 года было снято с учета и освобождено 2068 семей (3812 человек)¹⁴. Большинство их, по сведениям Отделения МВД КФСР, остались жить и работать в Карелии.

Широко использовался в послевоенные годы труд иностранных военнопленных. В республике были организованы 4 лагеря для военнопленных, управления которых находились в Сегеже (№ 212), Петрозаводске (№ 120), Питкяранте (№ 166) и Пудоже (№ 447). На 1 июля 1946 года в 4 лагерях и двух спецгоспиталях насчитывалось 23579 военнопленных, в основном немцев, а также венгров, австрийцев, румын и прочих¹⁵. Отличительной особенностью лагерей военнопленных на Европейском Севере являлось то, что они фактически заменили лагеря ГУЛАГа, большинство из которых было расформировано к 1947 году [18; 52]. В Карело-Финской ССР основной контингент заключенных ГУЛАГа был эвакуирован в другие лагеря страны в годы Великой Отечественной войны [7; 283].

Ситуация с трудовым использованием военнопленных на первых порах была крайне сложной из-за физического состояния контингента, недостаточной готовности лагерей, трудностей с обеспечением их продовольствием и обмундированием, акклиматизацией военнопленных. В лагере № 212 в декабре 1944 года на работу выходило 50–60 % военнопленных. В январе 1946 года из общего числа военнопленных 3889 человек, находившихся на лесозаготовительных работах Наркомлеса республики, на работу выходило 50 %, а в первой декаде февраля – 32 % списочного состава. При этом средняя выработка дневных норм составляла 30 % от плановой, а по отношению ко всему списочному составу военнопленных – 15 %¹⁶. В строительных организациях республики в начале 1947 года военнопленные и заключенные составляли более 2/3 от общего числа работающих. В первом полугодии 1946 года средняя производительность одного военнопленного по Строительному управлению при Совете министров республики составляла 71 %¹⁷.

Нередко ослабленные военнопленные использовались на тяжелых работах. В лагерном отделении «9-й квартал» Пудожского лагеря № 447 военнопленные, отнесенные по своему физическому состоянию к третьей категории, работали в карьере на строительстве дороги. До места работы и обратно они добирались пешком, проходя до 10 км. Не будучи способными выполнять нормы выработки, они не получали до-

полнительного питания. Естественно, что через короткое время многие из них оказывались в оздоровительной команде или в госпитале. Как свидетельствуют архивные документы, довольно часто дополнительные продукты, положенные перевыполнявшим нормы военнопленным, не выдавались или поступали в общий котел. Бывали случаи вывода военнопленных на работу без обуви (ст. Ильинское Олонецкого района), в результате чего имели место два случая тяжелого заболевания со смертельным исходом.

На ряде предприятий, использовавших труд военнопленных, вошло в систему занижение процентов выработки спецконтингента. Так, на Питкярантском бумажном комбинате ежедневно работали 14 бригад в составе 315–320 человек, в среднем выполнявшие норму на 101–120 %, что давало им право на получение дополнительного питания. Однако по указанию врио директора предприятия нормы выработки были снижены на 10–40 % якобы на основании того факта, что «немцы тихо вообще работают, мы много за них уплатили денег, а работы не видно, чего их жалеть». Аналогичная ситуация сложилась на объектах бумажного комбината в Харлу, где при исчислении заработка военнопленных за ноябрь 1945 года вместо 33 тыс. руб. было выплачено 2 тыс. руб.¹⁸

Труд военнопленных широко использовался на восстановлении и строительстве производственных, культурно-бытовых и жилищно-коммунальных объектов республики. В 1946 году по республиканскому и местному хозяйству в промышленности Петрозаводска было занято до 18 %, а в строительстве – до 70 % так называемого спецконтингента. На многих предприятиях Петрозаводска в начале 1947 года военнопленные составляли основную часть рабочей силы: на судостроительном заводе № 789 – 70 %, металлзаводе – 54 %, газогенераторном заводе – 42 %, Сулажгорском кирпичном заводе – 80 %¹⁹. На большинстве объектов и во всех строительных котлонах военнопленные трудились совместно с вольнонаемными рабочими, в смешанных бригадах, причем военнопленным поручались наиболее трудоемкие и низкооплачиваемые работы. Нередко военнопленные работали только под присмотром мастеров и бригадиров, а специалисты-военнопленные использовались как технические руководители на стройках.

Прораб Пудожской районной стройконторы М. П. Агеев так оценивал работу военнопленных: «По утрам ко мне приводили под конвоем 50 пленных. Они всегда были в форме вермахта. Бригадиром у них был полковник Крейс, других я не знал. Жили они в транспортном городке. Там их было больше. Работали они и в леспрохозе, чистили берега. Жилось им, наверное, не хуже, чем нашим людям. А ведь в Пудоже было голодно. И они, пленные, таскали с огородов картошку и доили чужих коз. Это были крепкие, здоровые мужчины. Они не знали, когда их освободят, и трудились без охоты. “Если бы мы

знали, – говорили они, – когда нас освободят, то построили бы клуб за год”» [28; 40].

Архивные документы свидетельствуют о том, что нередкими были случаи сознательного истощения организма, членовредительства со стороны военнопленных, не желавших выходить на работу, гораздо реже отмечались факты скрытого и прямого саботажа и вредительства – порчи оборудования, кражи деталей и т. п. Многие военнопленные отрицательно относились к перевыполнению норм своими соплеменниками. Военнопленный Хааг Вили говорил: «Если бы мы жили дружно, то русские не могли бы заставить нас работать. Есть военнопленные, которые перевыполняют нормы, но они не понимают, что этим самым отнимают хлеб у тех, кто недополняет [нормы]. Нам положено 600 граммов хлеба в день, и мы их получим, если прижмем тех, кто перевыполняет нормы, чтобы они не работали больше других. Только тогда мы избавимся от русского «давай, давай»²⁰.

На многих предприятиях труд спецпоселенцев и военнопленных использовался неэффективно из-за недостатков в организации труда: плохо был поставлен учет выполненной работы, своевременно не выдавались наряды, много времени затрачивалось на ожидание транспорта для переезда к месту работы и обратно, нередко были случаи необеспеченности инструментами²¹.

В 1946–1947 годах производственные показатели лагерей для военнопленных стали улучшаться. Этому способствовали осуществленные меры по оздоровлению военнопленных, завершению обустройства лагерей, улучшению организации труда спецконтингента, а также отправка на родину больных и ослабленных военнопленных. Степень самокупаемости лагерей в целом по стране составила в 1946 году 93,5 % против 76,5 % в 1945 году [6; 177].

В середине 1946 года в лагере № 120 средне-списочный состав контингента военнопленных составлял 8809 человек, а трудовой фонд – 7064 человека. Выработка на человеко-день составила 11,13 руб. при плане 11 руб., а производительность труда – 93,5 % от плановой²². В лагере для военнопленных № 447 в марте 1947 года на оплачиваемые работы выводилось 680 человек, а в мае – 1404 человека (88 % трудового фонда)²³. На 1 января 1947 года в 4 лагерях военнопленных, расположенных на территории республики, нормы выработки не выполнял 31 % контингента (4927 человек), но в результате перевыполнения норм остальными военнопленными средняя производительность труда составляла 106,6 %²⁴.

Руководство республики неоднократно обращалось с просьбами в высшие органы власти страны о выделении дополнительных спецконтингентов рабочей силы. Распоряжением Совета министров СССР от 6 апреля 1946 года МВД СССР было разрешено направить в Карело-Финскую ССР 4250 спецпереселенцев-«власовцев», из них 2250 человек – в целлюлозно-бумаж-

ную и 2000 – в лесную промышленность. Распоряжением Совета министров СССР от 9 апреля 1946 года для работы в лесной промышленности республики дополнительно выделены 1075 человек. Кроме того, 675 человек были направлены на предприятия Главснаблеса и 389 – на лесозаготовки Управления военного строительства. Таким образом, на работу в КФСР прибыли 6389 спецпереселенцев²⁵. Этого количества рабочих было недостаточно для выполнения напряженных планов лесозаготовок, и местные власти обратились в МВД СССР с просьбой о выделении для республики еще 2 тыс. спецпереселенцев, однако эта просьба не была удовлетворена.

В отличие от многих других краев, областей и республик страны, высылка депортированных по национальному признаку в Карелию в послевоенные годы не получила широкого распространения, что, видимо, объяснялось пограничным расположением республики. Если в Коми АССР, Архангельской и Вологодской областях преобладающей в количественном отношении категорией спецпоселенцев являлись немцы, то в Карело-Финской ССР – «власовцы». К этой категории спецпоселенцев, помимо лиц, служивших (как правило, рядовыми) в строевых формированиях фашистской Германии и ее союзников, в полиции и органах оккупационной администрации, была отнесена часть побывавших в фашистском плену советских офицеров. Постановлениями ГОКО от 18 августа 1945 года, СНК СССР от 21 декабря 1945 года и Совета министров СССР от 29 марта 1946 года они отправлялись из проверочно-фильтрационных лагерей НКВД на спецпоселения сроком на 6 лет. Семьи «власовцев» не выселялись. Статус спецпоселенцев для «власовцев» не был наследственным. Дети, родившиеся в их семьях, считались свободными с момента рождения. Родные и близкие, добровольно прибывавшие в места поселения для совместной жизни с «власовцами», на учет спецпоселения не ставились.

В отличие от Коми АССР, Архангельской и Вологодской областей, в Карелии не было спецпоселенцев-«оуновцев» (оуновцы от ОУН – «Организация украинских националистов»), зато в единственной из республик и областей Европейского Севера здесь находились спецпоселенцы-«указники» – выселенные в основном из Украины, а также ряда других республик и областей страны колхозники, ставшие жертвами кампании за укрепление колхозов, выполнение обязательного минимума трудовых. Они выселялись на основании постановления Совета министров СССР от 21 февраля 1948 года «О выселении из Украинской ССР лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный паразитический образ жизни» и Указа Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 года «О выселении в отдаленные районы страны лиц,

злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный паразитический образ жизни». Срок выселения им был определен в 8 лет. Для этих лиц, как и для «власовцев», статус спецпоселенца не был наследственным, и родственники, проживавшие с «указниками», на учет спецпоселений не ставились.

Материалы по результатам проверки жалоб на необоснованность выселения «указников» из родных мест показывают, что во многих случаях из колхозов выселяли инвалидов труда, людей, которые из-за болезни, наличия малолетних детей не могли выработать установленного минимума трудовой. Предъявленные же им обвинения в спекуляции и ведении паразитического образа жизни при проверке не подтвердились.

Таким образом, важной особенностью спецпоселений послевоенных лет в республике являлось преобладание социально-политических, а не этнических мотивов переселения. Другой особенностью спецпоселений в республике являлось то, что в Карелии не использовались исправительно-трудовые лагеря и спецстройки МВД в качестве места жительства спецпоселенцев, которых не изолировали от местного населения.

Поступившие в республику в 1946 году более 6 тыс. «власовцев» были определены на работу, главным образом, в лесную промышленность республики. Однако пополнение леспромпхозов кадрами зачастую не решало проблемы отрасли из-за недостатков в организации труда, слабой технической вооруженности предприятий. Отмечались случаи, когда администрация предприятий самовольно поднимала нормы или снижала расценки, задерживала заработную плату, не выдавала наряды на работы и расчетные книжки. Органам МВД приходилось оказывать давление на местных хозяйственных руководителей, чтобы пресечь тенденцию к дискриминации в оплате труда спецпоселенцев по сравнению со свободными рабочими и служащими.

Много недостатков имело в материально-бытовом устройстве спецпоселенцев. Так, в приказе по Министерству лесной промышленности Карело-Финской ССР о состоянии и мероприятиях по улучшению бытового и трудового устройства вновь прибывших рабочих спецконтингента от 29 августа 1946 года отмечалось: «Как показала проверка, произведенная Министерством в период с 16 по 22 августа на Пайском, П[яжиево]-Сельгском, Шуйско-Виданском и Вирандозерском мехлесопунктах, в вопросах бытового и трудового устройства прибывших рабочих имеются крайне недопустимые явления. На Вирандозерском мехлесопункте рабочим выдали 380 матрацев, однако рабочие спят на голых досках, потому что матрацы не набиты сеном; на П[яжиево]-Сельгском МЛП при проверке обнаружено 50 матрацев, в то же время рабочие спят на голых нарах. На этом же предприятии 16 человек рабочих спят на чердаке на полу. На Маленгском

МЛП ряд общежитий не имеет уборщиц, во всех общежитиях грязно. На П[яжиево]-Сельгском, Пайском, ряде других предприятий в общежитиях нет кипяченой воды, прачечные не работают, не хватает столов, скамеек, отсутствует освещение. В столовых и котлопунктах также нет порядка: на П[яжиево]-Сельгском МЛП имеет место приготовление недоброкачественной пищи, на Вирандозерском МЛП имеется достаточное количество мисок и ложек, но они лежат на складе, поэтому рабочие вынуждены получать пищу в котелках, ковшах, консервных банках и прочей посуде. Раздача пищи утром и вечером занимает очень много времени...

Не на всех предприятиях функционируют бани, на некоторых участках не оборудованы дезокамеры (Маленга, уч[асток] Ухта), не организована стирка белья. А поэтому имеет место вшивость. ГУРС (Главное управление рабочего снабжения. – Л. В.) не обеспечил торговлю вновь прибывшим рабочим табака и мыла. Плохо поставлено дело с медицинским обслуживанием рабочих... Все эти и многие другие недостатки привели к текучести спецконтингента: с П[яжиево]-Сельгского МЛП сбежало – 51 человек, с Шуйско-Виданского МЛП – 30 человек, с Вирандозерского МЛП – 37 человек, с Маленгского МЛП – 35 человек»²⁶.

В качестве поощрения за хорошую работу администрация многих предприятий предоставляла передовикам лучшие жилищные условия, им в первую очередь выдавались обувь и одежда, выделялось дополнительное питание за счет подсобного хозяйства. Это являлось весомым стимулом к производительному труду. На Маленгском лесопункте из 350 человек, занятых на заготовке и вывозке леса, 108 человек выполняли нормы на 100–110 % и 40 человек – свыше 110–150 %. На Вирандозерском лесопункте из 700 спецпоселенцев, занятых на основных лесозаготовительных работах, 412 человек выполняли нормы выработки на 100–130 %. На Сегежском бумкомбинате из 340 человек, занятых на основных работах, 303 человека выполняли и перевыполняли установленные нормы выработки»²⁷.

В 1948 году в республику прибыло новое пополнение спецпоселенцев – «указники». 2/3 «указников» и членов их семей (1056 человек из 1601) были направлены в лесную и целлюлозно-бумажную промышленность Карелии. Выселенные из колхозов крестьяне, среди которых было немало инвалидов и пожилых людей, не имели навыков работы в лесу, что вызывало существенные трудности в адаптации этой категории спецпоселенцев к труду. Не случайно из общего числа «указников» имелись 98 человек плохо работавших, из них в системе лесной промышленности – 89²⁸.

Крайний недостаток рабочей силы в республике нередко побуждал руководство предприятий закрывать глаза на те или иные нарушения трудовой дисциплины. В связи с этим руководство МВД республики указало директорам

предприятий: «...в ряде районов спецпоселенцы-“указники” совершают прогулы, которые в большинстве проходят безнаказанно, так как руководители предприятий не оформляют на них материалы и не возбуждают дел перед нарсудами о привлечении прогульщиков к уголовной ответственности по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 года. <...> Обязать всех руководителей предприятий и хозяйственных организаций, чтобы каждый случай прогула, допущенный спецпоселенцами-“указниками” без уважительных причин, в течение 48 часов оформлялся соответствующими материалами с передачей в нарсуд...»²⁹.

В то же время нередкими были случаи злоупотребления служебным положением со стороны администрации предприятий. Так, в ходе проверки состояния трудоустройства и жилищно-бытовых условий «указников» органами МВД совместно с представителями Минлеспрома КФСР, проведенной в 1949 году в Верхне-Выгском и Чупинском леспромахозах, были выявлены факты вымогательства денег у спецпоселенцев мастером Валдайского лесопункта Верхне-Выгского леспрохоза, грубого обращения с рабочими вплоть до применения физических мер воздействия. Мастер лесопункта был снят с работы и привлечен к уголовной ответственности³⁰.

В январе 1950 года спецпоселенцы в республике распределялись по отраслям народного хозяйства следующим образом: спецпоселенцы-«власовцы» в основном были трудоустроены на предприятиях Министерства лесной и целлюлозно-бумажной промышленности – 2693 человек из 3755, Министерства промышленности строительных материалов – 151, в леспромахозе Ленинградского горсовета – 505, на Беломорско-Балтийском канале – 74, в колхозах – 24 и др. «Указники» работали: на предприятиях Министерства лесной и целлюлозно-бумажной промышленности – 841 из 1302 человек, Министерства промышленности строительных материалов – 268, Министерства совхозов – 165, в Стройотделе МВД КФСР – 25³¹. Таким образом, распределение спецпоселенцев по отраслям народного хозяйства в республике существенно отличалось от их трудового использования в целом по стране, где подавляющее большинство выселенцев и спецпоселенцев было сосредоточено в сельском хозяйстве [29; 137].

Репатриация на родину иностранных военнопленных, освобождение в начале 1950-х годов «власовцев», отбывших 6-летний срок спецпоселения, а также части «указников» поставило администрацию предприятий в трудное положение. Постановление Совета министров СССР от 7 октября 1951 года предписывало принять меры для закрепления лиц, освобожденных от спецпоселения, на предприятиях лесной промышленности. В приказе министра лесной промышленности СССР Орлова от 13 ноября 1951 года администрации лесозаготовительных предприятий вменялось в обязанность: организовать

разъяснительную работу, заключать индивидуальные договоры со спецпереселенцами, распространить на них все льготы и преимущества, установленные для рабочих и служащих отрасли, выдавать ссуды на строительство домов, приобретение хозяйственного инвентаря, оказать лицам, освобожденным от спецпоселения и оставшимся на постоянной работе, необходимое содействие в перевозке к ним членов семей [13].

В республике имели место попытки волевыми, административными мерами добиться сохранения за предприятиями рабочей силы из числа спецпоселенцев. Пример тому – транзитная телеграмма министра лесной промышленности республики И. М. Новикова начальникам трестов Севкареллес, Сегежлес и Медвежьегорсклес от 22 июля 1952 года, в которой говорилось: «В соответствии с указаниями МГБ республики рабочие спецконтингента, получающие паспорта, остаются в распоряжении директоров на правах кадровых рабочих. Примите это к неуклонному исполнению, запретив увольнение и выдачу расчетов». Однако спустя неделю министр был вынужден отменить свое распоряжение. Телеграмма от 30 июля 1952 года гласила: «По вопросу использования рабочих спецконтингента разъяснения: после окончания срока все вопросы, связанные с дальнейшей работой и увольнением рабочих, разрешаются директором предприятия в соответствии с существующими законами. Обязываю принять меры к закреплению рабочих постоянного кадра путем разъяснительной работы, также заключения договоров».

К сожалению, по архивным документам практически невозможно определить, какое же количество бывших спецпоселенцев после своего освобождения осталось жить и работать в республике. Тем не менее совершенно очевидно, что в возрождение и развитие экономики республики в послевоенные годы вложена немалая доля их труда.

Сокращение значительного числа спецконтингентов и низкая производительность их преимущественно ручного труда привели к тому, что с конца 1940 – начала 1950-х годов ведущую роль в пополнении трудовых ресурсов Карелии стала играть межреспубликанская миграция. Лесная промышленность получила преимущество в пополнении своих предприятий кадрами из Белоруссии, Брянской, Кировской, Костромской, Псковской и других областей страны (сюда поступало более половины всех прибывших рабочих). В первое послевоенное десятилетие в республику ежегодно приезжало более 30 тыс. человек, что значительно превышало общесоюзные темпы прироста населения. В 1949–1955 годах в леспромахозы КФСР прибыло более 90 тыс. человек. Однако из-за неудовлетворительных социально-бытовых условий, невысокой квалификации прибывающих в республику по набору и промышленному переселению высокая была текучесть кадров [15; 692]. Тем не менее уже к 1953 году на лесозаготовительных

предприятиях рабочие-переселенцы составляли около 50 % общего числа постоянных кадров лесозаготовителей [19; 31].

Таким образом, с помощью принудительного труда в послевоенные годы отчасти удалось решить проблему дефицита рабочей силы в республике, но насколько был эффективен труд спецпоселенцев и военнопленных? По целому ряду причин трудно определить конкретный вклад спецконтингента в развитие экономики страны и региона: на многих предприятиях наряду с вольнонаемными рабочими трудились военнопленные, спецпоселенцы и заключенные, что практически исключает возможность определения доли трудового участия каждой из названных категорий спецконтингента; продукция военнопленных и спецпоселенцев, поставленных по «нарядам» другим ведомствам, не всегда учитывалась за НКВД; они работали, как правило, на самых тяжелых и низкооплачиваемых участках производства; нередко были случаи приписок или, наоборот, занижения объема выработанной военнопленными продукции со стороны администрации предприятий.

Применение принудительного труда играло существенную роль в экономическом возрождении Карелии. Об этом говорит тот факт, что силами «спецконтингента» МВД в 1946–1947 годах из общего объема капитальных работ, предусмотренных пятилетним планом республики, было выполнено 40 % [32]. Уже в 1949 году промышленные предприятия республики достигли дово-

енного уровня выпуска валовой продукции. За 1946–1950 годы промышленное производство в Карелии увеличилось в 4,7 раза, в то время как по РСФСР – в 1,6 раза. К середине 1950-х годов выпуск валовой промышленной продукции в республике превысил довоенный уровень почти в 2,5 раза [2; 201]. Форсированное развитие лесозаготовительной промышленности привело к возникновению сети лесных поселков, в сферу влияния которых вовлекались окружающие деревни. Часть этих поселков создавалась при непосредственном участии спецпоселенцев.

Активные миграционные процессы вели к преобразованию этнокультурного и демографического облика территории. Общая тенденция изменения этнического состава населения республики в 1939–1959 годах заключалась в росте численности белорусского и украинского населения, а также лиц других национальностей. Определенная доля в их составе принадлежала бывшим спецпоселенцам, оставшимся в республике после своего освобождения.

С точки зрения общечеловеческих ценностей, никакие экономические плюсы, которые дало применение принудительного труда, не могут оправдать крупных социальных издержек, демографических, интеллектуальных и трудовых потерь. Начавшийся в середине 1950-х годов процесс либерализации политической жизни в стране привел к разрушению спецпоселенческой системы вследствие ее экономической, политической и социальной несостоятельности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Архив Министерства внутренних дел Республики Карелия (АМВД РК), ф. 3, оп. 9, д. 3, л. 10.
2. АМВД РК, оп. 4-а, д. 30, л. 60.
3. АМВД РК, оп. 7, д. 17, л. 9.
4. АМВД РК, оп. 12, д. 30, л. 28.
5. АМВД РК, ф. 40, оп. 1, д. 226, л. 11.
6. АМВД РК, ф. 3, оп. 7, д. 8, л. 158.
7. АМВД РК, д. 11, л. 8.
8. АМВД РК, оп. 5, д. 15, л. 13; д. 17, л. 13.
9. АМВД РК, оп. 7, д. 5, л. 34, 38–39.
10. АМВД РК, оп. 5, д. 14, л. 42.
11. АМВД РК, оп. 5, д. 14, л. 3.
12. АМВД РК, д. 4, л. 89.
13. АМВД РК, оп. 9, д. 10, л. 8.
14. АМВД РК, оп. 9, д. 3, л. 29–30.
15. АМВД РК, ф. 40, оп. 1, д. 226, л. 30.
16. Национальный архив Республики Карелия (НА РК), ф. П-8, оп. 65, д. 16, л. 1–2.
17. НА РК, ф. Р-2717, оп. 4, д. 21/204, л. 87, 95; ф. П-8, оп. 1., д. 1850, л. 36.
18. АМВД РК, ф. 16, оп. 2, д. 13, л. 157 об.
19. НА РК, ф. П-1230, оп. 26, д. 3, л. 62; ф. Р-1394, оп. 3, д. 1185, л. 91.
20. АМВД РК, ф. 16, оп. 3, д. 20, л. 414.
21. НА РК, ф. Р-2716, оп. 17, д. 4/25, л. 6.
22. АМВД РК, ф. 40, оп. 1, д. 226, л. 33.
23. АМВД РК, ф. 16, оп. 3, д. 20, л. 346; д. 7, л. 406; оп. 6, д. 3, л. 94.
24. АМВД РК, ф. 40, оп. 1, д. 226, л. 58, 60.
25. НА РК, ф. Р-1394, оп. 7, д. 305, л. 234.
26. НА РК, ф. Р-2716, оп. 17, д. 4/24, л. 58–59.
27. НА РК, л. 82, 105, 107.
28. НА РК, д. 68, л. 283.
29. НА РК, оп. 14, д. 6., л. 50.
30. АМВД РК, ф. 3, оп. 12, д. 76, л. 227.
31. АМВД РК, ф. 3, оп. 12, д. 76, л. 304–305.
32. НА РК, ф. П-8, оп. 19, д. 202, л. 2.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердинских В. Спецпоселенцы: Политическая ссылка народов Советской России. М.: НЛЮ, 2005. 768 с.
2. Вавулинская Л. И. Региональная экономическая политика и особенности развития промышленности Карелии в 1950–1960-е гг. // Промышленная политика в стратегии российских модернизаций XVIII–XXI вв.: Материалы международной научной конференции, посвященной 350-летию Н. Д. Антуфьева-Демидова. Екатеринбург: Институт истории и археологии УРО РАН, 2006. С. 200–203.
3. Вавулинская Л. И. Органы управления спецпоселками в Карелии в середине 1940 – середине 1950-х годов // Материалы II межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 85-летию образования Министерства внутренних дел по Республике Карелия (4–5 сентября 2008 года). Петрозаводск: Изд-во Музея истории МВД по Республике Карелия, 2008. С. 99–104.
4. Вавулинская Л. И. Массовые репрессии в Карелии в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг. // Органы управления уголовно-исполнительной системой и карательная политика государства на Европейском Севере России: Сборник материалов научно-практического семинара (Вологда, 11 апреля 2007 г.). Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2008. С. 25–31.
5. ГУЛАГ в Карелии. 1930–1941 гг.: Документы и материалы. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1992. 225 с.
6. ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. М.: РОССПЭН, 2005. 315 с.
7. ГУЛАГ // Карелия: энциклопедия: В 3 т. Т. 1: А–Й. Петрозаводск: ПетроПресс, 2007. С. 283.
8. Двинская В. Т. О немцах-военнопленных в Карелии // Вопросы истории Европейского Севера (Проблемы социальной экономики и политики: 60-е годы XIX–XX вв.): Сборник научных статей. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1995. С. 160–162.
9. Зберовская Е. Л. Спецпоселенцы в Красноярском крае (1940–1950-е гг.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2006. 17 с.
10. Земсков В. Н. Судьба «кулацкой ссылки» (1930–1954) // Отечественная история. 1994. № 1. С. 118–143.
11. Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М.: Наука, 2003. 306 с.
12. Игнатова Н. М. Спецпоселенцы в 30–50-е годы XX века (на материалах Коми АССР): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, 2001. 20 с.
13. Игнатова Н. Спецпереселенцы в Республике Коми в 1930–1940 гг.: заселение и условия жизни. <http://www.memo.ru/library/books/korni/Chapter5.htm>.
14. Из истории раскулачивания в Карелии. 1930–1931 гг.: Документы и материалы. Петрозаводск: Карелия, 1991. 296 с.
15. История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск: Периодика, 2001. 944 с.
16. Клементьев Е. И., Кожанов А. А. Сельская среда и население Карелии 1945–1960 гг. Историко-социологические очерки. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1988. 213 с.
17. Конасов В. Б., Кузьминых А. Л. Немецкие военнопленные в СССР: историография, библиография, справочно-понятийный аппарат. Вологда: Вологодский институт развития образования, 2002. 232 с.
18. Кузьминых А. Л. Иностранцы военнопленные Второй мировой войны на Европейском Севере СССР, (1939–1949 гг.). 2-е изд., испр. и доп. Вологда: Вологодский институт права и экономики, 2005. 392 с.
19. Макуров В. Г. Развитие лесной промышленности Европейского Севера СССР в послевоенный период (1946–1955). Петрозаводск: Карелия, 1979. 80 с.
20. Макуров В. Г. Беломорско-Балтийский комбинат в Карелии. 1933–1941 // Новое в изучении истории Карелии: Сборник статей. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1994. С. 135–159.
21. Макуров В. Г. Роль ГУЛАГа в индустриальном развитии Карелии. 1920–1930-е годы // Вклад репрессированных в освоение Европейского Севера России и Приуралья: Материалы регионального научного симпозиума (Сыктывкар, 19 октября 2001 г.). Сыктывкар, 2004. С. 128–135.
22. Незвестная Карелия: Документы спецорганов о жизни республики, 1921–1940 гг. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1997. 368 с.
23. Незвестная Карелия: Документы спецорганов о жизни республики. 1941–1956 гг. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1999. 308 с.
24. Никитина О. А. Спецпоселения в Карелии (1931–1932 гг.) // Новое в изучении истории Карелии: Сборник статей. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1994. С. 121–134.
25. Никитина О. А. Коллективизация и раскулачивание в Карелии. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1997. 132 с.
26. Особые папки. Рассекреченные документы партийных органов Карелии. 1930–1956 гг. Петрозаводск, 2001. 189 с.
27. Полян П. М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М.: ОГИ-Мемориал, 2001. 328 с.
28. Смирнов В. Пудож далекий и близкий. Кондопога: Изд-во газеты «Диалог», 1994. 104 с.
29. 40–50-е годы: последствия депортации народов (Свидетельствуют архивы НКВД–МВД СССР) / Сост. Н. Ф. Бугай // История СССР. 1992. № 1. С. 122–143.

УДК 33(091)

ИРИНА СЕРГЕЕВНА НЕСТЕРОВАпреподаватель кафедры истории стран Северной Европы
исторического факультета ПетрГУ
*ines@psu.karelia.ru***ПРИГРАНИЧНАЯ ТОРГОВЛЯ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ФИНЛЯНДСКОГО И КАРЕЛИИ**

В статье рассмотрены вопросы экономической истории России и Финляндии. В частности, это история приграничной торговли в XIX–XX столетиях. Торговая деятельность осуществлялась на протяжении всей российско-финской границы. Основными товарами были ткани, нитки и пуговицы, продукция животноводства, зерно и мука, а также товары для женщин – зеркала, бусы и т. п.

Ключевые слова: приграничная торговля, коробейники, торговое законодательство, контрабанда

Ни земледелие, ни рыболовство, ни охота, в сущности, не могли обеспечить приграничное карельское население средствами к существованию. Кроме того, крестьяне нуждались в «живых» деньгах, необходимых для уплаты податей и закупки зерна. В такой ситуации для крестьян неизбежной становилась необходимость получения заработка на стороне. Занятие разносной торговлей на территории Великого княжества Финляндского в данной ситуации имело решающее значение для большинства карельских крестьян. Разносной промысел был весьма опасным занятием. Довольно частыми были случаи грабежа и даже убийства торговцев. Однако неплохие суммы дохода служили основной причиной, заставлявшей крестьян уходить на промысел. Разумеется, основная масса крестьян получаемые доходы тратила на приобретение необходимых продуктов и уплату податей в сельское правление. Но были и такие удачливые торговцы, капиталы которых позволяли им открывать собственные лавки в самой Финляндии, а со второй половины XIX века наблюдается тенденция переселения на житель-

ство в Финляндию наиболее удачливых и разбогатевших карел.

Беломорская Карелия была тем регионом, где коробейничество имело решающее значение в хозяйственной жизни населения. Этим промыслом занимались, прежде всего, крестьяне западных карельских волостей – Вокнаволоцкой, Ухтинской, Кестенгской, Олангской и других. Размеры разносной торговли были значительны. Основным районом торговли для карельских коробейников была Улеборгская губерния. Северные районы Финляндии были благоприятны в торговом отношении: при достаточно обширной территории и невысокой плотности населения в губернии крайне слабой оставалась сельская торговая сеть [19; 82].

На промысел уходили партиями в период с начала августа и до середины сентября. Пребывание торговцев в Финляндии продолжалось в течение 7–9 месяцев. Зимой редко приходили домой, а если приходили, то на очень короткое время. Весной возвращались также небольшими партиями и даже в одиночку, в разное время –

начиная с первых чисел марта и до Петрова дня. Уход и приход совпадал с более теплым временем, когда санный путь еще или уже не существовал. Настоящих дорог, по которым можно было ездить на лошадях летом, не существовало. Пути передвижения служили тропы, а в зимний период очень распространенным был способ передвижения на лыжах [27; 562–563].

По российскому законодательству, лица, занимавшиеся разносной торговлей, получали плакатные паспорта в уездных казначействах, куда волостные правления представляли поименные списки. Для торговли вразнос следовало получить свидетельство у начальника той губернии, где они собирались заниматься торговлей, предоставив заранее свидетельства о беспорочном поведении, о праве владения своим имуществом и медицинское свидетельство [13].

Проситель был обязан внести в губернское казначейство годовой взнос – не менее 25 и не более 100 марок. С дохода от промысла торговец уплачивал налог общине, в которой он числился проживающим, или же, если у него не было определенного места жительства, – той общине, в которой он преимущественно пребывал. Торговлю вразнос одно и то же лицо могло производить только в одной губернии. Свидетельством на торговлю не могло пользоваться другое лицо, также как нельзя было торговать и без свидетельства. Губернатор имел право лишить торговца права заниматься торговлей вразнос в случае нарушения этих постановлений или общих законов или же в случае халатности об этом общинного правления с приведением уважительных доводов [24; 1–2]. Непременным условием получения документа было разрешение мирского схода и обязательство своевременной уплаты податей [15; 254–255]. На деле же царил неразбериха в вопросе о том, какие документы должен иметь торговец для занятия промыслом в пределах Финляндии.

Зачастую требования властей разных губерний расходились: например, в Тавастгусской губернии, помимо всех прочих документов, требовалось еще и исповедное свидетельство от священника. От торгующих в пределах Куопиоской губернии коробейников губернское правление требовало медицинские свидетельства местных врачей, а без таковых разрешение на право торговли не выдавалось. «Таковые свидетельства законом не установлены, требуют лишних расходов, а местные врачи, следуя усиленной пропаганде о притеснении русских, отказывают в выдаче свидетельства» [8; 1–2, 19]. Возможно, отчасти этой неразберихой, а частично невозможностью уплаты необходимых податей объясняется столь малое количество выдаваемых свидетельств на отлучку. Большая часть крестьян уходила на промысел давно проложенными тайными тропами, не имея вообще никаких документов.

Губернаторы Финляндии, будучи не в силах что-либо предпринять, направляли жалобы в Сенат, затем эти бумаги шли генерал-губерна-

тору Великого княжества, а далее – императору. В итоге разносная торговля крестьян Архангельской губернии в княжестве была запрещена предписанием Сената от 12 марта 1818 года. Александр I одобрил постановление и подписал запрет в 1820 году [17; 50–51]. Но что мог значить запрет на бумаге без сопутствующих ему практических мер? Тогда не было предпринято никаких шагов для улучшения существующих и учреждения новых таможенных пунктов.

Этот закон не имел решающего значения, и коробейники продолжали ежегодно уходить на промысел. Подтверждением этого факта может служить письмо генерал-губернатора Финляндии архангельскому губернатору от 1822 года, в котором выражалась просьба прекратить незаконную выдачу паспортов [18; 45]. Однако в связи с трудным экономическим положением края местные власти зачастую смотрели сквозь пальцы на предписания финляндского Сената, продолжая выдавать паспорта карельским крестьянам.

Императорским указом 18 января 1837 года был подтвержден запрет разносной торговли крестьян Архангельской губернии в пределах Финляндии [32; 30]. Таким образом, правительство попыталось ограничить ведение незаконной торговли.

В 1839 году вышло «Высочайшее Императорское объявление касательно отмены в некоторых частях постановления 1837 года», которое разрешало российским крестьянам посещать Финляндию наравне с другими губерниями империи. Основным документом для въезда в княжество и передвижения по его территории был паспорт [14; 167].

Крестьяне, задержанные на территории Великого княжества Финляндского за ведение незаконной торговли, судились в Ратгаузских судах, которые представляли собой нижнюю инстанцию судебной власти в городах, или в Гофгерихтах, являвшихся, по сути, высшими судами. Наказанием служила выплата денежного штрафа или заключение в тюрьму [1; 2]. Однако разыскать его с крестьян было очень непростым делом.

Часто карельские торговцы прятались от наказания, определенного им в Финляндии, в самой же Финляндии. Это обстоятельство, в свою очередь, обуславливало затягивание дела, переписка могла вестись в таком случае годами и не иметь решительно никакого результата. Крестьяне Кемского уезда Ефим Марков Андреев, Федор Богданов и Иван Корнилов были приговорены Таммерфорским Ратгаузским судом к уплате штрафа в 27 рублей 83 копейки каждый или, в случае несостоятельности, к трехнедельному заключению в тюрьму. Однако Кемское уездное полицейское управление рапортовало о невозможности взыскания штрафа по причине того, что указанные лица из Финляндии на родину не возвращались [2; 1–11]. Среди выдвигаемых обвинений наиболее частыми были: «контрабанда», «торговля купеческими товарами», «бродяжничество» и т. д.

Источники, относящиеся к первой половине XIX столетия, не фиксируют массовых случаев

контрабанды, но это вовсе не означает, что торговля велась по правилам. Вероятно, этот промысел как раз и процветал в данный период времени, но слабость таможенного дела в совокупности с издаваемыми указами и распоряжениями, сулящими за проступок все большую и большую степень материального наказания (сначала наложение штрафа, позднее штраф и конфискацию) мало что могли изменить на деле.

В первый раз штраф назначался в размере стоимости товара, во второй раз он повышался в 2 раза. Конфискованный же товар отправлялся в ближайший город для продажи с аукциона. В результате из вырученных за товар денег 2/3 получал поимщик, а 1/3 шла в казну [28]. Правда, между конфискацией и аукционом был еще один этап. В случае если хозяин был неизвестен, после конфискации товара и его описи в местную газету подавалось объявление о том, что хозяин товара может пожаловаться за ним, чтобы получить обратно. Но это всегда означало, что он будет подвергнут суду, товар все равно будет конфискован, на него наложен штраф и обяжут оплатить все расходы, связанные с доставкой товара и его хранением. Именно поэтому карельские крестьяне, как правило, за арестованным товаром не являлись. Между конфискацией товара и аукционом должен был пройти срок в 1 год и 1 день, но зачастую и это условие не выполнялось. Поэтому, например, месяца через 4, когда хозяин товара все-таки решался его получить обратно, уже ничего нельзя было сделать. Товар был продан, и деньги поделены. При этом торговцу справедливо замечали, что ленсман, отбирая недозволенные товары и объявляя об этом в суд, исполняет свой долг, а бегство самого хозяина явно обнаруживает, что преступление совершено с умыслом. Кроме того, начать торговое дело заново в материальном плане было проще, чем пытаться вернуть то, что было отобрано, учитывая выплату штрафа и расходы на дорогу. И даже в случае получения товара, что случалось крайне редко, следовало заплатить компенсацию ленсману [4; 10–11].

14 января 1853 года Николаем I был издан указ, направленный на «предупреждение бродяжничества». Крестьянам Архангельской губернии при переходе через границу предписывалось отмечать паспорт у ленсмана ближайшего прихода, при посещении другого прихода вновь сделать отметку у ленсмана. По прибытии в город необходимо было делать в паспорте отметку у бургомистра [16; 316–318].

В 1859 году было издано положение о разрешении сельской торговли в Великом княжестве Финляндском. Согласно принятому закону, финляндский подданный – грамотный, умеющий читать, писать и знающий арифметику, состоятельный и имеющий доброе имя человек – имел законное право на открытие своего магазина. Последний должен был находиться не ближе 50 верст от города или торгового местечка. В лавке разрешалось торговать продуктами сельского хозяйства, изделиями промыслов и ремесел (различные пи-

щевые товары, рыба, фрукты, соль, семена, масла, краски, мыло, духи, ткани и т. д.). Запрещалось держать яды, лекарства и любые алкогольные напитки, кроме финского пива, которое следовало продавать в закрытых бутылках [30; 95]. В 1861 году минимальное расстояние, на котором должен был находиться магазин от города, составляло 10 верст [35; 226]. Для основания магазина необходимо было получить разрешение от губернатора той губернии, где располагался магазин. Однако следует отметить довольно медленное развитие сети сельских магазинов. Кроме того, владельцу магазина следовало уплачивать ежегодный налог в сумме 80–160 марок [34; 15]. Карельские коробейники, не являясь финляндскими подданными, не имели права открывать свое дело. Кроме того, их деятельность на территории Финляндии вызывала недовольство городских купцов, буржуа, а также крестьян, не желавших иметь конкурентов. Конкуренция послужила причиной спада разносной торговли. Промысел стал терять свое бывшее значение, доходы коробейников уменьшались [22; 96].

Условия разносной торговли ухудшились после введения в действие закона 1859 года; в результате гонения на коробейников сопровождалась конфискацией товаров, а задержавший торговца ленсман мог рассчитывать на треть конфискованного. Во избежание нежелательных встреч с местными властями коробейники были вынуждены обходить самые глухие и бедные деревни, где покупательский спрос населения был низким [21; 21].

Согласно указу о промыслах, одобренному Александром II в 1868 году, право на занятие торговлей имели только подданные Финляндии, умевшие писать и заполнять книгу счетов. Разрешалось продавать лишь товары финского производства [25]. Законодательное запрещение ведения торговли создало для карельского населения Кемского уезда, по сути, безвыходное положение. Финские власти при задержании торговцев-контрабандистов отбирали не только продаваемый товар, но и лошадь с упряжью. Возвращаясь домой без товара, без денег и главное без лошади, такой крестьянин был вынужден искать других заработков и зачастую, не найдя их, становился нищим бродягой [23; 32].

С падением товарооборотов ярмарок на Русском Севере коробейники перестали играть прежнюю роль посредников в торговых операциях. У них не было возможности заинтересовать покупателя продукцией ремесленно-кустарных промыслов из-за их неразвитости в северно-карельской деревне с ее патриархальными чертами и местным консерватизмом быта. Предметы одежды, перекупленные у финских торговцев вместе с прочей лавочной мелочью, представляли собой наиболее доступный товар для приобретения рядовыми и несостоятельными разносчиками [21; 20].

Некоторое уменьшение торговли с Финляндией зависело от ряда причин: обнищание карел в связи с неурожаем и уменьшением промыслов, вследствие чего произошло сокращение их денеж-

ных средств, а также уменьшение числа капиталистов, которые многим предоставляли средства для торговли. Кроме того, карелы, занимающиеся разносной торговлей в Финляндии, преследовались таможенным начальством, поскольку торговали в подрыв местных торговцев [3; 11].

Новый указ о промыслах обсуждался Сеймом в 1877–1878 годах. Комиссия выступила за расширение ассортимента товаров, разрешенных к разносной торговле [29].

Вступивший в силу 31 марта 1879 года указ разрешал ведение торговли на основании открытого паспорта, полученного в губернской канцелярии и ежегодно возобновляемого. Разрешалась продажа сельских и промышленных изделий, фаянсовой и глиняной посуды, стекла и изделий из него. Дозволялась торговля и иностранцам, им необходимо было сделать запрос на имя губернатора, приложив к нему удостоверение о хорошем имени подавателя, а также платежное поручительство об уплате казенных повинностей за три года [26].

Так в двадцатилетний период, с 1859 по 1879 год, в три этапа было осуществлено полное освобождение торговли. Закон 1859 года, разрешивший основание лавок в сельской местности, расширил географию ведения торговли. Затем закон о промыслах 1868 года полностью отменил разницу между торговцами в сельской местности и в городах, за одним только исключением – запрета на торговлю алкоголем сельскими торговцами. А законом 1879 года были окончательно отменены все ограничения, касающиеся занятий торговым промыслом [31; 191–195].

Начало XX века характеризуется гонениями на карельских коробейников. В некоторых финляндских общинах существовали целые уставы, как должно вести себя по отношению к разносным торговцам из Карелии. В 1899 году из 49 приходов Тавастгуской губернии 26 установили штрафы за скрывание странствующих лиц, занимающихся незаконной торговлей [7]. Общественный сход прихода Руовеси постановил: для поддержания в обществе хорошего порядка накладывать штраф в размере 40 марок на тех лиц, кто будет «покровительствовать шляющимся торговцам-крестьянам из Архангельской и Олонецкой губернии Российской империи». В подкрепление этому решению была издана брошюра тиражом в 3000 экземпляров под названием «Правила общины Руовеси к поддержанию порядка и спокойствия» [10].

Однажды дело дошло даже до суда. Торпарь Гладе посмел послушаться распоряжения не впускать коробейников на ночлег, за что был приговорен к лишению торпы и необходимости выехать оттуда [11]. За поимку незаконных торговцев устанавливались денежные премии, причем деньги для этой цели брались из сумм, предназначенных для истребления вредных животных [5].

Подобные нападки на карельских коробейников со стороны финляндцев были связаны, прежде всего, со слухами о предстоящем переделе земли. Торговцы обвинялись в том, что со-

бирали подписи под подобными бумагами, обращаясь «преимущественно к детям и мало смыслящим лицам» и употребляли для этой цели ласки, подарки и даже угрозы. Однако ни один русский торговец не был задержан за подобные действия [6]. Зачастую слухи о земельном переделе распускали сами жители Финляндии. Почти треть населения составляли безземельные крестьяне, мечты которых подпитывались слухами о переделе земли. Коробейники же лишь использовали подходящие слухи, говоря то, что людям нравилось, о чем они с удовольствием хотели слышать [33; 182–186].

«Русским торговцам нужно помочь, – писал Н. И. Бобриков статс-секретарю Великого княжества Финляндского В. К. Плеве 12 ноября 1899 года, – и в этих видах я хочу войти к вам с особым ходатайством». Чтобы облегчить участь гонимых, надо было пересмотреть местный сеймовый закон о промыслах. Дело грозило затянуться, поэтому Н. И. Бобриков настаивал на издании временного положения о правах крестьян-торговцев. В начале марта 1900 года Н. И. Бобриков писал В. К. Плеве: «У меня на совести лежит вопрос о предоставлении права русским торговцам продавать русские изделия. Ведь финляндцы свободно у нас торгуют и не терпят притеснений, испытываемых нашими коробейниками в Финляндии» [20; 110–111].

В апреле 1899 года слухи о переделе земли начали стихать и почти совсем прекратились в мае, когда коробейники покинули Финляндию. Частично это произошло под давлением финляндских чиновников, частично по той причине, что те коробейники, которые были связаны с земледелием, поспешили в родные места на весенние полевые работы, чтобы осенью снова вернуться к коробейничеству. Осенью ситуация уже успела успокоиться, и весенний «сезон слухов» 1899 года больше не повторялся в прежних масштабах [33; 185–186].

Летом 1899 года крестьяне Ухты, Вокнаволока и Кестеньги составили прошение генерал-губернатору Великого княжества Финляндского Н. И. Бобрикову с целью узаконить коробейный промысел как единственный, дающий средства к существованию. Только 2 июля 1900 года вышел указ, уравнивавший в правах ведения торговли в княжестве российских и финских крестьян. Однако закон этот не разрешил всех проблем. С одной стороны, коробейники как подданные России имели теперь право на торговлю, а с другой, по указу о промыслах 1859 года, – запрет на сельскую торговлю оставался в силе [18; 49]. Таким «скользким» положением коробейников и было обусловлено двойственное к ним отношение в начале XX столетия как со стороны финских властей, так и местного сельского населения.

8 августа 1900 года генерал-губернатор Финляндии разослал всем финляндским губернаторам распоряжение, предписывающее, что русские торговцы могут заниматься в Финляндии торговлей

вразнос и промыслами на тех же основаниях, что и финляндские граждане. Губернаторы были обязаны выдавать русским крестьянам разрешения на торговлю при тех же условиях, при которых это разрешение ими выдавалось финляндским гражданам или вообще местным сельским обывателям. В случае, когда ходатайство русского крестьянина на торговлю не могло быть удовлетворено, каждый раз следовало немедленно доносить об этом генерал-губернатору с указанием подробных причин отказа. Однако из-за незнания закона и коробейниками, и самими местными властями часто возникала путаница. Торговцы прибывали в Финляндию с паспортами, выданными волостными правлениями, свидетельством о благонадежности и иногда промысловым свидетельством, а местные власти требовали от них паспорта, выданные губернаторами; другие требовали отметки в графе «род занятий» – не «чернорабочий», как значилось у большинства, а «торговец»; третьи – особого свидетельства русского губернатора на право торговли. В ноябре того же года Н. И. Бобриковым были даны следующие указания: поскольку паспорта на отхожий промысел с надписью губернатора выдаются только лицам благонадежного поведения, то не следует требовать от коробейников предъявления особых свидетельств о благонадежности. Кроме того, запрещалось требовать от торговцев перевода предъявляемых ими бумаг с русского на местные языки. Полиции же вменялось в обязанность строже следить, чтобы коробейникам «не чинилось никаких препятствий по выдаче открытых листов на право торговли» [12].

Несмотря на распоряжение Н. И. Бобрикова о праве торговли карельских коробейников в Великом княжестве Финляндском, случаи отказа местными губернаторами лишь участились. Доводы приводились самые разные. В ноябре 1900 года крестьяне Архангельской губернии Кемского уезда Кестенгской волости Александр Иванов, Тимофей Карвариндин и Фома Карвариндин подали прошение на имя Улеаборгского губернатора с просьбой о выдаче разрешения на право торговли. В установленном порядке они предъявили свои паспорта и свидетельства архангельского губернатора о том, что со своей стороны он не встречает препятствий на производство указанными крестьянами разносной торговли в пределах Великого княжества Финляндского. В губернской канцелярии у них забрали документы и велели прийти на другой день, затем потребовали заплатить по 9 марок с каждого за перевод свидетельств, которые по закону должны были переводиться без всякой платы. Однако крестьяне, не желая терять времени, согласились на это условие и заплатили названную сумму. Но и после этого им отказали в ведении торговли, ссылаясь на молодость просителей (им было по 19 лет). И только в марте следующего года, после подачи жалобы на имя директора Канцелярии финляндского генерал-губернатора, они добились распоряджения о вручении документов на ведение разносной торговли [9].

Полиция, сельская администрация и помещики проявили немало жестокости, отказывая коробейникам в ночлеге, пище и т. д. У них отнимали товары, штрафовали, сажали в тюрьмы, подвергали побоям и даже наложению оков. Гонение было затеяно из желания избавиться от единственных русских свидетелей своей предосудительной деятельности среди населения в самых глухих уголках Финляндии. Однако было трудно поднять финский народ против неповинных торговцев, с которыми у него в течение столетий установились хорошие отношения [20; 110–111].

В 1905 году Николай II обратился в финляндский Сенат с проектом, по которому разрешалось передвижение на селе торговцев с товарами при условии наличия специального разрешения губернатора, возобновляемого ежегодно. В канцелярию разносчик должен был представить чек об уплате налога и документ о врачебном освидетельствовании. Паспорт и медицинскую справку предписывалось предъявлять местным властям по первому требованию. Проект обсуждался в Сейме и с небольшими изменениями был одобрен. Для каждой губернии Финляндии, где велась торговля, необходимо было получить новое разрешение, а для уплаты коммунального налога иностранцу предписывалось оставлять гарантийную сумму или какое-либо другое подтверждение. Медицинская справка возобновлялась раз в полгода, а плата за паспорт возрастала до 100 марок. Однако проект, одобренный Сеймом, не был подписан Николаем II. Новый закон, вынесенный на обсуждение Сейма, был практически идентичен прежнему. Из текста только было изъято требование получения медицинской справки. Но и этот законопроект не был одобрен Николаем II. С осени 1908 года в Сенате готовилось сразу два законопроекта, но работа затянулась до начала Первой мировой войны. Закон о предоставлении российским гражданам тех же прав на занятие торговлей и промыслами в Финляндии, что и финнам, был принят только в мае 1917 года [18; 50]. Однако и в военный период промысел продолжал процветать. Этому значительно способствовало то, что пограничная стража на время военных действий была вовсе отозвана, вероятно, в другое, более важное место.

Итак, на протяжении всего XIX и начала XX века юридический статус карельских коробейников оставался неопределенным. Запреты на ведение торговли в Великом княжестве Финляндском следовали один за другим, причем зачастую введение нового положения вовсе не означало отмену ранее действующего. Однако их размычатые формулировки были скорее выгодны самим коробейникам. Ситуация, при которой не было точности в определении того, кто мог заниматься торговлей, в совокупности со слабостью надзора и контроля со стороны таможенных структур создавала широкий простор ведению торговых операций. Люди пользовались такой возможностью в большинстве своем совсем не для того, чтобы

нажить себе значительные богатства, а главным образом для того, чтобы прокормить себя и свою семью и внести все необходимые подати.

За ведение незаконной разносной торговли карельских коробейников судили в финляндских судах. Наказание за провинность могло составлять штраф в виде нескольких десятков или сот талеров и доходить до тюремного заключения, иногда на срок до года и более. Однако получаемые от промысла прибыли обуславливали его развитие. Потерять все и начать дело заново было проще, чем каждый раз заниматься оформлением необходимых бумаг. Уследить за появлением все новых и новых постановлений в деле оформления бумаг простому крестьянину было не под силу. В процессе оформления необходимых бумаг всплывали все новые требования со стороны финских властей. В такой ситуации не каждый торговец доводил дело до конца, не желая терять деньги, а глав-

ное время. На промысел уходили давно проложенными тропами, без всяких на то документов.

Отношение финской стороны к карельским торговцам-разносчикам было двояким. Местное население очень охотно пользовалось услугами карельских коробейников. Всячески помогая торговцам, финские крестьяне сами зачастую оказывались наказанными за неисполнение постановлений властей. Местная администрация стремилась искоренить занятие разносным промыслом в пределах Великого княжества Финляндского. Обвиняя карельских торговцев в завышенных ценах на товары и даже в распространении заразных болезней, финские власти стремились не допустить конкуренции сельским торговцам. Однако коробейная торговля к этому времени имела силу традиции, и никакие законы не могли создать препятствий для ее дальнейшего существования и развития.

ИСТОЧНИКИ

1. ГААО (Государственный архив Архангельской области). Ф. 1. Оп. 4. Т. 1. Д. 993. Л. 2.
2. ГААО. Ф. 4. Оп. 12. Т. 2. Д. 89. Л. 1–11.
3. ГААО. Ф. 6. Оп. 17. Д. 75. Л. 11.
4. КА (Kansallisarkisto – Национальный архив Финляндии, г. Хельсинки). ККК (Kenraalikuvernöörin kanslia – фонд генерал-губернатора). Fa 1411/59. S. 10–11.
5. КА. ККК. Fa 1791.
6. КА. ККК. Fa 1791/IVb.
7. КА. ККК. Fa 1798/15V.
8. КА. ККК. Fb 2/83 (1900). S. 1–2, 19.
9. КА. ККК. Fb 6/25.
10. КА. ККК. Fb 8/70. I osasto.
11. КА. ККК. Fb 87/32.
12. КА. ККК. Hd 8.
13. КА. VSV (Valtionsihteerivirasto – фонд статс-секретаря). 149III.
14. ПСЗ-I. Т. XIV. № 12433. С. 167.
15. ПСЗ-I. Т. XXXII. № 24992. С. 254–255.
16. ПСЗ-I. Т. XXXV. № 26971. С. 316–318.
17. ПСЗ-I. Т. XXXVII. № 28144. С. 50–51.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

18. Базегский Д. В. Законодательство России и Финляндии о карельском коробейничестве в XIX – начале XX в. // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1993. С. 43–51.
19. Базегский Д. В. Экономические связи Беломорской Карелии и Северной Финляндии (Кайнуу) во второй половине XIX – начале XX в. Петрозаводск, 1998. 173 с.
20. Бородкин М. М. Из новейшей истории Финляндии. Время управления Н. И. Бобрíkова. СПб., 1905. 481 с.
21. Дубровская Е. Ю. Социально-экономическое положение карельских уездов в конце XIX – начале XX в. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1989. 24 с.
22. Жербин А. С. Карельские коробейники в Финляндии в XIX в. // Тезисы докладов V Всесоюзной конференции по изучению истории, языка и литературы Скандинавских стран и Финляндии. Т. 1. Ч. 1. М., 1971. С. 65–68.
23. Неведова Г. А. Торговля Карелии после отмены крепостного права в России // Ученые записки Карельского педагогического института. Т. IX. Петрозаводск, 1960. С. 27–34.
24. Проект правил для торговли вразнос // Финляндская газета. 1906. 10/23 июня. С. 1–2.
25. Сборник постановлений Великого княжества Финляндского за 1868 г. № 7. Гельсингфорс, 1868–1869. 426 с.
26. Сборник постановлений Великого Княжества Финляндского за 1879 г. № 12. Гельсингфорс, 1879–1880. 346 с.
27. Сношения архангельских карел с Финляндией // Известия Архангельского Общества Изучения Русского Севера. 1911. № 7. С. 561–564.
28. Собрание постановлений финляндских. Узаконения, обнародованные на русском языке: с дополнением. СПб.: Государственная типография, 1902. Т. 1. № 158, 159.
29. Asiokirjoja valtiopäiviltä v. 1877–1878. Osa 2. Helsinki, 1878.
30. Joustela. Suomen Venäjän – kauppa autonomian ajan alkupuoliskolla vv. 1809–1865. Historiallisia tutkimuksia LXII. Lahti, 1963. 436 s.
31. Maunanen T. Porvarista kauppiaksi – kauppiaan yhteiskunnallinen asema 1800-luvun jälkipuoliskolla // Historiallinen arkisto. 76. Helsinki, 1981. S. 185–212.
32. Nakka - Korhonen M. Halpa hinta – pitkä mitta. Vienankarjalainen laukkukauppa. Helsinki, 1988. 294 s.
33. Rasila V. Suomen torpparikysymys vuoteen 1909 / Historiallisia tutkimuksia. LIX. Kajaani, 1961. 493 s.
34. Suomen virallinen tilasto. II. Yhteenveto kuvernöörin viisivuotis-kertomuksista vuosilta 1861–1865. Helsinki, 1868. 140 s.
35. Vahkola J. Suomen historia. Jääkaudesta Euroopan unioniin. Keuruu, 2004. 495 s.

КСЕНИЯ СЕРГЕЕВНА КАЗАКОВА

аспирант кафедры дореволюционной истории России исторического факультета ПетрГУ

Ksenia-kuznec@yandex.ru

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА В РУССКИХ УНИВЕРСИТЕТАХ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

В статье на основе обширного круга источников анализируется процесс выработки единых норм и правил образовательного процесса в русских университетах первой половины XIX века. Раскрываются особенности факультетской структуры университетов того времени, лекционных и практических занятий студентов, учебного и каникулярного времени. Кроме того, подробно рассматривается процесс становления системы научной аттестации выпускников.

Ключевые слова: университетское образование, русское студенчество, факультетская структура, университетские практики, студенческий аттестат, система научной аттестации

Университеты – несомненный продукт и яркий символ европейской цивилизации. Согласно просветительской идее верховной власти, университет предназначался не только для того, чтобы обучать россиян наукам, но и для того, чтобы учить их мыслить по-европейски. В начале XIX века университет виделся новым средством социализации российских подданных, неким фильтром отбора политической и духовной элиты империи. В ходе либеральных реформ Александра I в Российской империи была создана сеть университетов. Кроме уже существующего Московского, были открыты Дерптский (1802), Виленский (1803), Казанский (1804), Харьковский (1805) университеты и Педагогический институт в Петербурге, преобразованный в 1819 году в университет. На протяжении всей первой четверти XIX века шел процесс становления системы российского образования, выработки единых норм и правил обучения в университете.

В современной историографии проблема становления университетского образования достаточно популярна [14], [21]. Однако главное внимание уделяется рассмотрению правительственной стратегии в области образования, процессу формирования «ученого сословия» в русских университетах. Процесс выработки единых норм и правил образовательного процесса рассматривается, как правило, на примере Московского и Казанского университетов [1], [3]. При этом особенностям учебного процесса в Санкт-Петербургском университете, многие традиции которого берут свое начало в истории Педагогического института, не уделяется должного внимания.

Источниками, привлеченными для анализа в данной статье, являются архивные документы, хранящиеся в фондах Петербургского университета в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга (ф. 13, 14, 139), фондах департамента народного просвещения (ф. 733) и канцелярии министра народного про-

свещения (ф. 735) в РГИА. Материалы официального делопроизводства: университетские уставы, ведомственные распоряжения, принятые по Министерству народного просвещения, позволяют получить представление о системе связей и отношений внутри университетской корпорации, особенностях условий обучения в русских университетах первой половины XIX века. Источники личного происхождения, прежде всего мемуары универсантов, содержат разнообразные сведения об отношениях студенческой и профессорской корпораций на лекциях и экзаменах, в процессе практических занятий и научного руководства.

При устройстве ученой и учебной частей в университетах ориентировались, прежде всего, на современное состояние наук в Европе и распределение их в лучших европейских университетах. В части деления на факультеты российские университеты были ближе всего немецким. Традиционные университетские факультеты – философский, юридический и медицинский – в том или ином варианте были представлены в Харьковском, Казанском и Московском университетах. В окраинных университетах – Дерптском, Виленском и Варшавском – имелись богословские факультеты. Особая структура отличала Педагогический институт в Петербурге, где были открыты три отделения: философско-юридическое, историко-словесное, физико-математическое, что диктовалось не требованиями развития наук, а прагматическими потребностями подготовки учителей разных специальностей, причем предусматривалось включение в расписание каждого отделения как общих, так и специальных предметов. При учреждении Санкт-Петербургского университета в 1819 году была воспроизведена та же структура, с тем лишь различием, что отделения были преобразованы в факультеты.

С развитием научного знания, в 1836 году философский факультет Петербургского университета был отделен от юридического и существовал в виде двух отделений: историко-филологического и математического. Внутри первого отделения был выделен разряд восточной словесности, внутри второго – разряд естественных наук и разряд камеральных наук. Главное назначение камерального разряда, образованного в 1843 году, состояло в «приготовлении людей, способных к службе хозяйственной или административной» [6; 119]. Один из выпускников камерального разряда – сын профессора Петербургского университета Ф. Н. Устрялов – вспоминал, что разряд этот представлял собой чистейший винегрет, давая образование энциклопедическое, а окончивший курс находился точно в лесу, не зная, какую выбрать себе специальность [22; 581].

Юридический факультет всегда пользовался большей популярностью, чем все остальные. С конца 1830-х годов количество выпускников

юридического факультета в три-четыре раза превосходило количество выпускников философского. «Видимо, что знания, необходимые для гражданской службы в обществе, находят более одобрения, нежели знания, сопряженные преимущественно со службой ученой», – произнес профессор П. А. Плетнев в приветственной речи на торжественном акте 25 марта 1840 года [8; 6].

Студентам каждого факультета преподавались науки, «служащие к общей и каждого пользе», и науки, «полезные для граждан разного состояния и нужные в разных родах службы» [18; 255]. Другими словами, предметы были разделены по их относительной важности на факультетские, или главные, общие и дополнительные. Принцип государственной пользы тех или иных наук, таким образом, был руководящим и говорил о «полезности» университета в целом как государственного учреждения. Впрочем, профессиональная специализация не понималась как исключительная задача. Для студентов той поры были характерны широта и энциклопедичность интересов, поэтому «словесники», например, нередко посещали лекции по естественным наукам. Принцип «универсума», единства мирового интеллектуального пространства, был соблюден и выражался в том, что преподавание основных предметов – древних языков, логики и права – велось независимо от предполагаемой специализации слушателя. Этим александровский университет принципиально отличался от николаевского, в котором, согласно уставу 1835 года, медицинская или юридическая специализация оказалась несовместима с чтением общегуманитарных курсов. Предметами, обязательными для студентов всех факультетов, были оставлены лишь богословие (для студентов православного вероисповедания), российская словесность и латынь. По университетскому уставу 1835 года, было положено читать эти предметы в течение первых двух курсов. Из числа «новых» иностранных языков для студентов разряда общей словесности обязательным для изучения был один язык по выбору, для разряда восточной словесности – французский и английский, а для юридического факультета – немецкий [11; 10]. Кроме того, согласно уставу 1835 года, вводилось обучение всех казеннокоштных студентов рисованию, танцам и музыке. В годовом отчете ректора Петербургского университета за 1847 год было сказано, что «университет, не упуская из виду эстетического развития души молодых людей, которое часто решит судьбу целой жизни, употребляет к тому все способы, а уроки рисования, танцевания и музыки идут параллельно с прочими» [9; 49].

В уставе 1804 года четко не оговаривалось время обучения в университете. Первый год обучения представлял своего рода вводный или «приготовительный» курс, призванный, по словам профессора Московского университета Ф. И. Буслаева, уравнять знания поступивших

в университет прямо из дома или из разных учебных заведений, казенных и частных, и готовить их к специальным занятиям на своих факультетах [2; 217]. Здесь преподавались науки, которым «необходимо должны учиться все желающие быть полезными себе и Отечеству, какой бы род жизни и какую службу ни избрали» [18; 286]. В «приготовительный» курс были включены предметы гимназического курса: языки русский и латинский, арифметика и геометрия, физика и философия, история и право. Курс наук в Главном педагогическом институте, согласно с его уставом 1816 года, составлял шесть лет и также делился на три степени: на «предварительный» в течение двух лет, на курс «высших наук», или специальный, в течение трех лет и на «заключительный» в течение одного года, посвящавшийся изучению педагогики [6; 4]. По уставу 1835 года, полный курс обучения составлял 5 лет на медицинском и 4 года на остальных факультетах. С развитием научного знания и дифференциацией наук первый курс обучения в университете потерял значение «приготовительного», однако на протяжении этого года студентам преподавались, как правило, общие предметы, такие как богословие и церковная история, всеобщая история, логика, а из языков – российская словесность и латынь. Преподавание в университете делилось на полугодовые курсы. В начале каждого курса всем учащимся выдавался табель на право слушания лекций, в котором по факультетам были выставлены университетские предметы с именами профессоров.

В первой четверти XIX века в университетской практике не существовало понятия академического учебного года. Так, например, в 1819 году, по неоднократному представлению попечителя, Конференция Петербургского университета должна была определить, «с какого времени считать учебный год в нынешнем окончательном курсе». В собраниях 14 апреля и 5 мая Конференция рассудила, что поскольку в прежних представлениях по Педагогическому институту было определено считать его с 1 августа (1817), а в другом – с 1 января (1818), то и на 1819 год было решено началом года считать 1 января. Таким образом, учебный год считался с января, а летние каникулы (каникулы) приходились на середину года. Считать учебный год с августа по июнь разрешено было, по ходатайству Совета университета, лишь в 1831 году, вследствие чего этот учебный год продолжался 18 месяцев, до июля 1832 года [6; 102]. По университетскому уставу 1835 года, академический год начинался с 22 июля, а летние каникулы, начинавшиеся с 10 июня, соответственно, обозначали его окончание. Зимние каникулы продолжались с 20 декабря по 12 января. В 1857 году Совет Харьковского университета направил в Министерство народного просвещения предложение о продлении летних каникул и отмене зимних. Необходи-

мость такой меры объяснялась тем, что в Харькове в течение июля и августа обыкновенно бывает жаркая погода, «приводящая в расслабление» силы не только студентов, но и преподавателей. Кроме того, в докладе Совета сообщалось, что многие молодые люди имели обыкновение просить о продлении отпуска с тем, чтобы вернуться в Харьков вместе с родственниками, приезжающими к середине августа на Успенскую ярмарку. Совет университета доносил, что в течение одного месяца и 10 дней, назначенных на летние каникулы, невозможно успеть сделать ежегодные ремонтные работы. Летние каникулы в Харьковском университете предлагалось ввести с 10 июня по 16 августа, то есть продлить на 23 дня за счет зимних каникул, которые предлагалось вовсе отменить. После рассмотрения этого предложения в Министерстве народного просвещения оно с положительным решением было направлено в Главное правление училищ. Однако там было решено, что отменить зимние каникулы не представляется возможным по причине их совпадения с праздниками [Рождества и Нового года. – К. К.], в которые преподавание должно быть прекращено. Что же касается летних каникул, то было признано, что и в других учебных округах университетское начальство всегда имеет затруднения с началом обучения в установленный уставом срок, то есть 22 июля. Поэтому Главное правление училищ определило, оставив зимние каникулы в определенном уставом размере, продлить летние до 1 августа, распространив эту меру на все университеты [16; 15]. По уставу 1863 года, начало учебного года было перенесено на 15, а уставом 1884 года – на 20 августа. Кроме того, были установлены особые табельные дни, в которые не было лекций, но была, как правило, церковная служба, которую обязаны были посещать казеннокоштные студенты.

Лекционный метод преподавания был главным в учебном процессе на всех факультетах, так как печатных руководств и учебников практически не было. Студенты готовились к экзаменам главным образом по записям, сделанным на лекциях. В конце 1840-х годов некоторые профессора стали издавать литографированные лекции, но их общее число было невелико. В Петербургском университете лекции, по два часа каждая, делились на утренние, с 8 до 12, и вечерние, с 14 до 18 часов. Тем не менее, по свидетельству мемуаристов, редко кто из профессоров начинал с 8 утра. Большинство лекций читалось с 9 часов, точно так же лишь немногие профессора проводили послеобеденные занятия с 14 часов, а наиболее популярными были часы с 5–6 вечера. «Счастливые студенты настоящего времени, – писал В. В. Григорьев, – и представить себе не могут, как тягостны были эти послеобеденные лекции... Ну да и позвали же мы на них» [7; 37]. Не менее трудными были утренние лекции, особенно зимой при сальных све-

чах. Поэтому своекоштные студенты, вынужденные два раза в день проделывать путь от дома до университета, пропускали либо утренние, либо вечерние лекции. «Некоторые преподаватели, – доносил директор университета в начале 1822 года, – не находя в положенное время слушателей в аудиториях, закрывали классы и объявляли о том конференции» [6; 102]. По уставу 1835 года, продолжительность лекции была ограничена 1,5 часа. В Петербургском университете с 1837/38 учебного года лекции продолжались с 9 часов утра до 3 пополудни. С началом Крымской войны и введением в 1855 году преподавания военных наук и строевого устава в Петербургском университете лекции были сокращены до одного часа, однако уже в 1856-м прежний порядок был восстановлен.

Что касается практических занятий, то они не были обязательными. В университетском уставе 1804 года лишь высказывалось пожелание, чтобы профессора наук, особенно словесных, философских и юридических, учредили со студентами беседы о научных предметах, в которых «исправляли бы суждение их и самый образ выражения, приучали бы их основательно и свободно изъяснять свои мысли» [18; 288]. Практические занятия признавались необходимыми лишь на медицинских факультетах. Обычно молодые люди выбирали себе одного-двух преподавателей, которые руководили их практическими занятиями и исследованиями. Некоторые профессора устраивали нечто вроде семинарских занятий у себя на дому. У студентов, приглашенных к преподавателю, появлялась возможность не только ближе узнать преподавателя, но главное – совместно, творчески работать над научной проблемой. В 1843 году студенты исторического факультета Петербургского университета получили от университетского начальства официальное разрешение заниматься педагогическими руководствами у профессора М. С. Куторги на его квартире [23].

Предусматривались различные виды поощрения успевающих студентов: медали за конкурсные сочинения, казенные или частные (благотворительные) стипендии, которые присуждались по конкурсу. Практика написания сочинений была одной из важных особенностей университетского образования, рассчитанной на выработку у студентов первичных навыков самостоятельного научного мышления. Темы этих работ, представляемые кем-либо из профессоров университета, ежегодно утверждались на факультетских собраниях, а затем на Совете университета; выполненные студентами работы также рассматривались Советом университета, что свидетельствовало о том, насколько большое значение придавалось этому виду обучения. Темы различными факультетами предлагались поочередно и публиковались в «Объявлениях о публичных учениях» на текущий академический год. Процедура присуждения медалей четко оговаривалась. Конкурсные

сочинения вместе с именами авторов, запечатанными в особых конвертах с девизами, отсылались декану факультета. Затем профессора факультета, не вскрывая конвертов с именами, присуждали медали и сообщали свое решение в университетский Совет, на заседании которого объявлялись имена награждаемых. Золотые, серебряные медали и похвальные отзывы раздавались через год после объявления тем на торжественных публичных актах университета.

Во всех русских университетах обязательно признавались годичные испытания, то есть экзамены по окончании каждого курса, и выпускные, на которых, по выражению самих студентов, следовало дать отчет о своих познаниях. В это время различные праздники и попойки совершенно прекращались. «Все, кончающее курс, зашевелилось, призадумались и те, которые редко о своей цели думали. Сходились, читали, повторяли, спорили, вздыхали...» – вспоминал студент Московского университета Н. Н. Мурзакевич об экзаменационной поре [13; 96]. В Санкт-Петербургском университете существовали также и полугодовые экзамены, введенные скорее как дисциплинарная мера, нежели как форма контроля знаний студентов. Переводные экзамены были частными, то есть закрытыми, а выпускные – публичными, на них могли присутствовать попечитель, ректор, архиепископ, инспектор, профессора и приглашенные персоны. Тем не менее, как отмечали многие мемуаристы, экзамен редко посещали посторонние лица, только на экзамене по церковно-библейской истории и богословию присутствовал местный архиерей и несколько духовных лиц. По выражению студента Казанского университета Н. И. Мамаева, обыкновенно экзамены производились «келейно». «Было то же “спрашивание”, что и на лекциях, – вспоминал он, – только в другой обстановке: в актовом зале, в присутствии попечителя и профессоров. Попечитель вызывал студентов по списку, выслушивал ответы и ставил баллы» [12; 52].

На протяжении всей первой половины XIX века происходила выработка единой системы оценок. Как правило, на вступительных и годовых экзаменах использовались отметки от 0 до 5, что в словесном выражении означало совершенное незнание, слабые, посредственные, достаточные, хорошие и отличные сведения. На выпускных экзаменах полный балл составляла отметка 4, причем допускались и половинные дроби. Лишь перед началом 1836/37 академического года Совет Петербургского университета составил предварительные правила для единообразного исчисления баллов, которые и были утверждены попечителем. Для приведения в единообразие счисления баллов выпускного экзамена с приемным для оценки студентов при годовых и выпускных экзаменах были введены отметки от 0 до 5. По ним при выведении среднего экзаменационного балла дробь более

½ принималась за единицу, а менее – отбрасывалась. Несмотря на общую шкалу оценок, у каждого профессора был свой высший и низший балл. Так, например, выдающийся профессор К. Д. Кавелин, принимая экзамен, начинал просто, по-товарищески беседовать со студентом по тому или иному вопросу вопросу гражданского права, и только убедившись в степени действительных знаний учащегося, ставил балл по строгой и нелицеприятной оценке [20; 626]. Другой знаменитый ученый Т. Н. Грановский, преподававший в Московском университете, никому не ставил меньше 4. «Очень Вам благодарен», – прибавлял он, ставя свою обычную 4 или 5 [5; 959].

С принятием нового университетского устава 1835 года были введены и новые правила для руководства в испытаниях студентов. Так, в «Правилах испытания для перевода и выпуска студентов Императорского С.-Петербургского университета», изданных в 1840 году, определялась как сама процедура проведения экзамена, так и шкала баллов, необходимых для перевода на следующий курс или для получения ученых степеней при выпуске из университета. Звание «студента» определяло временный статус обучающегося, однако окончание курса наук и превращение в «действительного студента» имело некую неразменную ценность: согласно российской системе научной аттестации, это была первая ученая степень, за которой следовала традиционная комбинация: «кандидат» – «магистр» – «доктор».

Годичные испытания продолжались в течение мая – до 10 июня по всем факультетам одновременно в 3 испытательных комиссиях под председательством деканов и под общим наблюдением ректора. Для студентов, отсутствовавших на годичном экзамене по причине болезни, испытание проводилось перед началом нового академического года. Для более точного определения степени успехов студентов во время годичных испытаний на них кроме декана факультета и экзаменатора должны были присутствовать два профессора из того же или другого факультета, также обязательным было присутствие секретаря. Перед началом экзамена профессор представлял декану программу пройденных в течение курса вопросов и билеты с теми же вопросами из программы, под той же нумерацией. Декан, перемешав билеты, клал их на стол «закрытыми» и вызывал студентов по списку. Молодой человек, взяв билет, читал вслух вопрос и спустя несколько минут, необходимых «для соображения», начинал отвечать на каждый вопрос программы в виде «подробного рассуждения или разбора». Если студент затруднялся ответить или отвечал слабо, то экзаменатор предлагал ему взять еще один или два билета и «по соображениям из всех ответов ставил средний балл, отмечая это обстоятельство в списке» [19; 462]. Все присутствующие члены испытательной комиссии имели право задавать студенту вопросы, не

выходящие за рамки программы. «Испытание студента оканчивается по общему согласию всех членов комитета, когда каждый вывел свое окончательное решение», – говорилось в § 9 Правил [19; 463]. После окончания экзамена студенты удалялись из экзаменационной аудитории, и профессор, преподающий предмет, после совещания с другими членами комитета ставил отметки. Правилами предусматривалось, что в случае несогласия одного из членов комитета с профессором, дело передавалось на рассмотрение в особом заседании факультетского собрания.

«Правилами для испытания студентов Петербургского университета» предусматривалась шкала баллов, которые необходимо было получить студенту на экзаменах для успешного продолжения обучения или выпуска из университета. Так, студент, получивший на экзамене менее 3 баллов в среднем выводе, лишался права на перевод на следующий курс. Права на перевод лишались и те студенты, которые получили хотя бы в одном из предметов отметку 0, и те, которые показали слабые знания по двум дополнительным предметам. Три балла, полученные на экзамене в одном из факультетских предметов, независимо от результатов других испытаний также были свидетельством провала на экзаменах. В первой четверти XIX века в русских университетах существовала практика, по которой неуспевающего студента оставляли на том же курсе еще на год. В 1849 году вышло распоряжение о запрещении всем вообще студентам оставаться на одном курсе два года. Оно было скорее рекомендацией университетскому начальству, но оставляло за ним право ходатайствовать перед министром об оставлении неуспевающего студента в силу «особых законных в том уважений» [19; 462]. В этом году в Петербургском университете за «неуспехи» был отчислен один казеннокоштный и девять своекоштных студентов, в 1850 году – лишь один своекоштный, а в 1852 году число неуспевающих студентов составило 8 человек, один из которых был пенсионером, а семь – своекоштными [17; 28].

Что касается требований к выпускникам, то в 40-е годы XIX века они стали более высокими по сравнению с предыдущими десятилетиями. Если ранее для присуждения степени действительного студента требовалось получить на выпускных экзаменах не менее 2 баллов по каждому из предметов, а для кандидата – не менее 3½ балла, то с 1836 года звание действительного студента мог получить выпускник, имеющий в среднем выводе не менее 3 баллов. Степени кандидата удостоивались только отличнейшие из студентов, которые в среднем выводе за все четыре года получили отметку 5. Если при общем результате в 5 баллов выпускник за время обучения показал в нескольких предметах «слабые» или «посредственные» знания, то он мог лишиться права на получение степени кандидата. Тем не менее, чтобы «не отнять надежды на получение степени кан-

дидата и побудить к усердным занятиям», по решению факультета предусматривалась переэкзаменовка не более чем в трех предметах низших курсов, во время которой претендент на степень кандидата должен был показать отличные сведения. Переэкзаменовка разрешалась по представлению ректора и не иначе как с разрешения попечителя. Студенту, претендующему на получение степени кандидата, необходимо было не позднее 15 февраля представить декану факультета сочинение по какому-либо вопросу факультета, выбранному самостоятельно или предложенному профессором. Сочинение вместе с мнением о его достоинстве рассматривалось в собрании факультета, после чего решался вопрос о присуждении кандидатской степени. На решение университетского начальства о присуждении ученой степени и назначении выпускника огромное влияние оказывала характеристика инспектора, с которой при решении дела знакомились и ректор, и попечитель, и министр народного просвещения. В первой четверти XIX века, когда только происходила выработка стиля университетского законодательства, в рапортах профессоров встречаются довольно разнообразные характеристики: «вспыльчив», «ветрен», «ропотлив и неуступчив» [26; 8]. К 30-м годам XIX века инспекторы пользовались устойчивыми словосочетаниями, характеризующими поведение студента как «довольно хорошее» или «дурное». В 1844 году Министерством народного просвещения были введены некоторые уточнения счета баллов как переводных, так и выпускных экзаменов. Согласно этим уточнениям, средний балл высчитывался отдельно из предметов дополнительных и факультетских. Если из дополнительных предметов выпускник мог получить не менее 3, то по факультетским предметам – не менее 4½. Кроме того, по предмету богословия, общему для всех факультетов, кандидат не мог иметь менее 4, а действительный студент – 3 баллов [4; 48]. Естественно, что выполнение подобных требований было затруднительно в первой трети XIX века, когда «многие студенты и кандидаты выходили из университета с весьма малым запасом сведений и еще с меньшей любовью к науке» [6; 104]. В годовом отчете за 1848 год ректор университета доносил, что после годичных испытаний 107 студентов 62 получили степень кандидата, а 45 человек – звание действительного студента. «Эта пропорция, по сравнению с той, которая выходила в прежние годы, ясно свидетельствует, что после нового порядка экзаменов, приобретение ученой степени кандидата сделалось затруднительнее, от чего и сама степень приобрела высшее значение в глазах каждого судии», – писал ректор в отчете [10; 34].

Тем не менее время от времени встречались злоупотребления и нарушения четких правил присуждения ученых степеней. Один из мемуаристов, обучавшийся в Харьковском университете в 40-е годы XIX века, описывал практиковавшийся там обычай, по которому достаточные сту-

денты, желающие получить степень кандидата, перед выпускными экзаменами брали несколько уроков у профессоров с приличным за них вознаграждением. К таким принадлежал и сам мемуарист, поэтому накануне экзаменов ему был сделан намек о необходимости дополнительных занятий. Молодой человек, однако, пренебрег советом и закончил курс действительным студентом. Подобная практика существовала еще в начале XIX века в Московском университете. Н. Н. Мурзакевич вспоминал, что среди студентов Московского университета были те, кто брал частные уроки у профессоров Сандунова и Цветаева, и, по общему мнению, это означало, что они будут кандидатами [13; 96]. Отступление от норм профессиональной этики допускалось и некоторыми членами профессорской корпорации Петербургского университета. Тем не менее, как пишет историограф Петербургского университета В. В. Григорьев, не в употреблении было брать частные уроки у профессоров, а если это и случалось крайне редко, то на богатых студентов, прибегавших к такому способу «успевать в науках», остальные товарищи смотрели с большим нерасположением [6; 103].

Подобные злоупотребления редко обнаруживались Министерством народного просвещения, как правило, они не находили широкой огласки, не выходя за пределы того или иного учебного заведения. Пожалуй, лишь однажды, в 1819 году, в Казанском университете, по представлению попечителя округа М. Л. Магницкого, результаты выпускных экзаменов были признаны недействительными. Экзамен, как говорилось в донесении, был произведен без «надлежащей по предписанным правилам строгости и осмотрительности» [25; 2]. После повторного экзамена звания кандидата лишились 5 человек, а звания действительного студента – двое из выпускников. Кроме того, 15 своекоштных студентов, получивших аттестат до получения предписания попечителя о переэкзаменовке, в течение 1820 года в Казань не явились, что было расценено как признак неспособности выдержать новый экзамен, вследствие чего их свидетельства были признаны недействительными [15; 22].

Основным документом, подтверждающим право на чин после окончания университета, был аттестат. В первой четверти XIX века происходила выработка единой для всех русских университетов формы аттестата. Еще в начале XIX века студентам Петербургского педагогического института выдавались аттестаты как Конференцией, так и отдельными профессорами. В апреле 1813 года, по утвержденному проекту правил для Комитета испытаний Педагогического института в Петербурге, составленному С. С. Уваровым, подобная практика была приостановлена. Отныне ни один профессор не мог «выдавать частного аттестата»; документ об окончании института мог быть выдан только за подписью директора и профессоров [19; 121].

В первой четверти XIX века аттестаты выдавались и окончившим курс студентам, и молодым людям, проучившимся в университете лишь некоторое время. Пытаясь отрегулировать сложившуюся практику, когда молодые люди поступали в университеты лишь на непродолжительное время для получения аттестата, Министерство народного просвещения в 1814 году издало распоряжение, по которому студентам, не окончившим курса учения, выдавались аттестаты с указанием времени обучения. В аттестатах неизменно составляющей было указание на поведение студента во время обучения в университете. По распоряжению министерства, в аттестатах, однако, «не следовало означать частных случаев, встречавшихся во время продолжения учения, а только общий результат поведения выпускника, который должен был быть не менее “хорошего”». Таким образом, лишь к концу первой четверти XIX века сложилась форма университетского аттестата, который студент получал по окончании университета в торжественном собрании. В аттестате, подписанном членами университетского Правления с приложением печати, значилось время обучения в университете, свидетельства профессоров об успехах выпускника в преподаваемых предметах, а также свидетельство ректора о поведении. Обязательным было указание на то, что студент выслушал полный курс и был экзаменован.

В университетской практике встречались случаи, когда по распоряжению Министерства народного просвещения в аттестаты вносились и дополнительные сведения. Например, так было в 1824 году, когда пятерым казеннокоштным студентам Петербургского университета за неимением подходящих учительских вакансий было разрешено поступать в службу по собственному их желанию. Выпускники, узнав о таком решении министерства, написали прошение о внесении в аттестаты дополнительных сведений о том, что они по окончании полного 6-летнего университетского курса призваны в звании старших учителей гимназии, которое соответствует 9-му классу государственных чиновников. «Без сего ясного и точного изложения наших прав мы подвергаемся явной опасности лишиться в другой службе принадлежащих нашему званию прав», – говорилось в прошении [28; 21]. Кроме того, студенты просили о внесении в аттестаты свидетельства о том, что они увольняются не за неимением в них надобности для учебных заведений, что легко может привести людей, не знающих о распоряжении университетского начальства в сомнение на счет их успехов и поведения, но по недостатку учительских мест, соответствующих званию. Министр, рассмотрев просьбу студентов, предложил Правлению университета включить в аттестаты и свидетельства обстоятельства, значащиеся в прошении молодых людей. Кроме того, как и всем казеннокоштным студентам, данные аттестаты были выданы им без оплаты. Своёкоштные студенты за получение аттестата

должны были вносить в университетскую казну порядка 30 рублей. Если молодой человек имел перед университетом какие-либо обязательства, то аттестат выдавался ему только после их выполнения. Так, например, казеннокоштному студенту Петербургского университета Хорошилову, согласившемуся на назначение в Казанский учебный округ, были выданы деньги «во вспоможение и на прогоны». Однако молодой человек после получения этой суммы отказался от назначения. Министр распорядился не выдавать Хорошилову увольнительного аттестата до внесения денег обратно в казну [28; 21]. Чиновникам, экзаменовавшимся в университете, но не сдавшим все предметы, определенным указом 6 августа 1809 года, выдавался не аттестат по установленной форме, а свидетельство об успехах в сданных предметах. В Конференцию Санкт-Петербургского университета подавалось прошение о выдаче такого свидетельства с указанием причины, по которой проситель не имеет возможности окончить экзамен. Как правило, свидетельство выдавалось без всяких затруднений.

При поступлении на гражданскую службу выпускники университета, с успехом окончившие университетский курс и имеющие в подтверждение этому аттестат, утверждались в 12-м классе Табели о рангах, студенты, получившие степень кандидата, – в 10-м. Выпускники университетов пользовались также преимуществами при вступлении в военную службу. Согласно «Положению о производстве в ученые степени», утвержденному в 1819 году, Совет университета обязан был ежегодно подавать министру духовных дел и народного просвещения сведения о студентах, удостоенных степени «действительного студента» и «кандидата» [19; 447]. Кроме того, с 1838 года по инициативе министра народного просвещения С. С. Уварова императору подавались списки отличнейших выпускников русских университетов с тем, чтобы «оказываемо было некоторое снисхождение к их семейному положению и к дальнейшему назначению на поприще государственной службы» [18; 1420]. Прецедентом к подобному распоряжению стало ходатайство министра об определении ко второму отделению Собственной Его Императорского Величества Канцелярии князя Щербатова, с успехом закончившего Петербургский университет. Согласие на определение под свое руководство другого выпускника Петербургского университета, графа Шувалова, получил и М. М. Сперанский. Число студентов первых выпусков Петербургского университета было невелико, поскольку многие покидали его, не окончив курса. Лишь в 1831–1832 годах на всех факультетах число окончивших университет и получивших аттестат несколько возрастает. Так, в 1830 году философско-юридический факультет окончили 6 человек, физико-математический – столько же, историко-филологический – 13. В следующем, 1831, году выпускников философско-юридического факультета было 16, физико-математического – 3, историко-филологического

– 11 [6; 83]. А уже в середине столетия число выпускников доходило до ста человек. С 1834 по 1853 год Санкт-Петербургский университет удостоил 43 своих выпускников ученых степеней магистра и доктора [4; 297].

Таким образом, к середине XIX века полностью сложилась система научной аттестации, единые условия образовательного процесса и

вместе с тем выросла ценность университетского образования. Покидая стены *alma mater*, вчерашние студенты уносили с собой светлые воспоминания об университетских товарищах и профессорах, экзаменах и лекциях, о бессонных ночах над книгами и веселых пирушках, обо всем том, что затем найдет свое отражение в многочисленных мемуарах бывших универсантов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев А. Ю. Московский университет в общественной и культурной жизни России начала XIX века. М.: Языки русской культуры, 2000. 312 с.
2. Буслаев Ф. И. Мои воспоминания // Московский университет в воспоминаниях современников. М.: Современник, 1989. С. 200–222.
3. Вишленкова Е. А., Малышева С. Ю., Сальникова А. А. Terra universitatis: Два века университетской культуры в Казани. Казань: Казан. гос. ун-т им. В. И. Ульянова, 2005. 500 с.
4. Воронов А. А. Историко-статистическое обозрение учебных заведений С.-Петербургского учебного округа. СПб., 1854. 294 с.
5. Грановский Т. Н. На экзаменах // Русское обозрение. 1896. Т. 37. № 2. С. 958–959.
6. Григорьев В. В. Императорский Санкт-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет существования. СПб., 1870. 156 с.
7. Григорьев С. В. Т. Н. Грановский до его профессорства в Москве // Ленинградский университет в воспоминаниях современников. Т. I. Петербургский университет. 1819–1895 / Под ред. В. В. Мавродина. Л.: Изд-во ЛГУ, 1963. С. 37–40.
8. Годичный торжественный акт в Санкт-Петербургском университете, бывший 25 марта 1840 г. СПб., 1841. 268 с.
9. Годичный торжественный акт в Санкт-Петербургском университете, бывший 8 февраля 1847 г. СПб., 1847. 300 с.
10. Годичный торжественный акт в Санкт-Петербургском университете, бывший 8 февраля 1848 г. СПб., 1848. 259 с.
11. Краткий отчет о состоянии Петербургского университета в течение первого 4-х-летия с 1836–1840 г. СПб., 1841. 112 с.
12. Мамаев Н. И. Записки // Исторический вестник. 1897. Т. 83. № 5. С. 46–80.
13. Мурзакевич Н. Н. В Московском университете, 1825 г. // Московский университет в воспоминаниях современников. М.: Современник, 1989. С. 89–96.
14. Петров Ф. А. Российские университеты в первой половине XIX в.: формирование системы университетского образования. Кн. 1–4. М., 1998–2002.
15. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА) Ф. 733. Оп. 39. Д. 281. Дело о назначении вторичного экзамена студентам-выпускникам. 1819 г.
16. РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Д. 990. Дело об отмене зимних каникул и продлении летних в Харьковском университете. 1857 г.
17. РГИА. Ф. 733. Оп. 25. Д. 199. Перечневая ведомость о студентах Санкт-Петербургского университета. 1849 г.
18. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. СПб., 1864.
19. Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. 2. СПб., 1866.
20. Сорокин В. М. Воспоминания старого студента // Русская старина. 1888. Т. 60. № 12. С. 617–648.
21. Университет для России. Т. II: Московский университет в александровскую эпоху / Ред. В. В. Пономарева, Л. Б. Хорошилова. М.: Русское слово, 2001. 367 с.
22. Устрялов Ф. Н. Воспоминания о С.-Петербургском университете в 1852–1856 гг. // Исторический вестник. 1884. Т. 16. № 7. С. 112–134.
23. Центральный государственный исторический архив г. Санкт-Петербурга (далее – ЦГИА СПб.). Ф. 139. Оп. 1. Д. 4815. О дозволении студентам заниматься педагогическими руководствами у проф. Куторги. 1843 г.
24. ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 5450. О невзносе некоторыми студентами денег за лекции. 1851 г.
25. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 71. О несоблюдении надлежущей строгости при испытании студентов. 1819 г.
26. ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 205. Отчеты и предложения смотрителей. 1807 г.
27. ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 955. О распоряжениях по Комитету испытаний. 1813 г.
28. ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 3392. О распределении студентов университета, остающихся без должностей. 1823 г.

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА ПИВОВА

преподаватель кафедры германской филологии филологического факультета и кафедры культурологии ПетрГУ
m.pivoyeva@mail.ru

МИФОЛОГИЯ КРОВИ

В статье рассмотрены обрядовые традиции, важнейшие функции и символические смыслы крови в культурологическом и мифологическом аспектах в древних культурах и современном обществе.

Ключевые слова: кровь, дух, душа, энергия, информация, мифология, ритуал, жертвоприношение

Кровь является важнейшей основой внутренней среды организма человека вместе с лимфой, тканевой, спинномозговой, суставной, плевральной и другими жидкостями, обеспечивая его существование и развитие через обмен веществ. Медицинская энциклопедия определяет кровь следующим образом: «...жидкая ткань, осуществляющая в организме транспорт химических веществ (в том числе кислорода), благодаря которому происходит интеграция биохимических процессов, протекающих в различных клетках и межклеточных пространствах, в единую систему» [5; 93].

Кровь предназначена для выполнения в организме таких важных функций, как:

- *дыхательная*: транспортирует кислород к тканям от легких и углекислый газ от тканей к легким;
- *питательная*: переносит питательные вещества от стенки пищеварительного тракта к тканям и участвует в водно-солевом обмене;
- *экскреторная*: переносит конечные продукты обмена от тканей к почкам и удаляет из клеток продукты обмена, отходы и шлаки;
- *гомеостатическая*: участвует в поддержании постоянства внутренней среды организма;
- *регуляторная*: переносит гормоны и другие биологически активные вещества, обеспечивая гуморальную регуляцию;
- *терморегуляционная*: кровь согревается в печени и мышцах, распределяет и перераспределяет тепло в организме;
- *защитная*: в крови имеются антитела; лейкоциты выполняют функцию разрушения генетически чужеродных частиц; кровь способна свертываться, предотвращая кровопотерю [5; 106].

Эритроциты имеют красный цвет благодаря пигменту гемоглобина, который захватывает кислород в легких и разносит по всем клеткам организма. Затем они забирают из клеток углекислый газ и выносят его в легкие, откуда тот с выдохом удаляется из организма. Эритроциты вырабатываются костным мозгом и живут недолго, 3–4 месяца. Белые кровяные тельца, или лейкоциты, также вырабатываются костным мозгом и являются главным оружием организма против вирусов и бактерий. Кровь составляет в теле человека примерно 1/14 часть его веса, в среднем у человека ее около 5 литров. Кровь фильтруется почками, и ее избыток удаляется из организма в виде мочи вместе с растворенными в ней вред-

ными веществами. Важным компонентом крови является плазма, которая содержит информацию, оказывающую на организм положительное или отрицательное воздействие. В плазме крови содержится около 90 % воды, 7–8 % белков, 0,9 % солей, 0,1 % глюкозы, а также витамины, аминокислоты, гормоны и другие вещества. Существенное значение также имеет температура тела (воды) – 36,6 °С, поскольку при этой температуре соотношение жидкостной и кристаллической характеристик структуры воды является оптимальным для наилучшего выполнения функции крови по переносу важнейших веществ через клеточные мембраны внутрь клетки.

В представлении большинства народов, кровь – источник и воплощение жизни и души, генетической, наследственной информации, поэтому все народы мира придают крови огромное значение. При этом удивительно, что в двухтомной энциклопедии «Мифы народов мира» [8] нет специальной статьи, посвященной крови, как нет ее и в однотомной энциклопедии «Мифология» [7]. В то же время во многих словарях и энциклопедиях, посвященных символам, крови уделяется достаточное внимание [4], [6], [9].

В мифологических традициях разных народов отношение к крови противоречивое. У одних кровь рассматривается какместилище души, поэтому Бог запрещает употреблять ее в качестве пищи, поскольку это наносит вред как другим живым существам, так и самому человеку, который ее выпьет. У других, напротив, кровь рассматривается как символ силы и жизни, поэтому некоторые народы считают не только возможным, но даже очень полезным выпивание крови, откуда и появились легенды и мифы о вампирах. У третьих кровь считается символом жизни и энергии, которые необходимо жертвовать богам. А в европейском Средневековье кровопускание считалось чуть ли не универсальным средством лечения любых болезней.

Древние значения крови в архаических обществах, ее символические смыслы исследовал В. В. Савчук и указал на следующие функции крови:

- социальной стратификации (принадлежность к влиятельным кланам и сословиям);
- регулирование родственного наследования (прямые наследники и косвенные, дальние);
- мера расплаты (кровная месть);
- условие сакральности жертвы (святая кровь);
- ритуальное закрепление договоров, клятв (подкрепление клятвы);
- полнота и здоровье («полнокровность»);
- цена достижения цели («большой кровью» или «малой кровью»);
- родственные узы, происхождение («хороших кровей»);
- порок, преступление, смерть [11].

У многих народов мира в родовых обществах кровь считалась самой ценной жертвой, часто даже абсолютно необходимым элементом

жертвоприношений. Жертвенник или жертвенный камень окропляли кровью того, кто принесся в жертву. Жертвенную кровь брали у овец, свиней, быков, людей (азиаты, африканцы, американские аборигены и европейцы в первобытную эпоху). Мясо животного либо съедалось, либо отдавалось жрецам, но не божеству. Поэтому кровь считалась символом примирения. Без пролития крови невозможно было прощение, как и в обычае кровной мести [9; 222]. Согласно арабской пословице, «кровь пролита, опасность миновала», после принесения жертвы устранялась угроза бедствий и суровых наказаний, потому что жертва умиротворяла, умилоствляла грозные силы [4; 273–274].

Жертвоприношение считалось также и способом передать послание в загробный мир, поскольку душа отправлялась к богам и передавала им просьбы и молитвы людей. Принесение человека в жертву приравнивалось к посланию лучшего, избранного человека с вестью к богам. Нередко посланников отправляли без мучений, с наркотическими снадобьями и только в особенно тяжелые моменты: эпидемия, засуха, неурожай. Исполнялся также обряд кровопускания: посланнику наносили мелкие раны стрелами или копьем, и кровь должна была вытекать из ран, «дымась», что считалось освобождением и отправлением души.

Индейцы часто использовали несмертельное жертвоприношение: приносили в жертву собственную кровь, разрезая уши, протыкая щеки, губы, язык, надрезая разные части тела. Например, обряд нанизывания у майя. Однако вместе с этим нередко производили и более жестокие обряды: отрезание головы, вырывание сердца у жертвы [3; 316–317].

В еврейской традиции кровь имеет священный характер как воплощение жизни, отсюда возникает три важнейших положения: запрещение убийства, запрет вкушать кровь и употребление крови в культе. Во-первых, еврейская Тора рассматривает кровь как источник жизни, «потому что душа плоти – в крови» [Лев. 17:11]. Поскольку человек сотворен Богом «по его образу и подобию», то жизнь человека принадлежит Богу и никто не имеет права эту жизнь отнимать и проливать кровь человека.

Во-вторых, душа содержится в крови человека и животного и даже после смерти остается в ней [Быт. 9:4]. Поначалу Бог запрещал евреям есть даже мясо животных [Быт. 1:28–29], но впоследствии, после Потопа, мясо есть разрешил, но кровь повелел удалить и покрыть землею [Лев. 17:13]. В «Энциклопедии иудаизма» говорится, что «шхита (убой) должна производиться так, чтобы вся кровь вышла из жил животного. Затем следует очистить мясо от любых следов крови. Для этого установили вымочить мясо, посолить его и обмыть водой или изжарить мясо на углях, чтобы не оставалось в нем крови. Солить мясо следует на наклонной плоскости, чтобы кровь свободно стекала, а не застаивалась» [13; 144–145]. Ною и его потомкам

было запрещено употреблять кровь животных в пищу. Наказанием служила смерть. Кровь жертвенных животных считалась священной и посвящалась Богу [1; 414].

В-третьих, Моисей, заключая Завет (договор) между Богом и людьми, пролил половину крови на жертвенник, а вторую – на народ. Моисей объяснил этот обряд: «Вот кровь Завета, который Ягве заключил с вами» [Исх. 24:3–8]. Вследствие этого у евреев жертвоприношение и пролитие крови было введено в практику [Лев. 1:5, 11; 9:12; 17:11].

Питье крови, совместная еда, порез на руках и соединение (смешение) крови представляют обряды породнения, побратимства [12; 39]. Некоторые народы считают, что, выпив крови, можно «вобрать в себя силу врага и тем самым обезопасить себя после его смерти» [6; 159]. В Древнем Риме во второй половине февраля проводились празднества Патерналии, посвященные почитанию предков, во время которых кровь жертвенных животных проливалась на могилы умерших предков [12; 39].

Новый Завет христиан отменяет все дохристианские обычаи жертвоприношений и пролития крови, вместо реального «выпивания» крови Христос на Тайной вечери показал ритуал символического, мистического причастия, разломив хлеб и показав чашу вина: «...сие есть тело мое и кровь моя». Смерть и кровь Христа, невинно убитого, становятся жертвой искупления грехов, все искупительные жертвы и их кровь перенесены теперь на персону Христа. Таким образом, христианство преобразовало принцип необходимости кровопролития для примирения (лежащий в основе древних жертвоприношений и кровной мести) в условный акт причастия, в символическое съедение хлеба (просфор) и испитие красного (церковного) виноградного вина. Причастие христиан имеет мистический и ритуальный смысл получения Божественной благодати. «Ядущий Мою плоть и пьющий Мою кровь имеет жизнь вечную... [он] во Мне пребывает, и Я в нем» [Ин. 6:53–56].

В Новом Завете выражение «плоть и кровь» означает человека в его тленной, телесной природе. Это состояние, которое принял Иисус Христос на земле. Однако помимо данного случая, как правило, в Библии говорится о пролитой крови, потере или отдаче жизни [11].

Кровь выступает и как символ родственных связей и наследственной информации. Свидетели Иеговы считают недопустимым переливание больному крови другого человека, полагая, что тем самым нарушается его информационно-духовный суверенитет [2]. Татуировка, клеймение животных сопровождаются пролитием крови, которая жертвуется божеству [12; 93].

Красный цвет в религиозной живописи символизирует жизнь, кровь, жар, воскресение. Профессор В. В. Савчук отмечает, что на отношение к красному (и к крови) немаловажное влияние оказывает историко-политический контекст. Так, в начале XX века в связи с Октябрьской революци-

ей красный стал синонимом всего позитивного, правильного, правого и справедливого. Даже пролитие крови в этом контексте могло оправдываться как необходимое и не осуждалось. Ситуация изменилась в 1990-е годы, когда со сменой политического контекста в стране красный стал синонимом террора и кровопролития.

Кровь как жизнь обычно характеризуется светло-красным цветом, это кровь «святая», «сокровенная», «внутренняя». Однако кровь может иметь и темно-красный оттенок, когда она пролитая и сгустившаяся. Кровь тогда становится символом греха, табу и смерти. У некоторых народов менструальная кровь считалась «нечистой» и опасной. Как многозначный символ крови в культуре представляет собой метафору жизни и смерти, бытия на грани жизни и смерти [11].

В идеологии национал-социализма и фашизма крови придается большое значение. А. Розенберг в «Мифе XX века» рассматривал кровь как символическое воплощение души, энергии воли и жертвы. Стремясь направить «волю крови» на возрождение «вечного мифа крови и воли», он переосмысливал слова Мейстера Эккхарта в такой фразе: «Бога, которого мы почитаем, не было бы, если бы не было нашей души и нашей крови» [10; 512]. Современные националисты абсолютизируют признак крови как ключевой в понимании сущности нации, настаивают на необходимости запрета смешения крови разных наций, защищают идею «чистоты крови», не утруждая себя попытками понять, что в действительности стоит за этим символом. Отсюда понятна и очевидна актуальность данной проблемы для культурологии и политологии.

Итак, в дополнение к вышеназванным функциям крови в культуре можно указать на то, что она осуществляет энергоинформационную функцию, переносит энергию и информацию не только телу, но также духу и душе. В мифологии (в обрядовой практике) кровь понимается обычно только в символическом смысле, и исследователи этой проблемы в основном имеют в виду именно этот смысл – символический, а духовно-энергетический и мистический смыслы не рассматривают. Это связано с предвзято-негативным отношением к мистическому у позитивистски настроенных ученых, для которых мистика – синоним чепухи. Мы считаем мистическое реальным личным опытом общения со священным началом. В основе мистического – духовно-энергетическое взаимодействие. Кровь в мифологии разных народов выступает в роли символа жизни, души, жертвы, спасения, энергии. В символике христианства при распятии кровь и вода являются олицетворением жизни тела и жизни духа. Кровь является поставщиком и носителем энергии и информации. Она имеет как прямые функции – физиологические, биохимические, так и духовно-энергетические. Кровь – явление духовной энергии, изучение ее в данном аспекте имеет сегодня большое значение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Библиейская энциклопедия. М.: Терра, 1990. 902 с.
2. Диксон Дж. Л. Кровь: чей выбор и чья совесть? [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.watchtower.org/u/hb/article_07.htm.
3. Ершова Г. Г. Древняя Америка. Полет во времени и пространстве. Мезоамерика. М.: Алетейя, 2002. 392 с.
4. Керлот Х. Э. Словарь символов. М.: REFL-book, 1994. 608 с.
5. Кровь // Большая медицинская энциклопедия / Глав. ред. Б. В. Петровский. 3-е изд. [В 30 т.] М.: Советская энциклопедия, 1980. Т. 12. 536 с.
6. Купер Дж. Энциклопедия символов. Книга IV. М.: Ассоциация Духовного Единения «Золотой век», 1995. 412 с.
7. Мифология: Большой энциклопедический словарь / Под ред. Е. М. Мелетинского. 4-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 736 с.
8. Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. / Под ред. Е. М. Мелетинского. М.: Советская энциклопедия, 1980–1982. Т. 1. А–К. 672 с. Т. 2. К–Я. 720 с.
9. Похлебкин В. В. Словарь международной символики и эмблематики. 3-е изд. М.: Международные отношения, 1995. 560 с.
10. Розенберг А. Миф XX века: Оценка духовно-интеллектуальной борьбы фигур нашего времени. Таллинн: Shildex, 1998. 512 с.
11. Савчук В. В. Кровь и культура. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995. 180 с.
12. Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. М.: Восточная литература, 1998. 800 с.
13. Энциклопедия иудаизма: «Меир натив». Иерусалим; Тель-Авив: Массада, 1983. 343 с.

УДК 821.161.1«1917/1991»

ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА СПИРИДОНОВАдоктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы филологического факультета ПетрГУ
verses@onego.ru**«...ОБРЕЧЕН НА ПОДВИГ, НА ЧЕСТЬ И ВЕЛИЧИЕ»
(функции подтекста в военных рассказах А. Платонова)**

В статье рассматриваются функции подтекста в художественной структуре военных рассказов А. Платонова, исследуется феномен трагического в героической эстетике литературы периода Великой Отечественной войны. Ключевые слова: художественная структура произведения, подтекст, героическое, трагическое, литература Великой Отечественной войны

Размышляя о литературе периода Великой Отечественной войны, А. Платонов подчеркивал: «Служба литературы, как служба вечной славы и вечной памяти всех мертвых и всех живых, увеличивается этим обстоятельством (войной. – И. С.) в своем значении и делается еще более незаменимой ничем» [7; 280]¹. Писатель разделил патриотический пафос времени, но остро сознавал двуличье войны и в своих произведениях в пределах одного текста писал не одну, а две войны: войну по защите своей земли, дома, народа – Великую Отечественную и войну, которая охватила весь мир и глубоко проникла в душу человека – «вечную войну». Это задало особую поэтику сосуществования и взаимодействия героического и трагического в его творчестве военных лет. «В нашей войне знаменательно то, – писал Платонов, – что даже человек слабый или ничтожный, даже ребенок, еще не осмысливший мир, обречен на подвиг, на честь и величие» (ЗК, 280). *Обреченный на подвиг народ* – трагический подтекст героической темы.

Поднимая историю публикаций произведений Платонова военного времени, Н. Корниенко отмечает: «Нельзя не увидеть, что в эти книги

включались рассказы, условно говоря, одного направления, в центре которых – батальные эпизоды героического характера. Однако даже эти сборники подвергались критике именно за особое видение войны в ее трагическом содержании, что квалифицировалось как “нагроможденные странностей”. Особенному обстрелу подвергались рассказы, переводившие акценты с батального содержания войны к вопросам о духовно-нравственных потерях, которые несет народ, к причинам и последствиям этих потерь для национальной жизни» [2; 280].

Понимание феномена трагического в искусстве исторически изменчиво и диалектически связано с пониманием феномена трагического в жизни. В «Эстетике» Г.-В.-Ф. Гегеля категория трагического определена как одна из высших форм духовного постижения и художественного освоения жизненных противоречий. Источник трагического Гегель видел в «реальной объективности», в которой устраняется изначальная гармония и возникает «взаимная отъединенность субстанционально единых сил» [1; 525]. При этом трагизм измеряется не только масштабами катастрофы (это итог трагического события), но и

исходной гармонией субстанционально единых сил как необходимой предпосылкой трагического события. В «катастрофическом» XX веке трагическое понимается все более расширительно. В философии и художественной практике экзистенциализма трагическому придано универсальное значение: жизнь безысходна и бессмысленна в силу смерти индивида, и катастрофичность человеческого бытия предстает его решающим, сущностным свойством. Пантрагизм миропонимания меняет оценку эстетического феномена трагического. М. Шелер полагает, что «вообще сомнительно, является ли трагическое существенным “эстетическим” феноменом» [12; 298]. Это сомнение (но не отрицание эстетического феномена трагического) подвигает автора на полемику во времени с классической эстетикой, гегелевской в том числе. Однако и М. Шелер разделяет то общее для философии и эстетики положение, что «трагическое появляется только в сфере движения ценностей. При этом время, в котором нечто свершается и возникает, нечто уничтожается и утрачивается, принадлежит к непремненным условиям проявления трагического» [12; 301].

Попытаемся выявить основные формы трагического в художественном мире военных рассказов А. Платонова, идя от внутренних закономерностей отдельного произведения к общим художественным закономерностям его военной прозы, и установить связь между источником (сущностью) трагического и поэтическими формами его выражения.

«Генерал Бабай» – под таким названием впервые упоминается в записной книжке Платонова рассказ «Крестьянин Ягафар» (первая публикация: Платонов А. Крестьянин Ягафар: Очерк // Октябрь. 1942. № 10). Произведение пришло к военному читателю практически одновременно с рассказом «Броня» (Знамя. 1942. № 10) – оба произведения вышли в октябрьских номерах журналов. В том же 1942 году рассказ «Крестьянин Ягафар» открыл первый сборник военных произведений Платонова «Под небесами Родины». Как указано в выпускных данных, книга «Под небесами Родины» была сдана в набор «29.4.42». Соответственно (с учетом редакторской работы над сборником), рассказ «Крестьянин Ягафар» написан не позднее зимы 1941/42 года в Уфе по первым эвакуационным, очень тяжелым впечатлениям. В военном блокаде через страницу после записи «Генерал Бабай» помечен рассказ «Зимовка в Уфе» – «об эвакуации, озверелости и пр.» (ЗК, 220), его текст неизвестен. Приведем контекст, в котором находим первое упоминание рассказа «Крестьянин Ягафар» («Генерал Бабай») в записной книжке писателя 1941–1942 годов: «“Быются <нрзб.>, а народы стоят в стороне, они лишь погибают и откупаются кровью”».

“Генерал Бабай”.

1/3 людей не работает, а глядит на работающих» (ЗК, 218).

Вслед идет размышление, которое не оставляет сомнений, что Платонов видел онтологическую связь событий внутренней и внешней истории: «Зло въяве, наружи – это только то, что у нас есть внутри. Это наши же извержения, чтобы мы исцелились» (ЗК, 219).

В рассказе «Крестьянин Ягафар» действие происходит в тылу, в далекой от фронта башкирской деревне: «Чтобы послушать о войне слова дальних людей... бабай (по-башкирски «дедушка», «старик». – поясн. А. Платонова) отправлялся на железнодорожную станцию» [9; 38]². Главный герой – старик Ягафар «столько пережил за свой долгий век, и худого, и доброго, что худого давно перестал бояться, а доброму сразу не верил». Такого героя автор заявляет не как «мнительного», а как носителя правды (глаза у него «свежие, думающие»). Этот персонаж наделен предчувствием войны: «Всемирной войны бабай тоже не испугался: он давно чувствовал, что где-то посередине земли зреет смертное зло, и теперь оно вышло наружу, в войну, как и должно быть. Бабай чувствовал нарастающее всемирное зло по людям, по томлению их мысли, по содроганию их тихих сердец, все более скупо берегущих свое счастье, свое семейство и свою родную землю – все, что будет скоро удалено от них и страдать отдельно в бедствии. Бабай чувствовал это по людям, подобно тому как можно угадать перемену погоды по небу» (37)³.

Неотвратимая беда войны предсказывается по людям и жизни, которая оскудела на добро. Однако веще знание не дается человеку даром, как не дается оно раз и навсегда, истину надо добывать неустанным трудом всю жизнь. Потому и сюжет рассказа, открытый трагическими мотивами общей беды и самости вины, далее драматически удвоен, появляется комический план. Подводит старика Ягафара «старое знание», и в Отечественной войне герою заново придется добывать правду.

Психологическая коллизия осознания вины идет в рассказе вглубь – от догадки об общечеловеческой вине до открытия персонажем вины личной. Вот первая реакция Ягафара на Отечественную войну: «После наступления войны бабай даже обрадовался, потому что до войны зло было далеко и скрытно, а теперь настала пора уничтожить его вблизи, в жизни, чтобы люди больше не боялись жить на свете, чтобы они не томилась больше в разлуке с родными, не горевали от разорения своих дворов, не мучились голодом и увечьем, – чтоб отошла от них тоска, непосильная для человеческого сердца. Теперь настало это время, и бабай обрел надежду, что эта пора минует и тогда будет счастье» (37).

Словосочетание «зло было далеко и скрытно» двусмысленно: «далеко **и** (а потому. – *И. С.*) скрытно»; «далеко **и** (а также. – *И. С.*) скрытно». В сюжете развернута проблема «скрытного зла», угаданного, но не осознанного и не побежденно-го в ближней жизни, в себе. Радость старика, что

настало время борьбы и победы над злом, обнаруживает инфантильность, облегченность и ограниченность его миропонимания. В том, как мыслит и проживает герой начало войны («бабай обрел надежду, что эта пора минует и тогда будет счастье»), заглушевывается его же трагическое предчувствие. Подсознание «проговаривает» жизненную позицию старика – она созерцательная, вне происходящего («эта пора минует»), а победа добра над злом мыслится по-детски легко, как нечто неизбежное («и тогда будет счастье»). Причинно-следственную конструкцию такого типа М. Михеев называет «мифологией вместо причинности» [6]. Облегченное миропонимание героя задает трагифарсовое развитие сюжета: Ягафар – «гость» («свадебный генерал») на еще не свершенном празднике победы («Он пошел в гости по дворам, желая быть вместе с народом в такое время») и одновременно «старое дитя», «глупарь», серьезно и радостно играющий в войну: «– А на войну я не го-жусь? – спросил у жены бабай. – Пойду убью одного врага и потом доволен буду.

Старуха поглядела на своего старика как на малознакомого человека.

– На войну ты не годишься, – сказала жена. – У тебя кость от старости жесткая, ты сразу, как побежишь на врага твоего, споткнешься и сломаешься» (38).

Патриотическое чувство Ягафара искренне (он хочет найти свое место в войне со злом), но легкомысленно до глупости. Именно так определяет поведение бабай беженец, пожилой слесарь Петр Федорович Беспалов: «Ты старый человек, а глупарь!» Говорит это человек, у которого есть горький опыт войны настоящей, а не воображаемой.

Возвращение в разум старика Ягафара начнется в тот момент, когда они с Беспаловым пойдут смотреть заброшенное колхозное хозяйство: гибнущих на развалившейся ферме коров, сломанную мельницу, мертвый хлеб в поле. Боль, страдание, гибель разнообразного «существа существования» прописаны трагически пронзительно и без пощады для человека. В рассказе вина персонально возлагается на старика Ягафара: «– Это ты виноват, – произнес Беспалов. – Ты – старик, ты знаешь порядок – чего глядел?

– Правда твоя, – сказал бабай, – я старик, я виноват, чего глядел. Людей люблю, в гости ходил – я виноват.

И бабай зажмурился от *крестьянского стыда*, чтобы не видеть перед собой мертвый хлеб, павший в холодную землю» (43).

Трагические смыслы сфокусированы в натурфилософской коллизии. Опамятовший в стыде⁴ Ягафар учится жить и работать заново, не пренебрегая никаким, самым малым опытом: «У коров учился, теперь у воробьев буду учиться, – сообщил старый Ягафар. – У всех надо!.. У себя только забыл учиться – у своего сердца забыл, но я помню – оно у меня помаленьку бо-

лит: это чтоб я не забыл, как надо жить, а как не надо» (44).

Открытие своей вины перед миром – важный момент жизни платоновского героя с его инстинктивной потребностью жить по совести. Вторая половина сюжета, когда из «гостевой жизни» старый крестьянин Ягафар совестливо и мужественно идет в «солдатскую», также имеет комическое решение. Когда все сколь-нибудь годные мужчины ушли на фронт и старый Ягафар стал председателем колхоза, «он полагал, что по военному времени это звание равнялось генералу, который командует всей рожаящей силой земли, кормящей армию и согревающей ее» (45). «Генерал Бабай» – это итоговая в повествовании комическая форма выражения полноты исторической ответственности человека за жизнь, которая вбирает в себя по ходу сюжета не только героическое, но и трагическое содержание. Тема личной ответственности и вины за происходящее – искаленную землю, опустошенную жизнь, миллионные жертвы – звучит явственнее в тех рассказах военного времени, где действие удаляется от передовой, переносится в тыл: «Крестьянин Ягафар», «Счастливого корнеплода», «Сампо». Понятия тыла как «защищенного мира» у Платонова нет.

Рассказ «Среди народа» имеет героическую доминанту и тем не менее он не был опубликован в период войны. Причина – трагический подтекст героико-патриотического рассказа. Написанный в 1942–1943 годах, рассказ придет к читателю только в оттепель 1960-х годов. Первая публикация произведения (в сокращенном варианте) состоялась в 1966 году на страницах «Литературной России» [10]. Полный текст рассказа, восстановленный по авторской рукописи, опубликован в двухтомнике «Избранных произведений» А. Платонова (1978) [8; 229–239]⁵.

Трагическое в рассказе «Среди народа» присутствует вне основного сюжетного действия. Оно проступает в мыслях героя, майора Александра Степановича Махонина, чье подразделение третий раз пытается выбить немцев из деревеньки Малая Верея и каждый раз встречает жестокое сопротивление врага. Можно было бы сказать «героическое сопротивление», но в реалиях Отечественной войны этот эпитет применительно к агрессору не может быть использован. Платонов находит другой – «жертвенная борьба немцев». Майор Махонин напряженно над этим размышляет: «Александр Степанович не мог понять столь жертвенной борьбы врагов ради удержания незначительного населенного пункта. Местоположение Малой Вереи и ее тактическая ценность в плане обороны противника не давали оправдания для защиты Вереи во что бы то ни стало, для мощных контратак с потерей целых рот от огня нашей артиллерии. Майор Махонин любил вникать в мысль противника, чтобы из сочетания ее с нашим замыслом найти истину боя и овладеть ею ради победы. Но здесь, в сражениях за Малую

Верю, он не мог угадать здравого военного расчета неприятеля, глупости же его он из осторожности не хотел допустить. Уже и мощный узел немецкой обороны на грейдерной дороге, что на левом фланге, был оставлен противником, и справа от Верей наши войска тяжким прессом далеко вдавились вперед дугой по фронту, а немцы не жалели своих войск и машин, чтобы ужиться на этой избяной погорельщине у проселочной дороги» (ИП, 2, 229).

Жертвенная оборона немцев «во что бы то ни стало» внешне совпадает с героической защитой русскими солдатами деревни Семидворье в рассказе «Смерти нет! (Оборона Семидворья)», но свести их «внутренне» невозможно: у «жертвенной борьбы» немцев нет смысла. Чужая земля, если в ней нет «тактической ценности», не дает оправдания жертвам, ведь в ее защите нет патриотического смысла. Веря, размышляет офицер Махонин, «не давала оправдания» бесчисленным немецким жертвам людьми и техникой. Герой в конце концов найдет объяснение упорству врага, додумается вместе со старым крестьянином, когда освободится от рационального взгляда на происходящее: «Эти бои для немцев не имели смысла, но чья-то карьера или авторитет зависели от боев за Верю; у кого-то там, по слову старика, “забушевал” принцип, и сотни немецких солдат были переработаны нашим огнем на трупы, хотя каждому ездому из немецкого обоза могло быть ясно, что Верю удержать было нельзя и не нужно. Майор еще раз понял, что разум не всегда бывает там, где ему положено обязательно быть, – чаще, чем рассудок, на войне, как и в мирной жизни, действуют страсти, личные интересы, заботы о пустяке, бушуют голые принципы, похожие на правду, как скелет на живого человека, животные чувства маскируются под здравый смысл, страх наказания вызывает упорство, которое можно принять за героизм... В армии, предчувствующей свое поражение и гибель, эти свойства явственно обнажаются...» (ИП, 2, 235)

«Бушующие голые принципы» – явление трагически универсальное в человеческом поведении и мировой истории. Платоновский герой открывает этот страшный побудитель человеческих действий и событий в поведении армии противника. При этом автор опускает в кульминационной части внутреннего монолога майора определения «немецкая», «фашистская» или «вражеская» армия. Безумие, свойственное «homo sapiens», приоткрывается в ходе дальнейшего размышления Махонина в поведении «армии, предчувствующей свое поражение и гибель».

Размышление Махонина, заданное отчаянным, безумным и безнадежным сопротивлением врага под Верей, выходит за пределы конкретного факта. Мысли майора выстраданы, не случайны («еще раз понял»), характеризуют не только врага, но людей как таковых, выявляя

темную, низменную природу человека («страх», «голые принципы», «животные чувства»), что с печальной закономерностью обнаруживает себя в человеческой истории («на войне, как и в мирной жизни»).

Невеселые мысли Махонина о безумной истории находят подтверждение в пейзажных зарисовках. «Избяная погорельщина», «сотлевшая в прах», – такой видит Махонин деревеньку Верю, когда в третий раз входит в нее с советскими войсками. Далее в тексте следует развернутое описание: «Семен Ириархович приютился для жизни в дворовой баньке... у самых прясел, за которыми вскоре же начинался лес, бывший теперь без листьев и без ветвей, обглоданный огненными битвами, похожий ныне на частокол мертвых костей, выросших из гробов. <...> Майор молча вздохнул от вида этой природы в России...» (ИП, 2, 232)

Лес после ожесточенных боев «похож на частокол мертвых костей, выросших из гробов». Такой предстает мать-природа на войне, которую ведут ее неразумные дети. Подобные картины природы, где мы видим, как война «пожирает» землю и природу России, «вгрызаясь» во чрево земли, «обгладывая до костей» ее тело, часто встречаются в военных рассказах Платонова. Ср.: «Поваленный и обглоданный взрывом лес и прах, развеянный из пропасти» («Старый Никодим», 96).

Древняя метафора «война – пир смерти» в художественном мире Платонова размыкает узко-гуманистические рамки человеческих жертв и включает в себя землю, растения, животных – все, что вместе с людьми составляет Родину: «Тысячи наших пушек вели огневую работу. <...> Со скоростью молний ведется титанический обвальный пушечный труд, обдирающий землю до глубокой белизны ее каменистых, материковых пород, до самых твердых костей ее тела. <...> И все же огонь возрастал; земной прах, дерево, металл и живые существа на стороне врага малолысь в куски, потом повторно перемалывались на мелочь и еще раз накрывались огнем...» («Бой в грозу», 202–203)

Трагизм заключается в том, что защитники родной земли вынуждены участвовать в смертельной трапезе, «убивать» и «поедать» в боях ее живое тело⁶.

По мнению Е. Толстой-Сегал, лексема «погорельщина», которую использует А. Платонов для характеристики происходящего, – сокровенная память о поэме Клюева «Погорельщина»: «Солидарность, сохранение памяти часто являются главной мотивацией аллюзий у Платонова. ...Платонов ухитряется сослаться на абсолютно запретный текст в одном из военных рассказов, говоря о зверствах фашистов: “они желали бы всемирной погорельщины”. “Погорельщина” – название знаменитой тайной поэмы Клюева, в которой описываются голод и людоедство, наступившие вслед за катастрофой коллективиза-

ции. ...Цитата из репрессированного уже Клюева, считавшегося одним из кулацких идеологов, требовала отчаянной смелости» [11; 361]. Уточним, что клюевский образ-понятие «погорельщина» встречается у Платонова не в одном военном рассказе. Словосочетание «избяная погорельщина», предваряющее в рассказе «Среди народа» траурный пейзаж испепеленной войной русской деревни и размышления героя об истории, где «бушуют голые принципы», хранит в подтексте трагическую память о революционной отечественной истории, отсылая к таким произведениям писателя, как «Чевенгур», «Котлован», «14 Красных избушек».

Трагическое не составляет главного содержания рассказа «Среди народа», оно проговаривается в каком-то смысле против воли повествователя (говорит трагический дар автора). Рассказ посвящен «осмысленному» героизму народа, представленного символической парой героев: солдатом и пахарем, которые защищают родину, отстаивают добрые, мирные начала жизни. Этика защитников Отечества определяет эстетику их описания. Как это часто бывает у Платонова, в описании выделена символическая деталь, служащая проводником в сокровенный внутренний мир человека. Майора Махонина мы не только видим, но и слышим (такая звуковая характеристика – знак близости героя к повествователю): «В голосе Махонина была слышна молодая добрая сила, располагающая к нему, кто слышал его, и звучало *добродушие хорошего характера*» (ИП, 2, 231). Приведем полный портрет крестьянина Семена Иринарховича: «Крестьянину было лет под семьдесят; он был человек небольшого роста, уже усыхающий от возраста, с клочком бурой бороды под подбородком и с теми небольшими, утонувшими во лбу светлыми глазами, которые наш народ называет *мнительными: в его глазах различалась одновременно и слабость неуверенной человеческой души, и сосредоточенное глубокое внимание, доверчиво ожидающее, когда истина осенит его, – и тогда он будет способен на любую страсть, на подвиг и на смерть*» (ИП, 2, 230).

В портрете Семена Иринарховича выделены глаза, а точнее, выражение глаз героя. Описание построено так, что читатель сразу видит душу крестьянина, в которой поселилось сомнение. Эта характеристика амбивалентна, двухчастна. В первой части речь идет о «мнительности» и «слабости неуверенной человеческой души» – она остается «недосказанной» в произведении. В дальнейшем повествовании драматически открытое начало рассказа о человеке, в «мнительных глазах» которого проступает «слабость неуверенной человеческой души» и возможность «любой страсти», свернуто, подчинено патристической идее.

Из довоенного прошлого Семена Иринарховича дан только один эпизод, когда он «сумел своим усердием добыть из местной отошальной

почвы столь тучный урожай льна и конопли, что его пригласили на выставку в Москву, чтобы показать всему народу этого щедедушного, но хитроумного труженика». События, которые разворачиваются в сюжете в художественном настоящем, также «подтверждают» лишь вторую часть амбивалентной начальной характеристики: встречу человеческой души с истиной («когда истина осенит его» – и тогда он будет способен «на подвиг и смерть»). В ходе разговоров старика с майором Махониным не раз отмечено «верное» понимание жизни Семеном Иринарховичем и даже «превосходство крестьянского ума», так что майор «мог поучиться у него». Последний поступок старого крестьянина свидетельствует о торжестве добрых начал жизни, о восхождении человека к главному ее смыслу. Среди войны крестьянин выйдет на поле собирать гниущий урожай: «В скупой жатве старика Махонин видел доброе одухотворение своего народа, которым он одолеет неприятеля и исполнит все свои надежды на земле» (237). Спасая зерно, замерзающее под снегом, Семен Иринархович подорвется на фашистской мине.

Рассказ «Среди народа (Офицер и крестьянин)» показывает, что А. Платонов, не упрощая человека, означив его сложное содержание, далее выделяет главный смысл жизни народа в Отечественной войне, а он героический: освободить родину, мир от фашизма, спасти жизнь, добро и правду. Об этом говорит старый крестьянин Семен Иринархович майору Махонину, оформляя свою мысль в фольклорные образы-символы: «Как зимовать теперь будете, Семен Иринархович, – плохо жить в разорении...»

– Ничего, Александр Степанович, мы стерпим, а вскоре, бог даст, и отстроимся. Зато какое дело мы с тобой и с прочими народами исполнили – такую гадюку всего мира на тело России приняли и удушили ее» (ИП, 2, 236).

Змей, символизирующий фашизм, – древнейший фольклорный образ зла, в христианстве – обличье сатаны. Рассказ «Среди народа (Офицер и крестьянин)» – пример того, как трагические смыслы, присутствуя в произведении, локализируются, свертываются и уходят в подтекст, но не отменяются, разворачиваясь уже за пределами данного произведения в контексте творчества Платонова.

В ситуации Священной войны Андрей Платонов не обо всем мог и не всегда считал себя вправе писать. Но там, где он начинал рассказ, художник был верен правде жизни. Это незыблемое основание не только платоновской этики творчества, но и эстетики. Четыре года войны из произведения в произведение он продолжал писать «великую драму» жизни, где для верности действительности ему необходима была не только героическая патетика, но и трагическое, лирическое, комическое, ироническое начала – и снова трагическое. В малой эпической форме Платонов стремился запечатлеть многообразие

жизни, все ее частные подробности, из которых складывается общая картина. «Каждый, естественно, хочет найти лишь одну сторону дела, реш^ающее звено, чтобы исполнить все дело, – так экономней и для мысли, и для усилий. Нужны же *все* стороны дела. Именно поэтому принцип организации *всегда*, как ни труден для исполнения этот принцип, есть высший принцип и единственное искусство практической победы. Этот принцип как бы “сер”, ^потому ^что он труден и суетен, но он – истина» (ЗК, 220).

Героическая правда и трагическая истина – так можно определить двойное ядро художественной философии военной прозы А. Платонова. Этическая необходимость, в которую был поставлен художник, пишущий «внутри войны», породила особый механизм взаимоотношений героического и трагического в поэтической структуре и семантике произведений. Можно говорить об определенных закономерностях, которые прослеживаются в отборе материала, его сюжетной организации, форме пафоса: чем ближе место действия в произведении к фронту, к передовой, где «сейчас» (имея в виду художественное время, совпадающее с историческим) идет смертельный поединок с фашизмом, тем сильнее звучит у Платонова героическое начало; чем дальше – в даль и глубь мира, тем жизнь человеческая представлена трагичнее (принцип обратной перспективы). Разные формы взаимодействия героического и трагического в военных рассказах Платонова прослеживаются на всех уровнях поэтической структуры и не сводятся к взаимоотношению, к деструкции. Функционально значимо в художественном мире Платонова их соположение и возникающее при этом семантическое напряжение.

Обобщая свои наблюдения о специфике трагического в художественном мире Платонова, А. Кретинин определяет его как «античный трагизм»: «Источник трагического состояния платоновского мира в том, что он находится в непреодолимом расхождении с самой собой и, как следствие, в вечном неутолимом стремлении к самому себе, к восстановлению своей целостности. Это стремление неудовлетворимо, так как включает в себя стремление к крайностям, по-видимому, не совместимым. <...> Таково, например, устремление платоновского мира в “Чевенгуре”: в пространстве – к макси-

мальной сжатости и к бесконечному распространению, во времени – “к концу света”, концу времени и к его разомкнутости как в прошлое, так и в будущее. <...> Субъектом трагического в художественном мире Платонова является не столько личность, сколько сам мир. <...> Античный трагизм Платонова пользуется для выражения своего пафоса такими формами, как “скорбь”, “тоска”...» [3; 66–67] Эти наблюдения и выводы сделаны при концентрации исследовательского внимания на прозе Платонова 1920–30-х годов. Художественный мир военной прозы, семантика и функции трагического в нем, как показал анализ, имеют ряд принципиальных отличий от «античной модели». Как и раньше у Платонова, начиная с сюжетно значимых «оговорок» повествователя («зло было... скрытно», «голые принципы», «погорельщина»), художественное исследование исторической действительности идет с поверхности социально-идеологического конфликта времени в онтологическую глубь проблематики «вечной войны». Однако главные «слагаемые» художественного мира: человек и жизнь, природа и история – получают иную поэтическую расстановку, которая выражает новое миропонимание автора. Военная проза Платонова отлична от художественной модели «античного трагизма», где роль человека – быть «пассивным объектом претерпеваемой судьбы»; она, пожалуй, ближе (но не тождественна) к новоевропейской эстетике трагического, которая «исходит из того, что человек сам виновен в постигших его ужасах и страданиях» [5].

Художественный мир военных рассказов Платонова не может быть полноценно охарактеризован без учета функций подтекста. В чрезвычайных обстоятельствах войны писатель продолжил с читателем разговор о «всей жизни», полагая, что здесь он как никогда необходим. «Вся жизнь» – название рассказа (1943) и итоговой книги (1945) Платонова военных лет, которые ему, несмотря на все усилия, так и не удалось опубликовать, однако необходимый разговор о «великой драме» жизни с читателем состоялся. Нравственно-философские дилеммы исторической трагедии человека, редуцированные и сконцентрированные в «единословие»⁷, поставлены Платоновым уже в первых рассказах начала Великой Отечественной войны.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Далее ссылка на это издание дается в основном тексте с указанием названия источника (ЗК) и страницы.

² Далее при цитировании этого издания указывается страница в круглых скобках в основном тексте.

³ Ср. в «Записных книжках»: «Русские мужчины и женщины накануне войны 1941 года (война явно предчувствовалась – в смысле изменения, ими лично – жизни)» (ЗК, 267).

⁴ «Ты добрый стал... у тебя к нужде и народу сердце теперь прилегло. Ты опомнился теперь», – говорит о Ягафаре жена (42).

⁵ Далее при цитировании этого издания в основном тексте будут указываться заглавные буквы общего названия (ИП), том и страница.

⁶ Ср. в «Одухотворенных людях»: «Двое краснофлотцев дорвались до первых коротких щелей – окопов противника и вьелись в них» (52).

⁷ В черновиках Платонова 1940-х годов находим запись: «Отношение слов – жертва обществу за понимание. Природа, суть – единословие, вскрик» (РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 99, л. 25).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гегель Г.-В.-Ф. Эстетика: В 4 т. М.: Искусство, 1971. Т. 3. 621 с.
2. Корниенко Н. История текста и биография А. П. Платонова (1926–1946) // Здесь и теперь. 1993. № 1. С. 3–320.
3. Крети́нин А. А. Трагическое в художественном мире Андрея Платонова и Бориса Пастернака // Творчество Андрея Платонова. Исследования и материалы. Библиография. СПб.: Наука, 1995. С. 66–67.
4. Крети́нин А. А. Мифологический знаковый комплекс в военных рассказах Андрея Платонова // Творчество Андрея Платонова: исследования и материалы. Кн. 2. СПб.: Наука, 2000. С. 41–57.
5. Лосев А. Трагическое // Философская энциклопедия: В 5 т. М.: Советская энциклопедия, 1970. Т. 5. Стлб. 252.
6. Михеев М. В мир Платонова через его язык. М.: Изд-во МГУ, 2003. 408 с.
7. Платонов А. Офицер и крестьянин (Среди народа) // Лит. Россия. 1966. № 13.
8. Платонов А. П. Избранные произведения: В 2 т. / Сост. М. А. Платонова; текстолог М. Н. Сотскова; коммент. Е. А. Краснощековой и М. Н. Сотсковой. М.: Худож. лит., 1978. Т. 2: Рассказы (1934–1950). 398 с.
9. Платонов А. Одухотворенные люди: рассказы о войне / Сост. и вступ. ст. В. М. Акимова. М.: Правда, 1986. 432 с.
10. Платонов А. Записные книжки: материалы к биографии / Публ. М. А. Платоновой, сост., подгот. текста, предисл. и примеч. Н. В. Корниенко. М.: Наследие, 2000. 424 с.
11. Толстая Е. Литературная аллюзия в прозе Андрея Платонова // Мирпослеконца: работы о русской литературе XX века. М.: Изд-во РГГУ, 2002. С. 352–365.
12. Шелер М. О феномене трагического // Проблемы онтологии в современной буржуазной философии. Рига: Зинатне, 1988. С. 298–317.

ВИКТОР КАЗИМИРОВИЧ БОЛДАКсоискатель кафедры русской литературы филологического
факультета ПетрГУ
viktorbol@mail.ru**ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОТОТИПЕ
ОБРАЗА ХИЛЬДЕБРАНДА**

В статье рассматривается возможность наличия исторического прототипа у героя средневерхненемецкого эпоса Хильдебранда. Обосновывается мнение о том, что прототипом Хильдебранда был вождь остроготовов IV века Германарих (Эрменрих), подвергшийся впоследствии значительной идеализации. Рассматривается механизм формирования из образа одного исторического деятеля разных эпических героев: отрицательных (например, эддического Ёрмунрекка) и положительного – Хильдебранда.

Ключевые слова: Хильдебранд, германский эпос, «Песнь о Нибелунгах»

Неоднократно высказывалось предположение о том, что историческим прототипом эпического средневерхненемецкого Хильдебранда был вождь остроготовов IV века Германарих (Эрменрих), а финальная сцена «Песни о Нибелунгах», в которой Хильдебранд получает рану от Хагена, а потом убивает Кримхильду, является отголоском реального покушения на Германариха. Согласно Иордану, этот «король» приказал казнить некую «росомонку Сунильду», после чего получил рану от ее братьев – Сара и Аммия [4; 86]. Почти буквально эта сцена воспроизводится в «Речах Хамдира» «Старшей Эдде» [11; 337–339], где Ёрмунрекк Могучий казнит свою жену Сванхильд, а потом получает тяжелые раны от ее братьев – Хамдира и Сёрли. Однако данное предположение до сих пор не было достаточно обосновано, поэтому представляется целесообразным рассмотреть вопрос подробнее.

Несмотря на то что исследователи не раз высказывали мнение о неисторичности германского эпоса, с этим можно безоговорочно согла-

ситься только в отношении более поздних героев, когда, действительно, многочисленные попытки найти исторические прототипы, например, верхненемецкого Зигфрида [5; 296–299] и эддического Хельги [5; 252] не принесли убедительных результатов. Однако сюжетам и героям эпоса, восходящим к эпохе Великого переселения народов, находится соответствие среди героев исторических событий этого периода. Так, уже упоминалось, что эддический Ёрмунрекк, несомненно, имеет прототип – вождя остроготовов Германариха [5; 283–284] (Аммиан Марцеллин называет его «Эрменрих» [1; 494]). Прототипом популярнейшего верхненемецкого эпического героя Дитриха Бернского (эддического Тьодрека), по общему мнению, является «король» тех же остроготовов V–VI веков Теодорих Великий. Образы верхненемецкого Этцеля и эддического Атли восходят к вождю гуннов Аттиле.

В отношении последнего следует заметить, что хотя и огромное расстояние отделяет коллизии, описанные во второй части «Песни о Нибел-

лунгах», от реальной ситуации в ставке Аттилы V века, держава гуннов представляла из себя весьма рыхлую конфедерацию племен; власть «императора» держалась в основном на искусном маневрировании между интересами вождей подвластных ему племен (в основном – германских). Поэтому реально Аттиле, как и эпическому Этцелю, несомненно, чаще приходилось уговаривать своих вассалов, чем им приказывать (во всяком случае, последние предпочитали вспоминать об этом времени именно так). Поэтому никак нельзя сказать, что от исторического Аттилы в германском эпосе осталось только имя. А значит, попытка нахождения исторического прототипа такого несомненно древнего героя, как Хильдебранд, не представляется безнадежной.

А. Хойслер [12; 96] выдвинул предположение, что вторая часть «Песни о Нибелунгах» разрослась из значительно более краткой древнегерманской героической песни, которая в его реконструкции предстает весьма похожей на сюжет, изложенный в песнях «Старшей Эдды» – «Песни об Атти» и «Речах Атти» [11; 220–234] (в данном издании песни называются «Гренландская песнь об Атти» и «Гренландские речи Атти»). В этих источниках Атти заманивает к себе братьев своей жены Гудрун – Гуннара и Хёгни, после чего убивает их. Мстя за братьев, Гудрун убивает мужа и сжигает его дворец (и, согласно реконструкции А. Хойслера, сама гибнет в этом пожаре). Отсюда, по мнению исследователя, и происходит сюжет второй части «Нибелунгов», с той лишь разницей, что в данном случае Кримхильда мстит не мужу за братьев, а наоборот – братьям за своего первого мужа (подобное развитие сюжета объясняется происходившими в то время процессами разложения родового общества).

Такая версия разделяется многими исследователями, например Е. М. Мелетинским: «Скандинавская версия “Эдды”, рисующая месть мужу Атти за братьев Гьёкунгов, не только архаичнее (чем в «Нибелунгах». – В. Б.), поскольку братья рассматриваются как гораздо более близкие люди, чем муж... но безусловно соответствуют ранней фазе развития сказания, поскольку без этого посредствующего звена невозможно представить себе переход от исторических фактов к сюжету “Песни о Нибелунгах”» [5; 283].

Действительно, общество Исландии XIII века было архаичнее баварско-австрийского феодального общества того же времени (у тогдашних исландцев, возможно, братья действительно считались более близкими родственниками женщине, чем муж), но две упомянутые эддические песни вряд ли стоят близко к ранней версии песни о гибели Нибелунгов (в дальнейшем будем называть ее песней-прообразом). В пользу этого говорят данные как хронологии, так и текстологического анализа.

А. Хойслер пишет, что начиная с VIII века в баварско-австрийских документах появляются

имена, схожие с именами персонажей «Нибелунгов», и делает вывод, что уже в это время существовал данный сюжет [12; 90]. Однако две упомянутые песни «Эдды» относятся к более позднему времени. А. Я. Гуревич предполагает, что «Песнь об Атти» возникла в конце IX – начале X века, а «Речи Атти» – в XI–XII веках [3; 32].

К. фон Зее замечает: «Нельзя доказать, что какие-либо из эддических песен древнее скальдических стихов IX в.; напротив, неоспоримо, что большая часть скальдических стихов древнее эддических песней» (цит. по [10; 17]).

Таким образом, верхненемецкая песня, которая впоследствии разрослась до второй части «Нибелунгов» (песня-прообраз), уже, вероятно, существовала тогда, когда эддических песен, воспевавших Гудрун, Гуннара и Хёгни, еще не было. Поэтому если и искать скандинавскую параллель реконструируемой песне-прообразу VIII века, ее можно видеть в эддических «Речах Хамдира» – архаичных и по форме [3; 32], и по сюжету (как указывалось, весьма близкому к сообщению историка VI века Иордана).

Содержание второй части «Нибелунгов» также позволяет предполагать, что древнейший сюжет не включал в себя сведений о бургундском «Гундахарисе», погибшем в V веке на войне против гуннов Аттилы (об этом «прототипе» сюжета см., например, [12; 83–85, 405]). Возможно, что как раз мотивы о Гуннаре – Гунтере – Гундахарисе и проникли в верхненемецкий эпос из эддических песен в XI–XII веках. Во второй части «Нибелунгов» [7; 362–495] Гунтер, несмотря на свое «королевское» достоинство, выглядит весьма бледно, уступая первую роль Хагену. Например, в переговорах (перед кульминационной схваткой поэмы), которые ведут Дитрих и Хильдебранд с Хагеном и Гунтером [7; 490–492], последнему принадлежит только одна реплика: «...признался Гунтер смело...» (строфа 2335), а Хагену – пять (строфы 2333, 2338, 2341, 2343, 2347), причем только в последних двух он говорит от своего имени, в остальных же отвечает и за себя, и за своего сюзерена, например: «Два столь могучих воина в плен не сдадутся вам» (строфа 2338). С точки зрения норм феодального общества это – беспримерная наглость, попрание «священных устоев». Наличие такого мотива в поэме должно иметь очень веские основания. А. Хойслер пишет: «Редко какое-либо изменение поддается столь убедительному объяснению, как это. Гибель бургундов превратилась в месть за Зигфрида – а ведь убийцей Зигфрида был Хаген! Преступник первого сказания становился во втором главным врагом мстительницы, а тем самым и главным героем второго сказания» [12; 97].

Можно заметить, что аргументация исследователя ограничивается в данном случае восклицательным знаком и обращена к эстетическому вкусу рафинированных ценителей литературы, способных оценить художественный замысел

автора и динамичность сюжета. Но среди читателей и слушателей не все являются утонченными эстетамы, которые, будучи замороженными художественным мастерством автора, упустят из виду «подрывной», «антифеодалный», «антимонархический» характер некоторых мест.

Следует добавить, что общественный статус автора («шпильмана») был весьма невысок, он не мог пренебречь недовольством даже отдельных феодалов. И единственным весомым «извинением» для автора могла явиться только ссылка на традицию, то есть на то, что в более древнем варианте данного верхненемецкого эпического сюжета «короля Гунтера» не было вообще, Хаген всегда был главным героем сказания, а «парой» ему был персонаж вроде эдического Сёрли («Сар» Иордана). Впоследствии этот бесцветный образ был заменен Фолькером, а после гибели последнего – Гунтером. Необходимо подчеркнуть, что во второй части «Нибелунгов» Хаген очень часто показан именно «в паре» с другим героем. Мы видим эти образы рядом начиная со строфы 1768 – первого конфликта по приезду в ставку Этцеля [7; 429]. Поэтому не совсем верно то, что главным героем второй части «Нибелунгов» является Хаген, скорее главную роль во второй части поэмы играет связка: Хаген и другой богатырь (сначала Фолькер, потом – начиная со строфы 2321 [7; 489] – Гунтер).

Другой пример. В поэме **четыре раза** упоминается бегство Хильдебранда от Хагена (причем три раза говорится о ранении последним первого). Умиравший Вольфхарт говорит: «И вы, любезный дядя, бегите лучше прочь, / Чтоб не нанес вам Хаген ущерба и вреда. / Поверьте, пуще прежнего бушует в нем вражда» [7; 486]. Затем – сообщение о самой схватке: «Зияющую рану старик рукой зажал / И, щит закинув за спину, из зала убежал» [7; 487]. Следующий раз – при докладе Хильдебранда Дитриху: «Я Хагеном был ранен, когда хотел уйти. / Не знаю сам, как удалось мне ноги унести» [7; 488]. И, наконец, в насмешке Хагена при их следующей встрече: «Куда почетней сдаться, / Чем с перепугу в бегство без памяти кидаться, / Как сделали вы нынче, прервав наш бранный спор...» [7; 491] Это не может быть случайным и говорит о том, что ранение Хильдебранда Хагеном было главным эпизодом песни-прообраза. «Бушующая вражда» последнего по отношению к первому мотивирована в «Нибелунгах» довольно искусственно – мстостью Хагена за своего побратима Фолькера, убитого Хильдебрандом. Но Фолькер – поздний герой, появившийся в эпосе только в XI–XII веках [12; 112]. Таким образом, весьма вероятно, что в песне-прообразе Хаген мстил Хильдебранду за убийство своей сестры Кримхильды, и только впоследствии один из авторов переставил события местами и, кроме того, сделал Хагена не братом Кримхильды, а только указал, что они «в родстве» [7; 361].

Надо заметить, что объяснение А. Хойслером убийства Хильдебрандом Кримхильды не совсем убедительно («приговор судьбы, удовлетворяющий внутреннее чувство слушателей» [12; 94–95]). Если сам автор предполагает, что Кримхильда гибла уже в древней песне-прообразе [12; 96], то является очевидным, что это «внутреннее чувство слушателей» было просто субъективным объяснением позднейшими авторами существовавшей эпической традиции. Таким образом, есть все основания полагать, что в песне-прообразе VIII века основным мотивом было убийство Хильдебрандом Кримхильды и ранение Хильдебранда Хагеном, братом Кримхильды (вместе с другим братом) в отмщение за это убийство, а затем – пленение и гибель Хагена. Таким образом, вторая часть «Нибелунгов» разрослась «с конца» за счет присоединения новых эпизодов и новых героев (Гунтера, Фолькера, Рюдегера, Иринга, Блэделя и др.).

Следует перечислить общие черты верхненемецкого Хильдебранда (каким он предстает в ранней «Песни о Хильдебранде» [8; 10–14] и в более поздней «Песни о Нибелунгах») с эдическим Ёрмунрекком и его тезками (Эрманерих, Эрманерик и др.):

1. Хильдебранд убивает своего сына Хадубранда – Ёрмунрекк казнит своего сына Рандвера, а Эрманерих – Фридриха.

2. Хильдебранд убивает «жену владыки гуннов» и получает рану от ее братьев – Ёрмунрекк убивает Сванхильд, после чего его ранят ее братья.

3. Постоянные эпитеты Хильдебранда: «старый богатырь», «седой удалец» и т. п. – в «Младшей Эдде» подчеркивается старость Ёрмунрекка [6; 77–78].

Не менее многочисленны точки соприкосновения легендарного Хильдебранда с историческим Германарихом (Эрманрихом) Иордана и Аммиана Марцеллина. Кроме уже упомянутых совпадений (возраста, казни женщины, покушения) можно вспомнить также:

1. Хильдебранд предстает богатырем «амелунгов» (остроготовов), он ниже по рангу, но старше по возрасту (и старше типологически [12; 216]), чем Дитрих Бернский – Аммиан Марцеллин пишет об обширных и плодородных землях Эрманриха, весьма воинственного царя, эти земли остроготовов около 375 года подверглись нападению гуннов [1; 494]; впоследствии остроготами правил Теодорих Великий (471–526 гг.); судя по Иордану, до Германариха остроготы вообще не имели достойного упоминания вождя, в период же между Германарихом и Теодорихом «амелунгами» правили крайне невыдающиеся вожди (о них мало что известно, кроме имен [4; 107–112]).

2. **Четырежды** сообщается о бегстве Хильдебранда от противника – если верить Иордану, остроготы в IV веке потеряли поражение от гуннов, признали над собой их власть, потом восстали и снова были разбиты [4; 85–86].

3. Хильдебранд не имеет королевского титула, а является вассалом Дитриха – остроготы до самой смерти Атилы были вассалами гуннов; не останавливаясь на вопросе о том, признал ли лично Германарих над собой власть гуннского вождя (подробнее об этом см. [2; 49–58]), отметим, что если он и погиб раньше капитуляции остроготов, то, несомненно, успел потерпеть от гуннов серию крупных поражений [1; 495], череда которых и закончилась капитуляцией (до смерти Германариха или после нее).

4. Дружина под предводительством Хильдебранда несет страшные потери в бою («Из всей дружины вашей лишь я один в живых...» [7; 488]); местом действия является ставка короля гуннов – после разгрома гуннами в IV веке и до самой битвы на Каталаунских полях (451 г.) Иордан не упоминает почти никаких событий в истории «амелунгов» (только перечисляет их вождей) [4; 108]; очевидно, писать было просто не о чем.

Таким образом, главное, если не единственное, различие между образами Ёрмунрека, Эрманариха, Эорменрика и других, с одной стороны, и Хильдебранда – с другой, является то, что к первым отношение сказителей резко отрицательное («Eor-menric... the very model of medieval tyrant» [13; 151]), а к Хильдебранду – неизменно положительное. Однако В. М. Жирмунский пишет: «Германская поэзия не знает морфологического типа биографической поэмы; героические сказания древних германцев существовали в форме самостоятельных песен, посвященных отдельным подвигам героев, из которых каждый образует особый сюжет. Нельзя реконструировать связную биографию там, где не существовало связной биографической формы» [12; 25].

Если даже эти «самостоятельные песни» и группируются вокруг имени какого-то героя, совершенно необязательно, чтобы симпатии или антипатии сказителей и слушателей автоматически переносились из одной песни в другую. Например, эддический Атли, как правило, – злодей, но в «Третьей песни о Гудрун» он представлен вполне благожелательно – как муж, опечаленный подозрениями в отношении верности жены [11; 215–216]. В «Песни о Нибелунгах» автору удается даже разместить такую «неоднозначность» в пределах одного произведения. Например, Кримхильда во второй части поэмы «из нежной супруги и обиженной скорбящей вдовицы превращается в злую ведьму» [9; 719]. Поэтому в «расщеплении» образа исторического Германариха на положительного героя Хильдебранда (воплотившего все достоинства своего прототипа) и отрицательного Ёрмунрека (и других, принявших на себя его все пороки) нет ничего удивительного.

Как же происходило это «расщепление»? Прежде всего следует отметить претенциозность

имени «Германарих», которое явно происходит от латинского «Rex germani» – «царь (всех?) германцев». Такое имя могли дать мальчику при рождении только в том случае, если оно уже бытовало (назвали по имени вождя, уже жившего или живущего). Но Иордан не пишет о каком-либо «раннем Германарихе», хотя он не умолчал бы о вожде готов со столь громким именем, даже если бы его носитель ничем себя не проявил. Скорее всего, в истории существовал только один Германарих, какие-либо его тезки отсутствовали. Поэтому представляется вероятным, что данный деятель при рождении был назван Хильдебрандом – это обычное имя, означающее «отмеченный печатью (милостью) древнегерманской богини Хильд». Под этим именем он совершил свои первые подвиги, был избран вождем своего племени, стал верховным вождем всего союза остроготов и только после этого принял то ли почетное прозвище, то ли претенциозный титул, то ли тронное имя – Германарих. (Е. Ч. Скржинская пишет, что имя преемника Германариха – «Винитарий» – означает «победитель венетов» [4; 332], то есть также представляет собой не имя, данное при рождении, а почетное прозвище, принятое вождем после победы над венетами.) Таким образом, можно допустить, что данный вождь при жизни, вероятно, был известен под двумя именами: в своем родном племени его продолжали по-прежнему называть Хильдебрандом, для прочих же германских и негерманских племен, входивших в состав союза остроготов, он был Германарихом.

Однако финал жизни «короля» не был столь же блестящим, как ее начало. Остроготы, как указывалось выше, потерпели страшное поражение от гуннов и надолго лишились самостоятельности, а перед этим вождь совершил немало жестокостей в отношении своего народа (все, что мы знаем о европейских варварах времен Великого переселения народов, говорит о том, что заставить их подчиняться хоть каким-то «законам» [4; 83] одними словами было невозможно, тем более – организовать их для сопротивления гуннам). Поэтому после бесславной смерти Германариха все его «подданные» прокляли это имя и сделали его определением самого худшего злодея в своем фольклоре. Исключением явилось только родное племя верховного вождя. Вполне естественно, что соплеменники были главной опорой власти Германариха, они практически не страдали от его террора (если не сами подстрекали вождя на расправы с представителями других племен), больше всех гордились его успехами и имели все основания оплакивать его поражения и гибель. Поэтому совершенно неудивительно, что хотя «Хильдебранд» в песнях этого племени имел схожие черты с «Эрманарихами» соседних племен, оценка его деятельности была диаметрально противоположной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аммиан Марцеллин. Римская история: Пер. с лат. М.: Алетейа, 1993. 569 с.
2. Болдак В. К. Кашей – Германарих?: проблемы реконструкции исторических событий восточных славян II–V вв. Петрозаводск: [б. и.], 2007. 76 с.
3. Гуревич А. Я. «Эдда» и сага. М.: Наука, 1979. 192 с.
4. Иордан. О происхождении и деяниях гетов. *Getica*: Пер. с лат. СПб.: Алетейа, 1997. 506 с.
5. Мелетинский Е. М. «Эдда» и ранние формы эпоса. М.: Наука, 1968. 364 с.
6. Младшая Эдда: Пер. с древнеисл. репринт. воспр. изд. 1970 г. СПб.: Наука, 2005. 137 с.
7. Песнь о Нибелунгах / Пер. со средневерхненем. Ю. Корнеева // *Западноевропейский эпос* / Сост. Л. А. Плотникова. Л.: Лениздат, 1977. С. 240–295.
8. Песнь о Хильдебранде / Пер. с древневерхненем. Т. Сулиной // *Зарубежная литература средних веков* / Сост. Б. И. Пуришев. М.: Просвещение, 1975. С. 10–14.
9. Рыкова Н. Я. Героический эпос Средневековья // *Западноевропейский эпос* / Сост. Л. А. Плотникова. Л.: Лениздат, 1977. С. 706–726.
10. Смирницкая О. А. Древнегерманская поэзия: Каноны и толкования. М.: Языки славянских культур, 2005. 175 с.
11. Старшая Эдда: Пер. с древнеисл. // *Западноевропейский эпос* / Сост. Л. А. Плотникова. Л.: Лениздат, 1977. С. 152–239.
12. Хойслер А. Германский героический эпос и сказание о Нибелунгах: Пер. с нем. / Под ред. В. М. Жирмунского. М.: Изд-во иностранной лит-ры, 1960. 446 с.
13. *Beowulf: A New Translation with an Introduction by Burton Raffel*. N. Y.: The New American Library, Inc., 1963. 159 p.

АНФИСА ВЛАДИМИРОВНА РОЖКОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета ПетрГУ

rozchkova@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ОДНОРОДНОГО РЯДА В ПАМЯТНИКАХ ДРЕВНЕРУССКОЙ ГИМНОГРАФИИ

В статье описаны основные структурные типы рядов однородных определений и дополнений, проанализированы способы выражения и семантика компонентов в составе исследуемых рядов, выявлены определенные закономерности жанрово-стилистического функционирования в древнерусской гимнографии.

Ключевые слова: древнерусская гимнография, исторический синтаксис, историческая стилистика, однородные дополнения, однородные определения

Поэтико-литургические произведения, созданные на протяжении нескольких веков древнерусскими гимнографами, представляют собой уникальный объект исследования, имеющий большое значение для истории русского литературного языка. Немаловажным является стилистический подход в рассмотрении особенностей церковно-поэтического наследия, а именно изучение базовых синтаксико-стилистических параметров. В статье рассматриваются основные структурно-грамматические, семантические и стилистические особенности рядов однородных членов.

Базовым материалом исследования послужили рукописи XI–XIX веков, старопечатные издания миней, в которых содержатся отдельные или вошедшие в состав служб поэтико-литургические произведения в честь русских святых, а также немногочисленные публикации гимнографических памятников.

В первую очередь следует отметить немногочисленность структур с однородными главными членами, пассивная роль которых жанрово обусловлена, а также функционирование на периферии гимнографического жанра однородных

обстоятельств. В центре нашего внимания – актуальные синтаксические структуры с однородными дополнениями и определениями, которые принимают активное участие в реализации идейно-эстетических задач жанра.

Активность однородного объектного ряда во многом связана со структурообразующей функцией дополнений как основных распространителей глагольного предикативного центра. Широкая употребительность однородных дополнений отмечена также на другом материале [1; 11], [4; 46]. Преобладающим морфологическим способом выражения дополнений является употребление имен существительных в разных падежных формах, с предлогом и без него.

Особого рассмотрения заслуживает количественное построение однородного объектного ряда. В подавляющем большинстве случаев перед нами бинарные сочетания компонентов, соединенных союзом *и* (почти три четверти от числа всех конструкций с однородными дополнениями). Значение подобных парных образований закрытого типа проясняется при семантическом анализе составных элементов.

Члены парного однородного ряда могут представлять собой соединение двух синонимов: **Радѣса, д(оу)ха с(ва)таго бл(а)годатно шестинныи Радѣса, кротости и смиренна исполненныи** (АСС 27). Иногда такой парный ряд создает кажущуюся смысловую избыточность, однако подобный стилистический прием призван усилить общее значение, ср. также: **оумъ и смыслъ дарзи ми** (Пог. 434; 327 об.).

Бинарный ряд может включать в себя разные по значению лексемы (но не противопоставленные друг другу, не антонимы), которые, дополняя друг друга, подчеркивают единство образа, явления, мысли: **Прими хваление малое, и моление о(т)че нашъ с(ва)т(ите)лю илксѣе** (Пог. 434; 193 об.).

В таком типовом ряду можно проследить за частными случаями реализации отношений между однородными членами. В представленном ниже примере такая связь может быть объяснена как «общее, целостное» – «частное, конкретное»: **со апостолы же и с(ва)т(ите)ли, и со агг(е)лы ликствоуа с(ва)тии троицы пре(д)стоиши, моласа прилѣжно за град и лю(ди) твоа с(ва)те** (Пог. 434; 196).

В парности однородных дополнений ярко проявляет себя принцип антонимичности, выражающийся в объединении двух противоположных понятий. В частности, наиболее востребованной является антиномия «тело» – «душа»: **стецемса вѣрни, очистивше вкѣпѣ дѣшы и тѣлеса** (МСАв 303).

Для выражения антиномии «небо» – «земля» в следующем примере важны однородные дополнения и согласованные с ними определения: **Тель же со агг(е)лбстини сворѣ, и ч(е)л(ове)честии роди достоинш славимъ** (Пог. 434; 287 об.).

Следующие бинарные ряды нельзя с полным правом назвать противопоставленными. Однако оппозиция в таких случаях выражается в объединении слов, обозначающих, с одной стороны, понятие «идеальное, невещественное, духовное», с другой – «физическое, конкретное»: **Ико аронъ незлобимъ дѣха благодатно славне, въ ризѣ свѣше облечеса преподоба и правдѣ** (Пог. 434; 195). Подобное противопоставление находим в других примерах: **бодреными м(о)л(и)твами и слезными токы напоилъ еси** (Пог. 434; 306); **дѣлы и словесы приводилъ еси** (АСС 20); **рѣкою и м(оу)(д)рыми ти словесы оучаше** (Никол. 89).

Специфической особенностью организации бинарных конструкций является наличие в их составе устойчивых клишированных сочетаний, зафиксированных в разных (с точки зрения авторства и времени написания) текстах: **моли спасти и просветити д(оу)ша наша** (Пог. 434; 27; 298); **вѣроу и любовноу**. <...> **исповѣдающе(х)** (Пог. 434; 307); **видѣние и дѣвание воспримъ** (МСАв 310 об.). Часто встречается такое устойчивое сочетание, как **мир и велиа милость**.

Среди бинарных моделей наиболее употребительными являются простые нераспростра-

ненные пары. В свою очередь, степень распространенности членов парных образований различна. Зависимое определение может быть связано или только с одним однородным членом, или распространять каждый компонент однородного ряда: **воздвиже въ славѣ твою и честь** (МСАв 317), **невидимыми ранами и различными болѣзнями** (Кир.-Бел. 586/843; 270 об.).

Наличие распространителей во многих случаях приводит к дистанцированному расположению членов бинарного ряда. Максимальная дистантность достигается за счет разрушения стройности однородного ряда другими членами предложения. Порядком слов обуславливается своеобразное синтаксическое построение молитвословного стиха, что является немаловажным фактором для создания ритмико-интонационного строя гимнографического текста.

В целом в формировании как простых, так и распространенных рядов однородных дополнений отражается принцип симметрии, воплощающий соразмерность и пропорциональность построения составных частей. Сравним, например, зеркальную симметрию (хиазм), организованную по следующим схемам: 1) дополнение – определение и определение – дополнение, 2) определение – дополнение и дополнение – определение. **трѣды твоа и многа по(д)виги** (Пог. 564; 32 об.); **чистымъ с(е)рдцемъ и д(оу)шеноу сѣвршеноу** (Пог. 434; 207 об.).

Реализация принципа симметрии также регулярно осуществляется и в синтагматическом развертывании молитвы [3; 38–44].

Помимо резко преобладающих бинарных, основными структурно-грамматическими вариантами однородного объектного ряда являются трехкомпонентные, или тернарные. Таким образом, они составляют после бинарных второй регулярный тип организации.

В этих случаях интересно отметить расширение бинарного клишированного сочетания третьим компонентом: **подати м(и)л(о)сть и ми(р) и велио м(и)л(о)сть** (Пог. 434; 285 об.); **избави о(т) искушени, бѣд и скорѣби** (Пог. 434; 197). Как в приведенных сочетаниях, так и в других примерах в трехкомпонентном ряду четко прослеживается тенденция к объединению семантически близких слов. Часто здесь реализуется прием амплификации: каждый последующий компонент (а последний – особо) обладает большей смысловой концентрацией.

Другие модели характеризуются семантическим разнообразием взаимоотношений компонентов однородного ряда, смысловое скрепление которых может, в частности, определяться трехступенчатой конкретизацией (**миръ — здравие — твердость державы**) или хронологической последовательностью номинированных состояний, соотносимых с тремя временными аспектами бытия:

О блаженаа Ол(ь)го, помолиси за свое ищадѣ къ Б(о)гоу.

миръ недвижим князем испроси.
и на поганья побѣдоу,
и нам ѡ(т)поустъ грѣховъ поюшим та. (Никол. 91).

Максимальное число компонентов однородного объектного ряда не превышает четырех-шести. Число многокомпонентных построений, где однородных членов больше двух, незначительно:

Страсти оуспилъ еси желанна Александрѣ,
бдѣние всенощное стажавъ,
великое послѣшаніе, смиреніе,
поученіе же Б(о)ж(ес)твенныхъ писани,
и сердце чисто, и оумъ несмѣщенъ (МСАВ 306).

В этом примере расширенный перечислительный ряд достаточно разнообразен с семантической точки зрения. Однородные дополнения, зависящие от причастия стажавъ, отмечают ключевые точки прижизненного подвига Александра Свирского. Как видим, здесь используется антонимичная пара сердце — оумъ и синонимичное сочетание послѣшаніе — смиреніе.

Примечательно, что в качестве основного и практически единственного средства для создания сочинительных рядов выступает только союз *и* в соединительном и присоединительном значении. Тем самым в рамках контекста происходит объединение однородных понятий. Здесь можно говорить о воплощении определенных смысловых отношений, понятий, идей — положительных или отрицательных, светлых или темных, телесных или духовных: да хранитъ ц(є)рковь свою с(ва)тѣю ѡ(т) невѣриа и раскола, ѡ(т) бѣдъ и напасти. При использовании нейтральной лексики важно контекстное окружение однородных членов, зависящих от них слов, несущих определенную оценочную нагрузку:

О(т) оустъ недостойны(х) и с(є)р(д)ца нечиста.

и ѡ(т) недостойнаго оума нашего.

прими малое хваление с(ва)тителю Алексеѣ.

яко да воспоимъ ѡбрѣтене ч(ес)тны(х) мощи твои(х) (Пог. 434; 192 об.—193).

С помощью эпитетов (они выделены курсивом) формируется уничижительная самооценка адресантов. Подобный прием находим в житиях, где самоуничижительные рассуждения автора являются традиционными.

С повторением союза *и* связана особая ритмическая заданность текста:

но пребл(а)ж(є)не и всехвалне.

миръ и здравіе и твердоу ми державоу.

моли г(о)спода дати кн(а)зю нашему. на поганья побѣды.

а д(о)ш(а)мъ нашимъ велию м(и)л(ос)тъ (Соф. 382; 67 об.).

В свою очередь, сочетание бессоюзной и союзной связи способствует вариативному распределению членов в поликомпонентных однородных рядах. При смешанной связи образуются такие ряды, где два компонента стремятся объе-

диниться в бинарное сочинительное сочетание, другие связаны бессоюзным способом: Терпѣние стажавъ многое премѣдре, воздержаніе, вѣрѣ и любовь истиннѣ, явилса еси о(т)ецъ сирымъ (МСАВ 315).

В качестве обобщения важно еще раз подчеркнуть, что однородные дополнения в подавляющем большинстве случаев представляют собой закрытые бинарные сочетания, реализующие определенные лексико-семантические отношения.

По своей востребованности в гимнографических текстах однородный **определятельный** ряд заметно уступает такому же ряду в позиции объекта. Показательными в свете дальнейшей анализа являются предложения с закрытой бинарной организацией однородного ряда.

Определяемое слово, выраженное именем существительным, в равной степени называет самих воспеваемых, а также предметы, явления, отвлеченные понятия, прямо или косвенно связанные с их жизнью и деятельностью. Основным морфологическим способом выражения однородных определений являются имена прилагательные, незначительно число примеров, где в атрибутивной функции отмечены причастия. При этом в одном определятельном ряду легко варьируются указанные морфологические способы: О великое и неказанное тайнство (Пог. 434; 204). Особо следует выделить немногочисленную группу конструкций, в которых однородные члены представляют собой несогласованные определения, выраженные именем существительным или инфинитивом: Тѣмъ же радости и свѣтоу бывъ еси с(т)нъ (Пог. 434; 301); вл(а)г(ода)тъ пріалъ еси <...> различныа недоугы ѡ(т) человекъ ѡ(т)гонити и ѡ(т) оуз избавлати ѡбидимы(х) ѡ(т) мотъ изимати (Пог. 434; 194 об.—195).

Структурная организация однородного ряда и определяемого слова обнаруживает позиционную вариативность:

- 1) контактное расположение атрибутивной группы и определяемого слова с постпозицией последнего: скорным и тѣсным пѣтем шестьдѣ (Пог. 564; 21 об.);
- 2) контактное расположение с препозицией определяемого: и на лежащи(х) насъ скорби д(о)ушевны(х) и телесны(х) и страсти свободи. (Пог. 434; 190);
- 3) дистантное расположение как однородных членов, так и определяемого слова с возможной пре- и постпозицией последнего: Божественнаа и честнаа восиавоши память твоя. преподѣне ѡбрѣме. (Кир.-Бел. 586/843; 608 об.). В последнем примере расположение парной атрибутивной группы способствует смысловой актуализации обозначаемого признака.

Структурным инвариантом в организации однородных определений выступает закрытый бинарный ряд. В свою очередь, слова, участвующие в построении таких рядов, обозначают

признак предмета, явления, лица и содержат характеристику последних. С этой позиции однородные члены можно классифицировать следующим образом:

1. Два слова находятся в синонимичных отношениях: **Въ тихое и небоурно пристанище** (Пог. 434; 300); **Болашихъ и недъжнихъ исцлителью** (АСС 33); **с(ва)щенныа и с(ва)тыа** мощи (МСАв 316 об.);
2. В подавляющем большинстве случаев находит место контекстуальная синонимия: **сватаа твоа и чистаа доуша** (Кир.-Бел. 586/843; 565); **чистое и с(ва)тое житие** (АСС 15); **агг(ельс)кому и безвещественноу житию** (Пог. 564; 34 об.);
3. В небольшой группе примеров реализуются антонимичные отношения: **дъшь же и тѣлесъ недъзи** (МСАв 315 об.); **н(е)б(е)се и земли** ц(а)рица (АСС 26); **чистоты дъшевыа и тѣлесныа** (АСС 15); **агг(е)л(ь)ски и человекески** род (МСАв 312).

Представленные примеры свидетельствуют о том, что компоненты однородного ряда прямо или косвенно соотносены со сферой воспеваемого, а следовательно, их общая семантическая нагруженность связана с областью сакрального и в целом имеет положительную направленность. Здесь приведем полярный пример, единственный в нашем материале, из службы Стефану Пермскому. Бинарная конструкция участвует в создании резко негативной характеристики отрицательного персонажа: **Лютаго и злѣшаго пана сотника. соעתное боуесловие. габко премоудръ ѡзарилъ еси.** (Пог. 434; 39).

Определенное художественное мастерство обнаруживается и при детальном рассмотрении каждого компонента бинарного ряда. Для решения задач эстетического плана используются сложные слова, слова с одинаковыми префиксами, не последнюю роль играет и звукопись: **пресвѣтлаа и всепраденственаа памате** (Кир.-Бел. 586/843; 683 об.), **неислѣдимому и несказанноу глѣбиню** (Пог. 431; 100 об.). В отношении «высокой» средневековой литературы Д. С. Лихачев отмечал, что все внешние приемы – ассонанс, морфологическая рифма, общие предлоги – подбираются, чтобы подчеркнуть течение «единого смысла» [2; 128].

Что касается многокомпонентного ряда однородных определений, то незначительное количество таких структур не позволяет обнаружить основные закономерности в их организации. В имеющемся материале достаточно широко представлено тернарное построение однородных членов. С традиционной структурной точки зре-

ния, это открытые ряды с союзной и бессоюзной связью. В семантическом аспекте здесь наблюдается смысловая целостность, обусловленная принципом «нагнетания» (амплификации), усилением обозначаемого признака, стремлением всесторонне, объемно представить описываемый предмет. Последний, в свою очередь, также связан со сферой сакрального: **имаа ново дивно невѣдомо** [Пог. 564; 28].

Таким образом, при всей немногочисленности конструкций с однородными определениями проведенный анализ позволяет говорить об использовании закрытых бинарных сочетаний, в рамках которых реализуются определенные смысловые отношения, полностью соотносённые со сферой сакрального.

Предпринятое нами ранее достаточно подробное рассмотрение бинарных моделей, состоящих из однородных определений или дополнений, позволяет с определенной долей уверенности говорить об их показательности для гимнографического жанра.

Принцип двойственности, как называл это явление Д. С. Лихачев, имел немаловажное значение в стиле «плетения словес» [2; 127–128]. Стилистическая бинарность нужна для противопоставления определенных понятий, их объединения, для выражения последовательности действий, их развития. В интерпретации исследователя, расположенные рядом два или более синонима устанавливают и сохраняют только общее, абстрактное, не акцентируя внимание читателя на оттенках и различиях в значениях. Особенно распространённые в «плетении словес» парные синонимичные сочетания служат для абстрагирования изложения, усиления его экспрессии [2; 107–108].

Выводы Д. С. Лихачева относительно тенденции к абстрагированию в русской средневековой литературе имеют немаловажное значение для осмысления и нашего материала.

Тенденция к абстрагированию, проявляющаяся, в частности, в парном соединении синонимов, прослеживается в гимнографических произведениях повсеместно, если рассматривать развитие этих жанровых форм по вертикали, в диахроническом аспекте. Указанный стилистический прием находим в переводных источниках и в поздних образцах (в нашем материале это служба Паисию Угличскому и акафист Серафиму Саровскому). Таким образом, можно говорить о том, что консервативный характер гимнографического жанра в целом, а также лингвистическая, художественно-поэтическая и эстетическая обособленность богослужебных песнопений способствовали сохранению приемов абстрагирующего свойства.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ И ИСТОЧНИКОВ

1. АСС – Акафист преп. и богоносному отцу нашему Серафиму Саровскому чудотворцу. СПб.: Синодальная типография, 1904.
2. Кир.-Бел. 586/843 – Сборник певческих нотированных. Кон. XVI в.
3. МСАв – Минея служебная. Авг. / Бл(а)гословением Евгения, митрополита Киевского и Галицкого, и с(вя)щенно-архимандрита Киево-Печерския лавры. С Московскаго 1807 года издания. (Киев): Во с(вя)той Киево-Печерской лавре, Сент. 1834.

4. Никол. – Никольский Н. К. Материалы для истории древнерусской духовной письменности // Сборник ОРЯС. Т. 82. № 4. С. 88–94.
5. Пог. 431 – Минея праздничная на март – январь. Нач. XVII в.
6. Пог. 434 – Трефолой (Сборник служб преимущественно русским святым). Сер. XVI в.
7. Пог. 564 – Минея служебная с добавлениями. 1592 г.
8. Соф. 382 – Минея праздничная. XIII–XIV вв.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Венгранович М. А. Предложения с однородными членами и их жанрово-стилистические функции в русской исторической песне XVII–XIX вв.: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб.: СПбГУ, 1996. 18 с.
2. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М.: Наука, 1979. 352 с.
3. Прохвятилова О. А. Православная проповедь и молитва как феномен современной звучащей речи. Волгоград: Изд-во ВГУ, 1999. 364 с.
4. Собиинникова В. И. Конструкции с однородными членами, лексическим тождеством и параллелизмом в народных говорах. Воронеж: ВГУ, 1969. 104 с.

УДК 811.161.1.

ИРИНА НИКОЛАЕВНА ДЬЯЧКОВА

старший преподаватель кафедры русского языка филологического факультета ПетрГУ
gyla4@yandex.ru

СОБИРАТЕЛЬНЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ XVIII ВЕКА

В статье рассматриваются вопросы эволюции грамматического разряда собирательных числительных на начальном этапе формирования русского литературного языка (XVIII век). Автор ставит перед собой задачу на основе анализа семантики и жанрово-стилистических тенденций в функционировании собирательных счетных слов определить их место в ряду других количественных наименований эпохи.

Ключевые слова: собирательные числительные, литературный язык, историческое развитие, грамматическая семантика, функционирование

При рассмотрении формирования имен числительных как части речи особого внимания заслуживают так называемые «собирательные» счетные слова. В современном русском литературном языке они представляют собой замкнутую непродуктивную группу числовых обозначений, образованных от количественных числительных первого десятка (за исключением лексем «один»): от *двое*, *трое*, *четверо* и т. д. до *десятеро*. Основанием для отнесения указанных лексем к категории числительных является общность с количественными нумеративами грамматическая специфика: отсутствие категорий рода и числа, оппозиция прямых и косвенных падежей в системе словоизменения и синтагматике собирательных слов, невозможность иметь прилагательное в качестве определения и др.

Несмотря на то что грамматические особенности собирательных нумеративов получили достаточно глубокое освещение во многих общих трудах отечественных лингвистов XIX–XX веков (А. Х. Востокова, Ф. И. Буслаева, А. А. Потебни, А. А. Шахматова, В. В. Виногра-

дова), а также в некоторых специальных работах (А. Е. Супруна и др.), очень сложно составить более или менее целостное представление о *развитии данной категории* слов в русском языке: специфика эволюции собирательных числительных была и остается на периферии исторической русистики.

При этом самый поверхностный анализ языкового материала показывает, что многие морфологические признаки счетных слов с собирательным значением, а также особенности их синтагматики продолжают, по всей видимости, активно формироваться несколько позднее, чем у количественных числовых лексем – в период сложения национального литературного языка, вплоть до конца XIX века. Именно в это время резко сужается употребительность собирательных нумеративов: сокращается количество соответствующих лексем и уменьшается число имен существительных, с которыми они могут соединяться в речи. Ограничиваются их возможности и в пределах допустимых словосочетаний, что особенно касается форм косвенных падежей (ср.

норму украинского языка – совпадение количественных и собирательных счетных наименований в одной форме косвенного падежа).

Необходимо признать, что указанные процессы не получили полного, систематического отражения в лингвистической литературе, а потому анализ собирательных нумеративов на протяжении XVIII века в контексте общей грамматической эволюции русских счетных слов остается насущной задачей исторической русистики.

ВОПРОС О КАТЕГОРИАЛЬНОЙ СЕМАНТИКЕ СОБИРАТЕЛЬНЫХ НУМЕРАТИВОВ

Как известно, исторические преобразования в значении счетных слов, отражающие «успехи человеческого мышления в познании природы и общества» [15; 40], привели, в конце концов, к сложению имени числительного как части речи. В судьбе собирательных наименований эволюция их лексических значений также сыграла не последнюю роль.

В современной отечественной лингвистике отношение к термину «собирательные» неоднозначно. Ряд исследователей считают это определение условным, полагая, что указанные лексемы не имеют никакого другого значения, кроме «совокупности предметов, состоящей из такого количества, которое названо производящим количественным числительным» [12; 121]. Аналогичной точки зрения придерживается и Л. Л. Буланин, утверждая, что «заслуживает предпочтения позиция тех авторов, которые не усматривают в собирательных числительных особого семантического своеобразия в сравнении с количественными» [3; 81]. Под тем же углом зрения данный вопрос рассматривается в вузовских учебниках А. Н. Гвоздева, Н. С. Валгиной, Е. А. Галкиной-Федорук, в «Грамматическом словаре русского языка» А. А. Зализняка.

Традиционным остается взгляд на указанные нумеративы как «группу слов, обозначающих определенное количество предметов как совокупность», целостность [6; 380]: данная точка зрения представлена во всех академических грамматиках, ее разделяют В. В. Виноградов, авторы вузовских учебников под редакцией Д. Э. Розенталя, П. А. Леканта, Е. И. Дибровой и др. Такое восприятие собирательных наименований в грамматической разработке счетных слов, как установлено нами, имеет давнюю историю, что подтверждает следующее замечание одного из видных филологов XVIII века А. А. Барсова: «*Двое, трое, пятеро, десятеро...* соединение и общество или сходство, существования действия и страдания между лицами или вещами исчисляемыми значат» [2; 506].

Для существования как первой, так и второй точки зрения имеются достаточно веские основания. Действительно, грамматическая семантика собирательных числительных, их функционирование в современном языке указывают на «пережи-

точность» данной группы слов (термин А. Н. Гвоздева), их морфологическое объединение с собственно количественными нумеративами.

Так, показательна утрата собирательными числительными в современном языке косвенных падежей в сочетаниях с существительными *Pluralia tantum*, а также субстантивами, обозначающими парные предметы, где по грамматической норме их последовательно заменяют соответствующие количественные образования. В любых количественно-именных сочетаниях подлжит запрету употребление собирательных словоформ в творительном падеже, что отмечается еще в лингвистических сочинениях XIX века (А. А. Потебня, А. А. Шахматов). Ряд конструкций с подобными образованиями признаются современными лингвистами разговорными или даже просторечными, то есть выводятся за рамки литературного употребления (сочетания с названиями детенышей – *пятеро волчат, семеро козлят*).

О «слиянии» собирательных и количественных числительных свидетельствуют и данные современных говоров: в результате скрещивания склонений числительных *двое, трое, четверо* и соответствующих количественных образований возникают такие формы, как *двойма, тройма, двойми, тройми* и подобные, выступающие в количественном значении [10; 10]. Так же как и в литературном языке, диалектное употребление косвенных падежей собирательных нумеративов, по сути, ограничено количественно-именными сочетаниями с существительными, обозначающими лиц мужского пола [10; 12].

Значение собирательности у указанных числительных не отмечается рядом авторитетных словарей (см. Словарь Ушакова, 1935; Малый академический словарь (МАС), 1981; Большой академический словарь русского языка (БАС), 2006): при определении собирательных лексем в них отмечается только сема количества, выраженная производящей основой.

Именно близость семантики количественных и собирательных счетных слов объясняет появление у них общих грамматических признаков, которое в конечном итоге привело к объединению данных числовых наименований в одну часть речи.

Однако при всей обоснованности подобной интерпретации значения собирательных числительных в современном русском языке не менее состоятельна (прежде всего, в контексте исторического развития – об этом ниже) и иная точка зрения. Так, по нашему мнению, с позиции функционально-семантического подхода к числительным как части речи, представленного в работах Л. Д. Чесноковой, М. Ф. Лукина (заметим, что рассматриваемый разряд в них остается без внимания), собирательные слова имеют ряд существенных отличий от всех других числовых наименований.

Во-первых, указанные образования не участвуют в процессе счета, то есть степень отвле-

ченности числового обозначения у них гораздо меньше, чем у других числительных, и в связи с этим они не могут заменяться цифрами на письме. Во-вторых, сочетаемость их с конкретными существительными ограничена, в отличие от количественных и порядковых нумеративов. В-третьих, значение большинства числовых наименований (*пять, пятый, две пятых*) актуализируется внутрисловно и в контексте не нуждается [17; 99], тогда как для определения семантики собирательных необходима синтагма (напр., *двое валенок* и *двое детей*), а вне количественно-именного сочетания (*шли двое*) они однозначно понимаются как наименования лиц.

Таким образом, приходится согласиться с тем, что собирательные образования в современном русском языке «гораздо “субстанциональнее”, предметнее, чем прямые обозначения чисел», потому что «в значении и употреблении собирательно-разделительных (в терминологии автора. – *И. Д.*) числительных обнаруживаются категории лица и совокупности» [5; 258]. Добавим, что на использование собирательных лексем для индикации категории мужского лица в сочетаниях с существительными указывал еще А. А. Шахматов, по этому же пути в осмыслении своеобразия указанной группы числительных идет Р. О. Якобсон, А. Е. Супрун.

Семантическое противопоставление собирательных и немаркированных нумеративов подтверждается и другими данными. Так, одним из существенных направлений в эволюции счетных слов является тенденция к устранению синонимии в системе имен числительных, на что указывает А. Е. Супрун [15; 9]. В диахронии она обнаружила себя в утрате менее употребительных лексических вариантов, которые называли одно и то же числовое понятие: синонимов, связанных с разными способами счета (*двадцать без одного, полпята*), специальных обозначений для количеств отдельных предметов (*горсть, полкопы, полкопны*) и др. Показательно, что собирательные нумеративы, имеющие то же числовое значение, что и количественные числительные, не оказались наряду с перечисленными выше счетными образованиями достоянием истории языка. Единственное сохраняющееся в русском языке варьирование числительных может быть, на наш взгляд, объяснено не иначе как присутствием существенных семантических различий между двумя рядами обозначений одного количественного признака.

СОБИРАТЕЛЬНЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ В ЯЗЫКЕ ДОНАЦИОНАЛЬНОГО ПЕРИОДА

Выше отмечалось, что эволюция собирательных счетных слов эксплицирована в научной литературе крайне фрагментарно и зачастую неоднозначно. Это в огромной степени объясняется сложностями их изучения в речевой практике прошлого, поскольку письменные памятники до-

несли до нас побуквенное написание этих числовых наименований в редчайших случаях, тем более их ограниченность сферой разговорной речи еще более сузила фактологическую базу их исследования. Кроме того, противоречивость грамматических представлений о собирательных нумеративах, о характере и последовательности происходивших с ними изменений проистекает из их семантической расплывчатости.

Большинство исследователей полагают, что дистрибутивное (в более старой терминологии – *разделительное, распределительное*) значение у собирательных лексем было первичным. Именно такая семантика когда-то была характерна, по мнению А. А. Потемни, Л. А. Булаховского, В. В. Виноградова, А. Е. Супруна, для этих счетных слов в сочетаниях с субстантивами, имеющими только форму множественного числа: «...употребление *двое, трое* и т. п. в сочетании с *Pluralia tantum* (*двое ножиц, трое саней* и т. п.) явно основано на старом дистрибутивном значении этих числительных» [5; 257]. По мнению А. Е. Супруна, достаточно рано (уже в древнерусский период) эти числительные, находившиеся в указанных сочетаниях в форме множественного числа (типа *двои ножицы*), начинают отражать в структуре своего значения только количественный признак. Разделительное же значение продолжало сохраняться у согласовательных форм единственного числа.

В дальнейшем историческое развитие данных образований определило «возобладавшее» (В. В. Виноградов) в их семантике собирательное значение, выразителями которого стали числовые наименования *двое, трое* и т. д., застывшие в номинативе в форме наиболее абстрактного, нейтрального среднего рода. Л. А. Булаховский склонен связывать судьбу новых форм с влиянием неопределенно-количественных числительных типа *сколько*. А. Е. Супрун же предполагает, что, «возможно, это было некоторое отвлеченное обозначение совокупности, подобное тому, как в современном языке слово *белое* является обозначением некоторых предметов белого цвета» [15; 118]. Последняя точка зрения особенно созвучна высказанным на столетие ранее идеям А. А. Потемни о субстантивном характере появившихся форм собирательных лексем (он не отделял их от существительных). Данную особенность также отмечали А. А. Шахматов, В. В. Виноградов; «некоторую субстантивацию» счетных слов в плане диахронии усматривает в номинативах количественно-именных сочетаний с собирательными Л. И. Станкевич [11; 12].

Форма множественного числа и генетический дериват среднего рода в связи со своей функциональной и семантической специализацией получают разную интерпретацию в исследовательской литературе. Так, А. А. Шахматов [18; 148], указывая на узкую сферу функционирования собирательных лексем в древнерусском

и старорусском языках, рассматривал их лишь как словесные заменители соответствующих количественных наименований. Причем у Шахматова новые образования, генетически связанные со средним родом, квалифицируются в И.–В. падежах как имена существительные.

Л. А. Булаховский считал собирательными только новые формы, а в лексемах типа *двои* никакого другого значения, кроме количественного, не усматривал [4; 202]. Подобная точка зрения отражена и в кандидатской диссертации Л. Н. Дровниковой. Несмотря на то что исследовательница не различает по значению числительные в указанных выше сочетаниях (они представлены как собирательные), замечание о том, что новым формам среднего рода «было передано значение мужского» [8; 13], по сути, ограничивает круг собственно собирательных слов употреблением с существительными, имеющими значение лица.

В несколько ином свете дается семантическая характеристика собирательных образований в очерке Г. А. Хабургаева: по его мнению, значение совокупности было исторически присуще всем формам указанных счетных слов. Причем старая согласованная форма и новая оказались в дополнительной дистрибуции. Первая «подчеркивала единство, целостность того множества, которое выражено существительным во множественном числе», например *двои сани*, *трои пчелы* (в значении *улы*), вторая представляла «совокупность живых существ как нечто целостное, находящееся в определенных связях друг с другом» – *двое детей* [16; 266–267].

Семантика собирательности, множественности, выраженной как совокупность, возможно, более проявлявшаяся изначально, по всей видимости, под влиянием других счетных образований, в семантической структуре собирательных нумеративов достаточно рано уступила место значению количества. В диахронии это вызвало утрату более конкретных (качественных) значений в употреблении древнерусских прилагательных типа *двой*, *трой* и т. д. (см. в Словаре XI–XVII веков сочетания *двоя радость*, *двои деньги* – в значении «двойные», а также *двои речи* – в значении «двойственные, противоречивые», отмечаемые в древнерусском и старорусском языках). Исчезновение указанных сем у собирательных нумеративов А. Е. Супрун также связывает с появлением специальных дериватов-прилагательных *двойной*, *двойкий*, выражающих эти оттенки значения [14; 16].

По свидетельству Л. Н. Дровниковой, современный тип склонения с противопоставлением прямых и косвенных падежей в словоизменении и парадигматике количественно-именного сочетания у собирательных числительных устанавливается уже в XV веке [8; 13]. Но наряду с новой системой словоизменения сосуществует и старая, где формы именительного падежа собирательных лексем не управляют, а согласовыва-

ются. И. М. Багрянский говорит об одинаковой употребительности и тех, и других форм в языке XIV–XVII веков [1; 31].

Таким образом, по данным предшествующих исследований, установившаяся вариативность словоизменительных типов собирательных наименований с сугубо грамматической точки зрения не позволяет отнести их к числительному как части речи в указанный исторический период.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СОБИРАТЕЛЬНЫХ НУМЕРАТИВОВ В XVIII ВЕКЕ

Предпринятый нами анализ более позднего языкового материала показывает, что семантическое, а вслед за ним и грамматическое сближение количественных и собирательных числительных своеобразно развивается в XVIII веке. Фактологическую базу нашей работы составили собирательные нумеративы, полученные путем сплошной выборки из значительного корпуса письменных текстов XVIII века. Около 90 конструкций с собирательными наименованиями (общее число выделенных синтагм с числительными достигает 4 тысяч) были зафиксированы в основном в источниках, имеющих отношение к сфере научно-популярной (учебной) и художественно-повествовательной литературы. Наибольшее количество их словоупотреблений отмечено в «Арифметике» Л. Магницкого (1703), «Географии генеральной» Г. Варениуса (1718), героической поэме «Аргенида» В. К. Третьяковского, «Описании земли Камчатки» С. П. Крашенинникова (1755), «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзина.

1. Во-первых, рассмотренный материал позволяет говорить о заметном *сокращении* в XVIII веке общего количества возможных *собирательных образований* в русском языке. Данные письменных памятников предшествующего периода свидетельствуют, что теоретически такие наименования могли существовать для выражения любого числа. Подобно количественным и порядковым, собирательные нумеративы могли быть простыми (*девятиро*), сложными (*осмернадцатеро*) и составными (например, *тридцать семеро*). Однако в речевой практике сложные, а тем более составные образования, как правило, функционировали только в количественных сочетаниях, где *номинатив* числительного выступал в *согласованной форме* множественного числа. См. в словаре русского языка XI–XVII веков: «куплено у каргополца *восмидесятеры* верхоньки» (Архив Онеж. мон-ря, 1673), «*осмнадцатеры* миткали узкие, *сорок девятиеры* миткали широкие» (Кн. пер. казны Ник., 1658), «*сорокѣры* рукавицы верхнищи», а также пример подобного употребления в XVIII веке: «*140ры* рукавицы борановые» (Архангельск. книга, 1710). Судя по представленным контекстам, указанные собирательные нумеративы характеризовались не только ограниченными син-

тагматическими возможностями (все они, кроме *осмнадцатеро*, в исторических словарях имеют помету «употребляются при существительных, обозначающих парные предметы»): очень узкой, далекой от основных источников формирования будущего литературного языка была сфера их функционирования в живой речи. Данное замечание объясняет тот факт, что в исследованных памятниках гражданской печати XVIII века ни одного подобного сочетания нам не встретилось.

В исследуемом материале собирательные числительные в форме множественного числа в номинативе представлены всего лишь 13 лексемами (и только в И.–В. падежах), по значению не выходящими за пределы «четырех»: *двои* – 8 раз, *трои* – 4 раза, *четыре* – 1 раз. Контекст, в котором они встречаются, тоже ограничен: с субстантивом «двери» – 2 раза, «сутки» – 3 раза, «ворота» (в вариантах – ворота, воротца, ворота, врата) – 4 раза, а также «палаты», «жерновы» и «хоньбы», то есть вид одежды (последнее отмечено 2 раза – у Крашенинникова в «Описании земли Камчатки»).

Составные собирательные образования в форме нового номинатива (исконно – среднего рода) в текстах как XVIII века, так и письменном языке предшествующего периода, судя по имеющемуся в распоряжении материалу, в речи не употреблялись; сложные нумеративы со значением чисел второго десятка и далее появляются в речевой практике нового времени достаточно редко, например: «Мы уже погребли двадцатерых из наших людей» (Путеш. Белла в пер. М. Попова, 1776, с. 126). В грамматиках второй половины XVIII века, а также «Словаре Академии Российской» (1789–1795) лексический состав собирательных, как показывает анализ словоупотреблений, доведен лишь до обозначения десяти, и только в рукописном сочинении А. А. Барсова, более других грамматик ориентированном на устную речь, в ряду собирательных отмечаются такие образования, как *двадцатеро*, *сотеро*, причем последнее с пометой «не далее». При этом показательно, что ряд количественно-именных сочетаний (более десяти синтагм), которые автор приводит ниже, включает в себя собирательные, образованные только от десяти первых чисел счетного ряда.

Проанализированный материал показывает, что реализация теоретически неограниченных возможностей образования слов с числовым собирательным значением постепенно наталкивалась в сфере их функционирования на ряд серьезных препятствий. Получившие большое распространение в обиходно-деловом языке XV–XVII веков согласовательные формы различных по структуре собирательных образований (кроме наименований, соотносимых с числами первого десятка) начинают выходить из употребления. Новые формы, управляющие существительным в номинативе, похоже, изначально были представлены более ограниченным

количеством лексем, которое в XVIII веке также значительно сокращается. Исторический процесс семантического сближения количественных и собирательных счетных слов, в первую очередь, охватил согласовательные формы номинативов, в которых количественное значение было актуализировано гораздо сильнее, чем другие его элементы (например, сема совокупности, целостности множества). В этом плане показательна цифровая замена в примере «140ры», которая несвойственна для собирательных счетных слов. Данный сдвиг значения был обусловлен, по всей видимости, атрибутивной функцией форм, где числовое значение, не связанное с субстанциональностью, свойственной номинативам единственного числа, проявлялось особенно ярко.

В результате совпадения значения количественных числительных и указанных форм собирательных образований к XVIII веку, по нашим данным, необыкновенно расширился диапазон подобных дериватов, которые теперь в своей структуре могли отражать практически любое число (естественно, в пределах тех величин, которыми пользовался человек Средневековья). См. многочисленные примеры таких образований в языке деловой письменности XV–XVII веков, представленные в словарях, а также в работах А. А. Шахматова, Л. А. Булаховского, Г. А. Хабургаева.

Поддержан этот процесс был, судя по всему, еще одной особенностью, появившейся в языке, по утверждению А. Е. Супруна, достаточно поздно (позже XIII века). Как только основная группа счетных слов стала утрачивать предметное значение, в употребление начинают входить новые образования с числовым значением, призванные эту нишу заполнить: *пятерка*, *двойка*, *четверик*, *тройня*, *десяток* и т. д. (показательно, что они в большинстве своем образованы именно от собирательных лексем). Потребность языка «в выражении понятия числа с оттенком предметности» [14; 19], по всей видимости, в связи с дальнейшим развитием отвлеченного математического мышления, особенно бурным в XVIII веке, значительно ослабла, что привело к сокращению образований с числовой семантикой и, в первую очередь, тех, которые, как собирательные формы множественного числа, дублировали в плане содержания соответствующие количественные нумеративы.

2. Рассматриваемый процесс оставил свой интересный след и в историческом словообразовании. В течение XVIII века постепенно **выходят из употребления сложные слова, имеющие в своем составе корни собирательных числительных**, которые заменяются формами соответствующих количественных слов (особенно много таких лексем было с нумеративами *двое*, *трое*, *четверо*). Несмотря на то что старые образования широко используются и в языке XVIII века, количество производных, созданных

на основе новой словообразовательной модели, по сравнению с предшествующим периодом значительно увеличивается и начинает вытеснять дериваты на основе собирательных числительных. Так, в «Словаре русского языка XI–XVII веков» сложные слова с корнем *двое* представлены 56 лексемами, а с формой родительного падежа *дву-* (подобно словам, имеющим в составе числительные от *пяти* и выше) всего лишь 12 образованиями, но, что замечательно, очень употребительными в речевой практике, судя по контексту (*двугривенный, двулѣток, двупудовый, двуведерный, двуалтынный* и другие); с корнем *двух-* составителями отмечено только одно слово – *двухривеночный*. В XVIII веке наблюдается следующая картина: количество дериватов с собирательными в принципе остается тем же (по нашим подсчетам – 53), но зато число образований с *дву-* увеличивается десятикратно (в «Словаре русского языка XVIII века» отмечено порядка 130 лексем). Причем 26 сложных слов с корнем *дву-* функционируют как варианты соответствующих образований с корнями собирательных числительных (*двоебрюшный* и *двубрюшный, двоегласный* и *двугласный, двоеглавый* и *двуглавыи, двоегнѣздный* и *двугнѣздный, двоеженец* и *двуженец* и другие). Расширяет сферу употребления и корнеслов *двух-*, который как новая окончательная узаконенная языковой практикой XVIII века форма родительного падежа начинает укреплять свои позиции и в словообразовании. В «Словаре русского языка XVIII века» подобных производных отмечено 12 (*двухкопеечной, двухрублевый, двухфунтовый, двухведерный, двухгодовой* и т. д.), и использование новой словообразовательной модели опять находится в прямом соответствии с употребительностью числовой лексемы.

Сосуществование старых и новых форм сложных производных с корнями числительных в языке рассматриваемого периода, установленное нами по «Словарю языка XVIII века», хорошо подтверждается и нашими материалами: у Крашенинникова в «Описании земли Камчатки» – «двоезубнымъ гребнемъ» (с. 206), «пестикъ троугранный» (с. 194), «четвероугольный столъ» (с. 256), но – «съ трехлѣтнаго младенца» (с. 96), «двулѣтнаго теленка» (с. 258), «трехъ-годовалье (гольцы (рыбы). – *И. Д.*) бывають головасты» (с. 323); а также «двоеличнаго Януса» (Триумф. врата, 1721, с. 4) и «двуличную... расправу» (Капн. Ябеда, 1798, с. 98), «щитъ съ изображеннымъ на немъ двоеглавнымъ орломъ» (Описан. корон. Ек. II, 1762, с. 3) и «отъ герба двуглавногo орла» (Тред. Аргенида, 1751, с. XXI – предисл.), «пятерократнымъ», но здесь же «седемьократнымъ» (Математ., 1728, с. 18) и т. п.

Здесь нужно отметить, что некоторые производные образования с корнями собирательных, по-видимому, настолько укоренились в русской речи (совр. *четвероногие, двоегла-*

стие и некоторые другие), что новая словообразовательная модель в их структуре так и не закрепились. Несмотря на это замечание, факт остается фактом: отражая в составе сложных производных слов только числовой признак, собирательные нумеративы в XVIII веке и в этом отношении вытесняются количественными числительными.

3. Процесс семантического сближения количественных и собирательных нумеративов, активно развивающийся в XVIII веке, отражается и в *функционировании форм одних числовых образований в значении других*. Особенно отчетливо процесс смешения количественных и собирательных числительных проявляется в Петровскую эпоху и отмечается в большей степени в косвенных падежах: в «Географии генеральной» (1718) – «дистанция двоихъ звѣздъ» (с. 52), «двоими путми происходить» (с. 83), «преходъ двоихъ дней» (с. 84), «едину отъ двоихъ сентенций» (с. 135), «глубина есть близь большихъ двоихъ сажень» (с. 254), но и «двумя миями» (с. 178), «двома мѣстами» (с. 212), «двухъ миль» (с. 313), первых двухъ способовъ» (с. 340) и др.; а также «во двоихъ тѣлесехъ соединенная мысль» (Приклады, 1708, с. 196), «кромѣ тѣхъ двоихъ полковъ» (Мат. Екат. закон. ком., ч. 14, с. 13 – пример из «Словаря русского языка XVIII века»), «между *двоима* масличными древами» (Триумф. врата, 1721, с. 7 – об.), «двоихъ животныхъ посредѣ ты будешь истинно познанный» (Тред., Собр. соч., т. 2, 1752, с. 120). Статьи, предпоследний пример показателен не только как результат смысловой контаминации, но и формальной (флексия *-ма*).

Не будем отрицать, что неразличение форм собирательных и количественных наименований в указанных контекстах, связанных, по сути, только с нумеративом *двое*, может быть объяснено и тем, что основа *дво-* наряду с *дву-* в период перестройки системы склонения числительных нередко выступала при формообразовании косвенных падежей у *два* (ср. в совр. укр. языке – формы косвенных падежей *двохъ, двомъ*). Однако думается, что при существенных расхождениях в семантике подобная синонимия количественных и собирательных наименований вряд ли могла быть возможной.

Подтверждением сказанному можно считать то, что подобное смешение наблюдается и в И.–В. падежах количественно-именных сочетаний: «случится тебѣ трои двли слагати» (Арифм. Магн., 1703), «Внуши же себѣ двоя веденія в грѣсѣ семъ» (Перв. учение отр., 1721, с. 24), «Што, Аша? вѣтъ толчковъ пригоршни влелитъ двои» (Попов, Анята, 1772, с. 115 – из «Словаря языка XVIII века»), «Церерины тайны были двои» (Тред., Аргенида, 1751, с. 566). Подобные сочетания зафиксированы и в грамматике А. А. Барсова: *двои книги, четверы ключи* [2; 506], хотя в последнем случае налицо не просто словесная, а синтаксическая синонимия.

Указанные примеры в соотношении с общим количеством отмеченных словоупотреблений показывают, что функционирование собирательных наименований в значении количественных большого распространения в языке не получило, фактически оставшись за рамками формирующихся норм литературного языка. Этому способствовала и дальнейшая стабилизация морфологической системы, закрепленной во второй половине XVIII века грамматикой М. В. Ломоносова. Заметим, что это явление на данном историческом этапе и не могло иметь иного масштаба в связи с общей тенденцией вытеснения собирательных слов количественными на период употребления.

В силу того что в старой (согласовательной) форме номинатива, как мы уже отмечали, количественное значение было актуализировано в гораздо большей степени, чем у соответствующих форм бывшего среднего рода, то первично, по всей вероятности, именно она получает возможность такого функционирования, не затрагивая сферу сочетаний с одушевленными субстантивами, где исторически закрепилась новая форма. Лишь после окончательного объединения в XIX веке числительных типа *шестеро* и *шестеры* возможность выражать чисто количественное значение перешла и к номинативам на *-о*. См. у Даля замечание к слову *восьмеро* – «о живых и неживых предметах», и примеры: *восьмеро лошадей, восьмеро стульев, саней* [7; 247].

4. **Общий процесс семантического и функционального сближения** собирательных числительных как между собой, так и с количественными наименованиями, в конце концов, *коснулся и более «субстанциональных» форм среднего рода*.

По нашим данным, в XVIII веке он проявляется следующим образом.

Самым употребительным образованием оказываются наиболее частотные и в современном языке лексемы *двое* (в форме И.–В. падежа зафиксировано 28 употреблений, в косвенных падежах – 3), *трое* (13–5); функционирование других слов остается на уровне одного-двух примеров: *четверо* (2–1), *пятеро* (2–1), *шестеро* (отсутствуют), *семеро* (в виде *седмеро* – 1), *восьмеро* (в виде *осмеро* – 1), *девятеро* (в именительном падеже – 1 раз), *десятеро* (1–1). Форма *сотеро* отмечена нами только один раз в «Арифметике» Магницкого (1703) в составе наречия «*въ сотеро*». Выше мы уже привели словосочетание с числительным *двадцатеро*, зафиксированным в историческом словаре и грамматике А. А. Барсова.

Таким образом, количество собирательных образований в форме бывшего среднего рода (подобно исконно согласованным формам) сокращается в указанный период до обозначения чисел первого десятка.

Показательна также употребительность отдельных падежных форм собирательных наименований. Полученные нами данные красноречиво свидетельствуют о том, что даже у лексем, до-

вольно широко использовавшихся в литературной практике XVIII века (*двое, трое*), *формы косвенных падежей становятся большой редкостью* (сведений о предшествующем периоде у нас, к сожалению, нет). Позиции собирательных здесь активно занимают количественные числительные. Так, в сочинениях Н. Карамзина: «*двое молодых немцовъ*» (Письма рус. пут., ч. 1, с. 32), «*двое товарищей, Капитанъ и Поручикъ*» (там же, ч. 1, с. 101), «*двое муштинъ*» (там же, ч. 1, с. 183), «*двое молодых студентовъ*» (там же, ч. 2, с. 6), но «*на двухъ юныхъ сыновъ*» (там же, ч. 2, с. 203), «*двухъ воиновъ*» (Мелина, 1803, с. 33), «*двумя стариками*» (Наг. бояр. дочь, 1797, с. 302), однако и «*троихъ детей*» (Письма рус. пут., ч. 1, с. 151) (хотя здесь, по всей вероятности, «виновата» форма существительного); у В. Тредиаковского в «Аргениде» (1751): «*двое чужестранныхъ*» (с. 25), «*двое вооруженныхъ бѣжало*» (с. 4), но «*молитвы трехъ отроковъ*» (с. 131).

Еще более убедительны случаи параллельного функционирования двух форм числовых наименований в одном контексте, где номинатив выражен собирательным словом, а форма косвенного падежа – количественным нумеративом: «*двое* чувствуя голодь восхотятъ насытитися однимъ кускомъ; кто изъ *двухъ* большее к приобретению имѣть право» (Рад., Пут. П. М., с. 103). Современную норму употребления числительных в косвенных падежах при существительных Pluralia tantum отражает следующий пример: «во едине от техъ *двухъ* врата» (Геогр. ген., 1718, с. 129).

Особого внимания заслуживают формы косвенных падежей от субстантивированных форм собирательных нумеративов. Важно, что именно они составляют практически половину (6 из 11) всех косвенных падежей, зафиксированных нами в рассмотренном материале. Впрочем, и здесь случаи, связанные с заменой косвенного падежа собирательного количественным числительным, встречаются несколько раз: «*сихъ* трехъ созвавъ тайно, такъ прежде началъ говорить Мелеандръ» (Тред., Арген., с. 306), «*лишь двухъ* зреть насъ удостоятъ» (Княжн., Вадим Новг., с. 3), «что тяжущимся двумя чужое присудили» (Капнист, Ябеда, с. 106), «онъ въ насъ только въ *двухъ* раздѣлюнъ» (Княжн., Траур, с. 162).

Таким образом, наблюдавшийся преимущественно в начале XVIII столетия процесс «смешения» форм косвенных падежей собирательных и количественных нумеративов, обусловленный их семантическим неразличением в роли присубстантивного определения, в конечном итоге привел к функциональной предпочтительности последних.

5. При анализе числовых образований в номинативе особенно показательно *сокращение синтагматической валентности собирательных числительных*, генетически восходящих к формам среднего рода. Если в старорусский период категория одушевленных субстантивов,

возможных в сочетаниях с собирательными лексемами, включала в себя, помимо наименования лиц, названия животных (как взрослых, так и детенышей) независимо от родовой принадлежности последних, то в XVIII веке устанавливается следующее правило употребления: «...кроме человека о прочих животных не говорится: *шестеры лошади, двои слоны* несвойственно, но: *шесть лошадей, два слона*»; или еще: «...о скотах *си* числительных не употребляются, но простые первообразные» (Краткая правила Российской грамматики, 1784, с. 222).

В памятниках деловой письменности XV–XVII веков имеется немало примеров употребления названий животных с собирательными счетными словами: *триццатеро куровъ, двое лошадей*, в родительном падеже – *деветера свиной* и т. д.; относительно последующего исторического периода в нашем арсенале есть всего лишь один такой случай: «меж собою двое в домъ Пѣтуховъ дрались» (Тред., Соч. и пер., 1752, т. 1, с. 210). По всей видимости, маркированность подобных количественно-именных сочетаний как атрибутов сугубо «приказного» слога не позволила им войти в литературный язык, оставив просторечными синтагмами, при этом в ненормированной речи они встречаются и сегодня. Ср. в XIX веке у Даля – *восьмеро лошадей, пятеро волков*, а также: «Все семеро только что приехавших *псов* вышли из нее» (Куприн, Собачье счастье) [13; 81].

Возможно, в этом процессе сыграло свою роль и общее сужение сферы употребления собирательных лексем. Если в сочетаниях с названиями лиц использование собирательных числительных могло быть поддержано значением субстантивированных форм этих числовых обозначений, то конструкции с наименованиями животных соответствующей опоры в языке не имели.

Об употреблении собирательных нумеративов с названиями несовершеннолетних существ грамматичи молчат. Нам эти слова в соединении с числительными также не встретились, однако их тесная смысловая связь со словом «дети» (см. «детвора» – др. рус. *дѣтва*), при котором в употреблении до сих пор предпочтительнее формы собирательных наименований, а также супплетивизм грамматических форм, характерный для образований типа *котята*, в известном смысле сближающий данные существительные с такими лексемами, как *сани, грабли* [15; 109], как нам кажется, определили сохранность подобных конструкций в языке.

Проанализированный выше материал показывает, что динамика собирательных числительных в русском языке была обусловлена не только собственно морфологическими факторами и развитием грамматической абстракции: **ряд изменений** был непосредственно **связан с жанрово-стилистическим вкусом эпохи**.

К такому роду явлений, безусловно, относится и запрет на употребление собирательных на-

именований в сочетании с названиями лиц высокого социального статуса, который был провозглашен в грамматике Ломоносова: «...*сие* употребляется только о людях, и то по большей части niskихъ. Ибо неприлично сказать *трое бояръ, двое архіереев*, но *три боярина, два архіерея*» [9; 558].

Однако, судя по всему, данный принцип в языке XVIII столетия даже в послеломоносовский период соблюдался непоследовательно. Важную роль в этом сыграла общая демократизация языка – фактор, отрицательно повлиявший на закрепление в речи установленного канона, по мнению Л. А. Булаховского [4; 336]. Отчасти, вероятно, это можно объяснить и тем, что немало существительных со значением лица трудно, а зачастую и невозможно было, как нам кажется, дифференцировать по указанному Ломоносовым признаку, см., например, «*двое немцовъ*», «*двое камчадаловъ*», «*двое подростковъ*» и др.

Думается, что трудности возникали и при осознании стилистической окраски новых заимствованных лексем с той же семантикой. Так, в одном из переводов, выполненном В. П. Световым (автором одной из послеломоносовских грамматик), можно увидеть следующий пример: «**Пятеро провизоровъ** подтверждают большинством голосовъ все то, что учинять имѣющія правительство особы» (Бишинг, Осман. гос, 1770, с. 184), где речь идет о лицах достаточно высокого социального статуса.

В результате действия всех этих факторов за собирательными наименованиями в конечном итоге закрепилось употребление с любыми существительными, имеющими значение лица (при том не без грамматической поддержки субстантивированных форм). Однако ломоносовская традиция все же оставила свой след в современном языке: в строго официальном стиле рекомендуется сочетать названия лиц (прежде всего, тех, которые представляются значительными: *академик, генерал, профессор*) с количественными числительными.

6. Как уже было отмечено выше, в XVIII веке форма именительного падежа нумератива на *-о*, по сути, оставалась единственным собирательным образованием, в определенной степени сохранявшим семантическую специфику, однако соотносимость этой словоформы с другими собирательными нумеративами определила ее дальнейшую судьбу: и без того неярко выраженные «субстанциональность» и связь с категорией лица постепенно начинают уступать довлеющему в других падежах количественному признаку.

Синонимичные формы номинативов в сознании говорящих постепенно становились вариантами, отражающими одно и то же содержание, что неизбежно вело к **исчезновению одной из форм**, наиболее неустойчивой в контексте общей грамматической системы данного класса слов. Ею стала форма *двои* не только благодаря фонетическому сходству с *двое, трое* и узкой сфере употребления

(Л. А. Булаховский, Л. И. Станкевич), но и, в первую очередь, потому, что противоречила общей системе словоизменения числительных, прочно к этому моменту закрепившей оппозицию «прямой – косвенный».

Нарастающую тенденцию к функциональному объединению старого и нового номинативов отражают следующие языковые явления:

- употребление одной формы именительного падежа в значении другой – «соленую рыбу вымачивать надлежит *двое сутки*» (Кн. повар., 1775, с. 222);
- использование типа связи, не соответствующего смысловому контексту сочетаний с собирательными числительными – «*чулковъ двои*» (Матер. ист. АН, 1716–1750, с. 307).

Небезынтересны как иллюстрация к последнему из вышеназванных явлений уже отмеченные нами у М. В. Ломоносова синтагмы *шестеры лошади* и *двои слоны*: этимологически с такими существительными употреблялась форма номинатива на *-о*. То же грамматическое безразличие форм собирательных наименований к сочетаемости с этими субстантивами демонстрируется и в более поздней по времени создания грамматике В. П. Светова, дублировавшей ломоносовские установки: «...а не свойственно сказать... *шестеры лошади, двои слоны* или *двое слоновъ*, но... *шесть лошадей, два слона*» (Светов, 1790, с. 157), хотя не исключено, что автор здесь просто пытается «подправить» предложенный Ломоносовым иллюстративный материал. Показательно, что данная правка коснулась только лексемы *двое*, которая, будучи более употребительной, гораздо сильнее и дольше была сопряжена в языковом сознании носителей языка с определенным контекстом.

В целом функционирование старой и новой форм в XVIII веке еще достаточно сильно было обусловлено традицией, поскольку количество подобных нарушений в нашем материале не велико. Характерно, что первые случаи неразличия собирательных номинативов были отмечены именно в грамматиках рассматриваемого периода, то есть наблюдения филологов-исследователей языка в этом вопросе регистрировали едва наметившуюся тенденцию употребления.

ВЫВОДЫ

1. Анализ исторического развития собирательных числительных в XVIII веке показывает, что под влиянием более абстрактных количественных образований в семантической структуре нумеративов *двое*, *трое* и др. все больше обна-

руживается тенденция к стиранию конкретных значений предметности, качественности, а значит, тенденция к грамматической отвлеченности более высокой степени.

2. Единство грамматической семантики ведет к обобщению функций количественных и собирательных наименований. В связи с развитием образования, науки, техники, широко актуализирующим употребление счетных слов, этот процесс особенно активизируется в XVIII веке. В языке первой половины столетия он обнаруживается в функциональном смешении названных грамматических разрядов – использовании одних форм числительных в роли других (*двоихъ дней, трои доли*); в дальнейшем данное явление характеризуется сужением употребления непродуктивных и малочисленных собирательных образований как в косвенных падежах, так и в номинативе (*двухъ вратъ, шесть лошадей, три боярина*).

3. Основные направления данного процесса нами были подробно рассмотрены: состав собирательных лексем и их употребительность в формирующемся литературном языке резко сокращаются; грамматическая парадигма собирательных наименований сужается за счет косвенных падежей (особенно во второй половине XVIII века); значительно уменьшается число алгоритмических дериватов на основе собирательных нумеративов (корнеслов *двое-* заменяется на *дву-*, *двух-*); семантически и стилистически ограничиваются возможности синтагматики этих слов.

4. В XVIII веке ведущую роль в системе собирательных счетных наименований приобретает генетически вторичная форма номинатива, восходящая к среднему роду. Благодаря своей синтаксической функции в прямых падежах и связи с категорией лица, она в отличие от нумеративов, выступающих в сочетаниях с существительными *Pluralia tantum*, обнаруживает более яркую семантическую маркированность в сфере количества (как в составе количественно-именных сочетаний, так и вне их – *двое шли*), тем самым обеспечивая в последующий исторический период сохранение лексико-грамматического разряда собирательных слов в ряду других числовых наименований.

5. В целом, по данным рассмотренных нами источников, система собирательных нумеративов в литературном языке XVIII века представляет собой закономерный промежуточный этап в становлении литературной нормы, наиболее востребованной научно-популярной и художественной сферами функционирования языка.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И ИСТОЧНИКОВ

1. Арифм. Магн. – Арифметика, сиречь наука числительная, сочинися сия книга чрез труды Леонтия Магницкого. М., 1703.
2. Бишинг, Осман. гос. – Бишинг А. Ф. Османское государство в Европе и Республика Рагузская / Из Бишинговой географии переведены на российский язык Васильем Световым. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1774. 216 с.
3. Геогр. ген. – Варениус Б. География генеральная: Небесныи и земноводныи круги купно с их свойстваи и действа. [М.], Июнь 1718. 647 с.

4. Капн. Ябеда – Капнист В. В. Ябеда. СПб.: Изданием Г. Крутицкого: Имп. тип., 1798. 135 с.
5. Кн. повар. – Кохмейстера Андрея Христиана Криста Новая поваренная книга / С нем. на российский пер. А. Соковнин. М.: Печ. при Имп. Моск. ун-те, 1775. 271 с.
6. Княжн. Вадим Новг. – Княжнин Я. Б. Вадим Новгородский: Трагедия в стихах, в пяти действиях / Сочинена Як. Княжниным. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1793. 73 с.
7. Математ. – Герман Я., Делиль Ж.-Н. Сокращение математическое ко употреблению его величества императора всея России. Ч. 1 / Пер. с фр. И. С. Горлицкий. СПб.: Тип. Акад. наук, 1728. 134 с.
8. Матер. ист. АН – Материалы для истории императорской Академии наук (1716–1750): В 10 т. СПб., 1885–1900.
9. Мелина – Сталь-Гольштейн А. Мелина / Пер. с фр. Н. М. Карамзина. М.: Унив. тип., у Ридигера и Клаудия, 1796. 72 с.
10. Описан. корон. Ек. II – Описание аллегорической иллюминации, представленной в день коронации Екатерины Вторья. М.: Универ. тип., 1762. 6 с.
11. Перв. учение отр. – Первое учение отроком. В нем же буквы и слоги... СПб., 1723.
12. Письма рус. пут. – Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. М.: Унив. тип., у Хр. Ридигера и Хр. Клаудия, 1797–1801. Ч. 1: 1797. 294 с. Ч. 2: 1797. 309 с. Ч. 3: 1797. 299 с.
13. Попов, Анюта – Попов М. И. Анюта, комическая опера // Собр. соч. и переводов Михаила Попова: В 2 ч. Ч. 1. СПб., 1772. С. 89–124.
14. Приклады – Приклады, како пишутся комплименты разные / Пер. с нем. на российский язык М. Шафиров. СПб., 1708, в сентябре месяце. 237 с.
15. Путеш. Белла – Белл Д. Белевы путешествия чрез Россию в разныя азиатския земли / Пер. с фр. М. Попов. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1776. 250 с.
16. Рад., Пут. – Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. СПб.: Тип. Радищева, 1790. 453 с.
17. Светов – Светов В. П. Краткия правила ко изучению языка российского. М.: Тип. М. Пономарева, 1790. 190 с.
18. Тред. Аргенида – Баркли Д. Аргенида: Повесть героическая / С лат. на славенороссийский переведенная и митологическими изъяснениями умноженная от Василья Тредиаковского. СПб.: При Имп. Академии наук, 1751. 566 с.
19. Тред., Собр. соч. – Тредиаковский В. К. Сочинения и переводы как стихами, так и прозою Василья Тредиаковского: В 2 т. Т. 2. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1752. 332 с.
20. Триумф. врата – Врата триумфальные в царствующем граде Москве, на вход царского священнейшаго величества, императора всероссийскаго, отца отечества, Петра Великаго с торжеством окончанной войны благополучным миром между империею Россиискою и короною Шведскою. М.: Печатано в Московскои типографии, 20 дек. 1721. 9 л.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Багрянский И. Д. Имя числительное в русском языке XI–XVII вв.: Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. М., 1960. 37 с.
2. Барсов А. А. «Российская грамматика» Антона Алексеевича Барсова. М.: Изд-во МГУ, 1981. 776 с.
3. Буланин Л. Л. Трудные вопросы морфологии. М.: Просвещение, 1976. 208 с.
4. Булаховский Л. А. Курс русского литературного языка. Т. 2. Исторический комментарий. Киев: Радянска школа, 1953. 436 с.
5. Виноградов В. В. Русский язык: (Грамматическое учение о слове). 3-е изд., испр. М.: Высшая школа, 1986. 639 с.
6. Грамматика русского языка. Т. 1. Фонетика и морфология. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 720 с.
7. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. А–З. М.: ГИС, 1955. 669 с.
8. Дровникова Л. Н. Из истории имен числительных в русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1959. 17 с.
9. Ломоносов М. В. «Российская грамматика» // Полн. собр. соч. Т. 7. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 996 с.
10. Матвеева Г. И. Числительные в русских говорах: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1954. 16 с.
11. Станкевич Л. И. История сочетаний количественных числительных с существительными и прилагательными в русском и украинском языках: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Днепропетровск, 1956. 17 с.
12. Современный русский язык: В 3 ч. Ч. 2. Словообразование. Морфология / Н. М. Шанский, А. Н. Тихонов. М.: Просвещение, 1987. 270 с.
13. Супрун А. Е. О русских числительных. Фрунзе, 1959. 172 с.
14. Супрун А. Е. Производные существительные с корнями числительных. Фрунзе, 1953. 68 с.
15. Супрун А. Е. Славянские числительные. Становление числительных как особой части речи. Минск: Изд-во БГУ, 1969. 232 с.
16. Хабургаев Г. А. Имя числительное // Очерки исторической морфологии русского языка. Имена. М.: Изд-во МГУ, 1990. 295 с.
17. Чеснокова Л. Д. Имя числительное в современном русском языке. Семантика. Грамматика. Функции. Ростов-на-Дону: Гэфест, 1997.
18. Шахматов А. А. Историческая морфология русского языка. М.: Учпедгиз, 1957. 400 с.

ВАЛЕНТИНА ПЕТРОВНА МИРОНОВА

научный сотрудник сектора фольклора Института языка,
литературы и истории Карельского научного центра РАН
Valentina.mironova@mbnet.fi

АЛЛИТЕРАЦИЯ В ЮЖНОКАРЕЛЬСКИХ ЭПИЧЕСКИХ ПЕСНЯХ О СВАТОВСТВЕ

Карельская эпическая традиция обладает целым рядом поэтических особенностей, одной из наиболее распространенных является аллитерация. Настоящая статья, касаясь вопросов происхождения, развития и функций этого художественного приема, анализирует основные случаи аллитерации на примере южнокарельских эпических песен о сватовстве.

Ключевые слова: карельская эпическая традиция, эпические песни Южной Карелии, песни о сватовстве, поэтические особенности, аллитерация, сильная и слабая аллитерация

Ни в какой другой культурной традиции мы не найдем столь широкого использования аллитерации, как в древней калевальской поэзии. Наряду с карельскими эпическими песнями прием встречается в причитаниях, пословицах, загадках, сказках, широко применяется во фразеологии – таким образом, используется как в поэтических, так и в прозаических жанрах.

Аллитерация – это прием поэтической техники (или фонетической организации стиха), при котором тождественные повторяющиеся звуки локализируются не в конце, а в начале стиха и слова, корреспондирующими звуками в большинстве случаев и главным образом являются согласные. Необходимо отметить, что в литературоведческой традиции аллитерация понимается как скопление одинаковых согласных. Однако в фольклористике распространено более широкое понимание этого приема: наряду с аллитерацией согласных рассматривается аллитерация гласных.

Наиболее распространена аллитерация в тех языках, где начальное ударение приходится на

первый слог. В прибалтийско-финских языках ударение фиксировано, всегда находится на первом слоге, вследствие чего использование приема получило широкое распространение в народной поэзии.

Выделяют три вида аллитерации. Первый заключается в факультативном повторе звуков, преимущественно согласных. Аллитерация такого типа широко распространена в самых различных поэтических культурах, например русской, а также в современной английской, немецкой, финской и других культурах. Второй тип заключается в обязательном звуковом повторе, однако при этом позиции повторяющихся звуков не фиксируются. Такова аллитерация в финской (карельской) и эстонской народной поэзии. Третий вид аллитерации характеризуется как ее обязательностью, так и позицией аллитерирующих звуков. Такая аллитерация характерна для древнегерманской поэзии.

Широкое применение аллитерации в прибалтийско-финских языках, и прежде всего в поэзии калевальской метрики, связывали с подражанием

древнегерманскому стиху. Финляндский исследователь А. Алквист высказывал предположение, что аллитерация карело-финских рун заимствована от германцев [5; 35]. В то же время рассматриваемый художественный прием встречается в мордовском, марийском, черемышском, венгерском, вогульском и остякском фольклоре, что дало возможность финляндскому исследователю В. Таркиайнену сделать предположение о его финско-волжском или финно-угорском происхождении [13; 7]. Аллитерационные стихи можно встретить в народных песнях вепсов, води, ливов. Широкое использование отмечается также и в эстонских народных песнях, где прием считается одним из основных признаков песенной лиро-эпической традиции [1; 45–46]. По наблюдениям Т. Итконена, значительно слабее, чем у других прибалтийско-финских народов, аллитерация представлена в саамской песенной традиции [6; 562].

Ученые не сомневаются в архаичности аллитерации, выявляя ее еще в примитивных австралийских песнях и песнях папуасов. Э. Тейлор отмечал, что «предки находили особое удовольствие в аллитерации, где одна и та же согласная повторяется снова и снова с частотой, которая показалась бы утомительной для современного вкуса» [3; 162].

Бытуют различные мнения по вопросу о функции аллитерации в поэзии. Некоторые ученые придавали ей магическую окраску, сравнивая ее с приемами повторов-цепочек, применяемых в детской кумулятивной песне [7; 195]. Аллитерация выполняет техническую роль в стихе: она ограничивает выбор слов, связывает их воедино, чем и облегчает запоминание. В качестве основной рассматривалась ее поэтическая и музыкальная функция [9; 21–22].

Аллитерация может быть сильной, когда происходит совпадение двух звуков: согласного и следующего за ним гласного (**k**aglasen **k**ananmunakse, **p**arandele **p**angujoine), а также слабой, когда совпадает только согласный звук (**k**orendohon **k**ainalokse, **t**uloubo **š**erro **š**uuttunuonnu). Слова могут начинаться также и с гласных звуков, при их повторении образуется сильная аллитерация (**O**lottelet **o**minazen, **A**n'n'oid **a**kakse ottamah).

При аллитерации слов, в составе которых встречаются дифтонги – такие сочетания гласных звуков, как **ie**, **uo**, **yö**, возможны некоторые несоответствия: в парных словах созвучными являются гласные звуки **e**, **o**, **ö**, а не **i**, **u**, **y**, например **soitti suolla**. В данном случае мы выделяем сильную аллитерацию, корреспондирующими являясь сочетания **soi- suo**. Объяснить это можно изменениями, произошедшими в языке: встречающиеся дифтонги в словах современного языка соответствовали длинным гласным в праязыке [4; 33]. Становление карельских эпических песен происходило тогда, когда процесс образования дифтонгов только начал свое развитие. Благодаря этому в текстах можно было встретить так называемое «открытое» созвучие (повтор длинных гласных ее, oo, öö) и «закрытое» созвучие (повтор **ie**, **uo**, **yö**).

В наиболее поздних записях южнокарельские тексты хронологически относятся именно к этой группе, заметна тенденция к наибольшему употреблению «закрытых» созвучий. Например, в стихе **Muamah Marizel sanou** аллитерационная пара образуется из слов **Muamah Marizel**, просматривается сильная аллитерация благодаря созвучию **mua – ma**. Первоначально форма слова **muami** была **maami**, в процессе развития языка произошла замена длинного гласного на дифтонг. Мы в данном случае, учитывая процессы развития языка, отмечаем явление сильной аллитерации.

Отдельно следует сказать об аллитерации начальных гласных, в разных языках этот процесс рассматривается по-разному. Так, например, в латинской, древнекельтской и германской поэзии любое повторение гласных в поэтической строке считали аллитерацией. В Финляндии в XIX веке А. Генетц, а позже, в начале XX века, И. В. Ювелиус, а также другие исследователи выработали так называемую «теорию аналогичности» (*samankaltaisuus teoria*). Согласно этой теории, повтор некоторых гласных в стихе (например, **a:a**; **a:o**) считался аллитерацией [9; 229–230]. Получила развитие также теория «нулевого согласного», ее сторонники не придавали согласному звуку никакой фонетической нагрузки, аллитерация определялась по гласному [9; 219–211]. В современных отечественных исследованиях по поэтике вопрос об аллитерации гласных рассматривается отдельно. Так, в частности, касаясь аллитерации гласных звуков в древнегерманской и финской народной поэзии, Ю. М. Лотман отмечает, что никакие повторы (имеются в виду повторы гласных) в стихах может и не быть: достаточно, чтобы встречались слова, начинающиеся с любых гласных [2]. В данном случае учитывается не повтор собственно гласных, а повтор предшествующего им нулевого согласного, то есть аллитерируются не **гласный – гласный**, а **согласный + гласный** и **согласный + гласный**, где гласный – произвольный начальный гласный. Исследователь поясняет свои выводы изменениями в финском языке. Первоначально нормальная модель слога в финно-угорских языках начинается с согласного звука. Большинство слов, начинающихся с гласной, в действительности часто (но не всегда) образовались в результате утраты начального согласного. Таким образом, первоначально в слове гласному предшествовал согласный звук, аллитерация происходила по созвучию согласных, а при их утрате закрепилось созвучие гласных [2].

Прямо противоположную точку зрения высказывали А. Е. Сааримаа [10; 7–8], В. Салминен [12; 185–186], М. Кууси [8] и П. Лейно [9], считая аллитерацией только повторы **согласный + гласный** и **согласный + гласный**, **гласный – гласный**, а также **согласный – согласный**, причем в первых двух случаях речь идет о сильной аллитерации, в последнем – о слабой. В данном исследовании будем опираться на выводы этой группы ученых и не будем считать аллитерацией любой повтор гласного звука.

Стихотворная строка может и не иметь аллитерации, такие случаи составляют половину из всех взятых во внимание южнокарельских песен о сватовстве (*suureksi jourhsiksi pagenemah*). Неаллитерированные стихи по ходу повествования органично сочетаются с аллитерированными поэтическими строками, вследствие чего не происходит нарушения ни ритма, ни мелодики эпических песен.

Финский ученый М. Саданиеми, изучавший аллитерацию калевальских рун, отмечал некоторые закономерности, присущие стиху рун. Во-первых, рассматривая отдельно прием аллитерации в стихах, состоящих из двух, трех, четырех слов, ученый пришел к выводу, что имеются заметные различия в зависимости от строения стиха: строка из четырех слов в беломорской руне гораздо чаще имеет сильную аллитерацию в сравнении с трехсловным или двухсловным стихом. Причем аллитерация происходит между рядом находящимися словами и чаще всего встречается в конце стиха [11; 91].

В севернокарельской руне в целом около половины стихов аллитерированы, причем сильная аллитерация отмечается в 35 % стихов, слабая – в 15 %, остальные не имеют аллитерации. Такие данные были получены при анализе эпических песен репертуара Архиппы Перттунена [11].

Несколько отличная картина выявляется в южнокарельской традиции. Рассмотрим в качестве примера аллитерацию одной руны этой этнолокальной традиции. Это песня, записанная от Власия Иванова, уроженца деревни Ведлозера, 60 лет. Запись сделана И. Хяркеноном в 1901 году. Песня довольно полная – 162 строчки, она включает в себя все мотивы, свойственные этой эпической традиции. Аллитерация соблюдается в 69 строчках, 93 строчки не аллитерированы, в 52 строчках сильная аллитерация, в 17 – слабая. Аллитерация, как правило, не соблюдается внутри целого предложения, только в рамках отдельно взятого стиха. Предложения в рассматриваемом варианте песни сложные, включают в себя несколько простых; встречается большое количество однородных членов, обращений, в целом предложения включают от двух до пяти стихов. Обычно аллитерация меняется построчно: из 3, 4, иногда 5 слов созвучны 2, реже 3 слова. Соотношение созвучных слов к общему их количеству (или так называемая плотность аллитерации) значительно ниже, чем, например, в севернокарельских песнях, и составляет примерно 1:1,5, 1,7, 2. Однократны случаи выделения аллитерационной цепочки, в которой звуки созвучны подряд в нескольких стихотворных строчках.

В анализируемом тексте присутствуют различного вида аллитерации (см. табл. 1), на протяжении всей песни она меняется 30 раз. Максимальное количество, или цепочка аллитерирующих слов, в единице текста доходит до 6, при общем количестве слов в ней – 8. В песне довольно большое количество строк, в которых аллитерация отсутствует. Просматривается явное преимущество сильной аллитерации. Если в беломорской руне аллитерация происходит чаще в стихе, состоящем

из трех слов, то в южнокарельской песне аллитерация в равной мере происходит в стихе, состоящем как из трех, так и из четырех слов, при небольшом преимуществе последних. Как и в беломорской традиции, чаще всего аллитерации подвергаются рядом находящиеся слова:

<i>Sa</i> duloiče <i>sa</i> da hebuo!	Запряги сто лошадей!
Kudain <i>h</i> irvine <i>he</i> boine,	Который конь-лось,
<i>Sil</i> <i>sar</i> vikas <i>sa</i> duli <i>gel</i> gäh	Тому рогатое седло на спину. SKVR II:95, 59–61 ¹
Suannet <i>h</i> auvin	Поймаешь если щуку редкого
<i>h</i> arvukirjan,	цвета,
Siit on <i>val</i> mis <i>val</i> vattine	Тогда будет готова ожидаемая. SKVR II:95, 108–109

При этом нельзя выделить определенную закономерность, как это делает М. Саданиеми по отношению положения аллитерационных пар в стихах Архиппы Перттунена. По мнению финляндского исследователя, созвучные пары в беломорской традиции преимущественно находятся в конце стиха. В южнокарельской эпической традиции аллитерационные пары с одинаковой частотой встречаются как в начале, так и в конце стиха.

Таблица 1
Виды аллитерации, выявленные
в песне В. Иванова

Аллитерирующие звуки	Количество		Плотность
	слов	строк	
ka-2	3	1	1:1,5
py-2	3	1	1:1,5
en-2	4	1	1:2
s- 2	4	1	1:2
hä-2	3	1	1:1,5
y-2	4	1	1:2
va-2	3	1	1:1,5
pa-3	3	1	1:1,5
tä(ta)-2	4	1	1:2
k-2	4	1	1:2
lä(la)-2	4	1	1:2
hua(ha)-2	2	1	1:1
ky-2	4	1	1:2
mua-2	4	1	1:2
pai(piä)-2	4	1	1:2
sua-2	4	1	1:2
tu-2	4	1	1:2
sa-2	3	1	1:1,5
h-2	3	1	1:1,5
sa-4	7	2	1:1,7
ka-2	3	1	1:1,5
vu-2	2	1	1:1
se-si-sua-6	8	2	1:1,6
ko-2	3	1	1:1,5
u-2	3	1	1:1,5
va-2	4	1	1:2
u-2	3	1	1:1,5
a-2	2	1	1:1
ra-2	3	1	1:1,5
ma-2	4	1	1:2

В некоторых случаях аллитерация происходит в рамках одного стиха за счет повторения одного и того же слова:

Söin on, **söin** on – ела я, ела я.

Такие аллитерационные пары в поэтической строке образуют внутрискореевые тавтологические повторы.

Созвучие может соблюдаться за счет использования однокоренных слов, однако такие случаи встречаются довольно редко:

Shenoi **pyhien** **pyhitteli** – соблюдала святой пост.

Как мы уже отмечали выше, наиболее часто аллитерируются рядом стоящие слова. Встречаются случаи, когда между созвучными словами находятся другие слова:

Kylböö seppo **kylyisen** – помылся кузнец в бане.

Tuhandes rubljas **tu**luppazen – за тысячу рублей тулуп.

Возможность такой аллитерации была отмечена еще финляндскими исследователями. М. Саданими в своем исследовании рассматривал в качестве аллитерационных стихи из трех слов, в которых созвучны два последних слова, два первых слова, а также первое и последнее слова в поэтической строке [11; 88–89]. Причем ученым была отмечена прямая зависимость аллитерации от длины слова: созвучными становятся слова с наибольшим количеством слогов. Слово, находящееся между двумя созвучными, будет значительно короче составляющих аллитерационную пару, а последнее, напротив, – самым объемным. В нашем примере, разделив слова на слоги, можем построить следующие схемы: **Kyl/böö** sep/ro **ky/lyi/sen** – 223 (цифры соответствуют количеству слогов), **tu/han/des** rub/ljas **tu/lup/pa/zen** – 324. Замечаем, что самое большое количество слогов – в последнем слове стиха, а находящееся между аллитерационной парой слово является самым коротким. Опираясь на выводы М. Саданими, данные случаи будем также относить к явлению аллитерации.

Рассмотрев все имеющиеся варианты южно-карельских песен, мы получили общую картину использования приема аллитерации. Для этого из общего числа стихов в песне выделили стихи с аллитерацией и те случаи, где аллитерация сильная. Результаты выявленных видов аллитерации представлены в табл. 2.

В процентном отношении аллитерация в стихе может колебаться от 22 до 42 % от общего числа стихов, из них только менее половины – сильная аллитерация. Сильная аллитерация наиболее распространена в вариантах песен конца XIX – начала XX века, тогда как в записях, относящихся к 1930–50-м годам, наблюдается преобладание слабой аллитерации. Процесс уменьшения количества аллитерации можно объяснить утратой многими исполнителями мастерства, вследствие чего подбор нескольких слов с совпадающими начальными звуками уже не являлся обязательным условием при исполнении. В большинстве случаев аллитерация достигается

путем подбора одинаково звучащих, но совершенно разных по значению слов. Созвучными могут быть все слова в стихе:

Pani **paidazen** **pajaksi** – сделал из рубашки кузню.

Haukkai **händy** **harmai** **haugi** – проглотила его серая щука.

Vahnat **vaimod** **varustutah** – старые жены готовятся.

Vahnu **viizai** **Väinämöine** – старый мудрый Вяйнемеине.

Koivut **korgiet** **kazvettih** – выросли березы большие.

Созвучными могут быть два слова в стихе:

Ruskied **kordjat** **karizou** – красная повозка стучит.

Äski **työndäy** **tyttäryözen** – теперь отпустит дочь.

Työtih **venöi** **vezilego** – опустили лодку на воду.

Можно выделить устоявшиеся пары слов или целые сочетания слов, образовавшиеся в результате длительного бытования эпической традиции. Слова связаны между собой определенной аллитерацией, переходят из варианта в вариант. Такие пары встречаются при описании свадебного поезда:

Pane soloveilinduzet soittamah, Пусть птицы-соловьи играют,
piäsköilinduzet pajattamah. птицы-ласточки поют.

Таблица 2

Виды аллитерации

Всего стихов	Аллитерация	Сильная аллитерация
95	39	21
35	13	5
165	68	38
110	53	39
70	23	13
140	52	30
140	44	20
204	84	56
210	60	29
180	69	23
87	20	6
160	68	38
168	43	19
96	28	21
195	66	44
168	50	27
99	41	25
184	76	44
208	88	15
179	44	46
68	14	11
122	74	39
197	74	37
118	41	21
126	32	9
180	72	41
84	31	7
234	98	46

Подобные же сочетания встречаются в мотиве переправы героя в потусторонний мир: лошадь Илмойллинена не едет, а как будто летит над гладью моря:

Hibjoin, **ka**bjoin **ka**stumatta Не вспотеет тело, не промокнут копыта
 Vuohizien **va**jottamatta. не обмокнут щетки (на ногах).

Нередко в песнях появляются аллитерационные цепочки, которые чаще всего имеют устойчивое место по ходу повествования. Так, например, практически в каждом варианте присутствует диалог кузнеца Илмойллинена с хозяйкой мифической Хийтолы. Герой, приехавший сватать невесту, всегда обращается к ней со словами:

Jogos on **va**lmis **va**lvattine, Уже ли готова ожидаемая,
kaksien **vu**ozien **ka**cottavu, по два года смотренная,
kolmien **vu**ozien **ko**zittavu. по три года сватанная.
 SKVR: II, 91, 57–59

Такие обращения повторяются по несколько раз, их количество зависит от числа трудных заданий, которая хозяйка Хийтолы дает выполнить кузнецу Илмойллинену.

Устойчивым с точки зрения использования аллитерации является мотив изготовления геро-

ем кузницы в утробе Хийтолы, в некоторых вариантах – в утробе серой щуки:

Pani **p**olven**pi**än aluzimekse, Сделал колено наковальней,
 Kulakan **pa**ni **pa**l'akse кулак свой сделал молотом,
paijan **pa**ni **pa**lgehikse из рубахи кузнечные меха.
 SKVR: II, 90, 135–137

Стабильным и практически всегда образующим аллитерационную цепочку является финал песни, в котором кузнец превращает красивую Катерину (в некоторых вариантах – Анни) в чайку:

Kiroi Annin **ka**joiksi Обернул Анни чайкой
kaugumahe кричать,
vastutuulel **va**ngumah, на встречных ветрах стонать,
 Nuotan **pu**lluo **pu**rgamah поплавки сетей рвать.
 SKVR: II, 90, 175–176

Таким образом, анализ текстов показал, что в южнокарельских эпических песнях о сватовстве аллитерация является постоянным поэтическим приемом, изменяющимся по ходу повествования большое число раз. В текстах можно выделить устойчивые аллитерационные пары, а также цепочки созвучных слов. Имеющийся материал показывает, что рассматриваемый прием был распространен так же широко, как и в беломорской эпической традиции.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ В дальнейшем при цитировании Suomen kansan vanhat runot (сокращенно SKVR) римской цифрой указывается номер тома, далее следует номер текста и номера строк по изданию: Suomen kansan vanhat runot. II osa. / Julkaisut A. R. Niemi. Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seuran kirjapaino. Oy, 1927. 740 s.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лаугасте Э. Эстонская аллитерационная народная песня. Таллинн: Ээсти раамат, 1984. 56 с.
2. Лотман М. Ю. К основаниям моделирующей поэтики // Труды по русской и славянской филологии / Под. ред. Л. Киселева. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 1996. С. 35–60.
3. Тейлор Э. Первобытная культура / Предисл. и примеч. И. Першица; Пер. с англ. Д. А. Корепчевского. М.: Политиздат, 1986. 573 с.
4. Хаккулинен Л. Развитие и структура финского языка: В 2 кн. Кн. 1: Развитие и структура финского языка / Пер. с финн. под. ред. П. А. Аристэ. М.: Иностранная литература, 1953. 311 с.
5. Ahlgvist A. Suomalainen runousoppi kieliselta kannalta. Helsinki: Frenkeli ja poika, 1863. 105 s.
6. Itkonen T. Suomen lappalaiset vuoteen 1945, osa 1–2. Porvoo; Helsinki: Söderström, 1948. 631 s.
7. Koskimies R. Yleinen runousoppi. Toinen painos. Helsinki: Otava, 1949. 304 s.
8. Kuusi M. Kalevalaisen runon alkusointuisuudesta // Virittäjä. Helsinki: Kotikielen seura, 1953. S. 198.
9. Leino P. Strukturaalinen alkusointu Suomessa. Helsinki: Forssan Kirjapaino Oy, 1970. 322 s.
10. Saarimaa E. A. Kielen ja tyylin alalta: Kirjoitelmia. Porvoo: WSOY, 1925. 213 s.
11. Sadeniemi M. Die Metrik des Kalevala-Verses // Folklore Fellows Communications 139. Helsinki: Suomalainen tiedeakatemia, 1951. 154 s.
12. Salmi V. Suomalaisen muinorunojen historia. Helsinki: Suomalaisen kirjailijoiden seura, 1934. 366 s.
13. Suomen kansalliskirjallisuus: Valikoima suomen kirjallisuuden huomattavimpia tuotteita / Toim.: E. N. Setälä, V. Tarkiainen, V. Laurila. Helsinki: Otava, 1943. 576 s.

НИКОЛАЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ЛЕВКИН

кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента экономического факультета ПетрГУ

levkin@petrsu.ru

ЭВОЛЮЦИОННЫЙ И СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ СИСТЕМЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

В статье рассматриваются различные механизмы адаптации предприятий к изменениям во внешней и внутренней среде, а также роль в этом процессе организационной культуры.

Ключевые слова: организационная культура, система предпринимательства, синергетика, эволюционный подход, эволюционная экономика, адаптация

Использование системного подхода при анализе организационной культуры позволяет сделать вывод о том, что в действительности организационная культура – это результат сложного пересечения и наложения субкультур, которые сосуществуют на основе гармонии, безразличия или конфликта [22]. В качестве таких субкультур, формирующих общую организационную культуру компании, можно обозначить субкультуры основателя бизнеса, топ-менеджмента, культуры различных религиозных, этнических, профессиональных, социальных, гендерных прослоек работников организации и т. д. При этом образование субкультур может быть результатом действия множества факторов: разделения труда, места в иерархии, профессиональной деятельности и т. д. [24]. Работники могут принадлежать одновременно к нескольким субкультурам. Более того, они могут «перемещаться» между культурами в течение рабочего дня. Организационная культура и субкультуры не монолитны – они диктуются ситуацией, в которой находится организация. Кроме того, на формирование организационной культуры может влиять целый комплекс внешних и внутренних

факторов, которые традиционно рассматриваются в теории управления как стратегические и тактические по отношению к развитию организации в целом. В связи с этим можно говорить о развитии нового методологического подхода к феномену организационной культуры. Этот подход может быть определен как синергетический.

Синергетика посвящена феномену самоорганизации в сложных объектах, то есть изучает явление самопроизвольного возникновения и автономной поддержки сложных структур на системном уровне. Разработка правил, заповедей, лозунгов, мифов и систем ценностей вносит смысл в организационные отношения и позволяет их модулировать, включать обратные связи, изменять их знаки, изменять сами правила, правила изменения правил, то есть запускать самоорганизацию [14]. С подобной точки зрения организационная культура может рассматриваться как смесь обдуманного человеком конструкта и произвольно возникающих порядков в рамках предпринимательской системы. Это позволяет говорить о бифуркационном характере механизма формирования организационной культуры.

Бифуркация в синергетике подразумевает внезапное, скачкообразное и непредсказуемое изменение характера протекающих в предпринимательской системе процессов. Сущность явления бифуркации заключается в том, что когда накопление изменений в системе достигает какого-либо определенного критического порога, происходит резкий качественный скачок в ее содержании. После прохождения критической точки (точки бифуркации), как правило, точно предсказать направление дальнейшего хода изменений не представляется возможным, и система переходит в режим странного аттрактора [12]. В социосинергетике выделяется две стратегии применительно к точкам бифуркации. Стронники первой стратегии считают, что необходимо держаться от них как можно дальше, и это становится залогом выживания социальной организации. Суть второй стратегии заключается в том, что нужно «окунуться» в хаос, так как именно в нем рождаются новации.

Бифуркация любой эволюционной линии лежит в русле общих законов эволюции. Это означает, что, во-первых, такая бифуркация сама по себе направлена по вектору эволюции в сторону роста разнообразия и, во-вторых, что она увеличивает шансы на эволюционное выживание данной системы, то есть на эволюционный прорыв хотя бы одной ее ветви.

Формирование и развитие организационной культуры с позиций синергетики может происходить следующим образом. Накопление изменений в различных относительно независимых частях одной организации (например, в фирме это могут быть отдельные функциональные службы, региональные филиалы, неформальные объединения работников и т. п.) приводит к образованию и накоплению постепенных эволюционных различий. Но пока эти изолированные субкультуры не осознают себя в качестве полностью независимых и самостоятельных структур, различия будут носить обратимый характер и нивелироваться за счет культурной ассимиляции с централизованно провозглашенной системой организационных ценностей. По этой причине накопление различий будет происходить чрезвычайно медленно. Под влиянием внешних факторов или в ситуации достаточного накопления изменений для преодоления критической точки бифуркационный порог будет пройден, и группа работников начнет осознавать себя в качестве относительно самостоятельного образования, поведение которого в дальнейшем практически не прогнозируется (работники могут просто уволиться, создать отдельную самостоятельную фирму, начать забастовку и т. д.). В этих условиях ассимилирующее влияние официально провозглашенных ценностей базовой организации резко сокращается, и максимально полностью включаются защитные механизмы самобытности как фирмы в целом, так и вновь образовавшейся системы. Важнейшим фактором,

способствующим достижению бифуркационного порога в рассматриваемом случае, становится изоляция (информационная, ресурсная, культурная и т. п.).

При изучении адаптации сложных систем (A) к изменениям во внешней и внутренней организационной среде (T) используются следующие понятия:

- деструктурирование системы (снижение ее сложности за счет роста энтропии) – (D);
- синергообразование системы (увеличение сложности системы) – (C);
- скорость адаптации системы – $Va = dA/t$;
- скорость изменений во внешней и внутренней среде организации – $Vm = dT/t$;
- скорость деструктурирования – $Vd = dD/t$;
- скорость синергообразования – $Vc = dC/t$;
- t – анализируемый интервал времени.

Тогда $Ka = Va/Vm$ – коэффициент адаптации, $Kc = Vc/Vd$ – коэффициент синергии.

Можно выделить следующие варианты адаптации организационной культуры предпринимательской системы к изменениям, происходящим во внешней и внутренней среде:

1. $Ka = 1$ и $Kc = 1$ – организационная культура успевает адаптироваться к изменениям в среде, при этом процессы синергии и деструктуризации по скорости совпадают. Ситуация функционирования предприятия в стабильной и несложной среде.
2. $Ka = 1$ и $Kc > 1$ – организационная культура успевает адаптироваться к изменениям в среде, процесс синергии обгоняет по скорости деструктуризацию, то есть происходит усложнение существующей организационной культуры, при этом усложнение организационной культуры связано с двумя процессами: 1) простым увеличением объема поля культуры (эрудиция); 2) увеличением «ткани» ассоциаций, устанавливаемых в процессе мышления (глубина) [7; 50–51]. Ситуация функционирования предприятия в стабильной, но при этом достаточно сложной среде, когда организационная культура или в силу изначальной эффективности, или по причине эффективного управления ею наращивает свой потенциал.
3. $Ka = 1$ и $Kc < 1$ – организационная культура успевает адаптироваться к изменениям во внешней среде, при этом процесс деструктуризации обгоняет процесс синергии. Такая ситуация возможна для организационной культуры предприятия-монополиста, когда отсутствие конкуренции приводит к деградации организационной культуры. Среда преимущественно контролируется самим предприятием. Типичный пример в данном случае – отечественные предприятия-монополисты. Огромные доходы, которые они получают от своей деятельности, позволяют многократно увеличивать бюджет мероприятий, связанных с организационной культурой. Однако при этом сама

культура перестает быть важнейшим ресурсом и инструментом для победы в конкурентной борьбе, так как самой конкурентной борьбы как таковой не существует. В итоге формирование и развитие организационной культуры начинает представлять собой хаотичный процесс, который сопровождается тратой огромных денежных средств на самые непредсказуемые фантазии топ-менеджмента.

4. $Ka < 1$ и $Kc < 1$ – организационная культура не успевает адаптироваться к изменениям в среде, процесс синергии по скорости уступает процессу деструктуризации: происходит разрушение существующей организационной культуры и, скорее всего, самого предприятия. Это возможно при внезапных изменениях в среде, связанных с системными кризисами или неэффективным менеджментом.
5. $Ka < 1$ и $Kc > 1$ – организационная культура не успевает адаптироваться к изменениям в среде, происходит ее значительное усложнение. Такая ситуация возможна при поглощении одним предприятием другого.
6. $Ka < 1$ и $Kc = 1$ – организационная культура не успевает адаптироваться к изменениям в среде, при этом скорость синергии и скорость деструктуризации совпадают: складывается ситуация нестабильной среды и несложного организационного окружения. В качестве примера можно привести предприятия, где рядовые работники и менеджмент поддерживают существующие ценности компании, но сами эти ценности уже не отвечают сложившейся рыночной ситуации.
7. $Ka > 1$ и $Kc < 1$ – организационная культура превосходит изменения в среде, процесс деструктуризации по скорости обгоняет процесс синергии. Единая централизованная организационная культура разрушается, и на ее основе возникает множество новых культур (например, реформирование предприятия-монополиста по типу РАО «ЕЭС»).
8. $Ka > 1$ и $Kc > 1$ – организационная культура превосходит изменения в среде, процесс синергии по скорости обгоняет процесс деструктуризации: ситуация, когда предприятием управляет талантливый предприниматель («отец-основатель»), под началом которого формируется сильная организационная культура.
9. $Ka > 1$ и $Kc = 1$ – организационная культура превосходит изменения в среде, процесс синергии по скорости совпадает с процессом деструктуризации: предприятие осуществляет свою деятельность в рамках строго детерминированной среды – работа государственных и муниципальных унитарных предприятий, казенных заводов и т. п.

Общие закономерности самоорганизации сложных биологических и социальных систем позволяют использовать при анализе этих сис-

тем аналогичные теоретические конструкции. Например, динамику развития организационной культуры можно представить при помощи эволюционной теории. При этом возникающие параллели между процессами биогенеза и культурогенеза должны восприниматься диалектически: нельзя прямо отождествлять биологическую и социально-культурную эволюции, как это делается в социал-дарвинизме.

Основой эволюционной теории являются принципы изменчивости и наследственности. Существование этих явлений обеспечивает исходный материал для эволюционного процесса. Для объяснения же движущих сил эволюции вводятся еще два фактора: отбор и борьба за существование. Главная функция отбора – определение путей закрепления наследственности и границ изменчивости, а борьбы за существование – контроль результатов отбора [11; 9]. Применительно к анализу эволюции социально-экономических систем происходит качественная трансформация этих понятий. Во-первых, субъектами процессов «борьбы за существование» выступают уже не особи, а определенные социальные группы. Во-вторых, человек в социальном плане развивается под действием естественного отбора идей, технологий, моделей развития и поведения, а не других людей. В-третьих, двигателем эволюции общества являются потребности, которые растут пропорционально возможностям (в животном мире удовлетворение потребностей есть следствие борьбы за существование). В свою очередь, рост возможностей компенсируется адекватным ростом потребностей, а это приводит к тому, что давление среды на организацию сохраняется либо даже возрастает. В-четвертых, преемственность знания в организациях выполняет ту же роль, что и наследственность в биологической самоорганизации. В предпринимательских системах в процессах самоорганизации участвует сознание, и в результате целенаправленности поведения людей развития экспоненциально ускоряется. Кроме того, по мнению современных исследователей эволюционной экономики, «передача» информации посредством институтов во времени и в экономической среде происходит «путем имитации и обучения (понимаемого в широком смысле не только как образование, а как социализация индивида)... Как и их природные аналоги, институты также обладают изменчивостью, причем они менее устойчивы, чем биологические гены... Они могут реагировать на изменения социальной, культурной, политической, природной среды. Институты могут мутировать и случайно под влиянием как внешних, так и внутренних факторов, включая сознательные, целенаправленные действия индивидов. В отличие от генов, институты сохраняют и передают «благоприобретенные» признаки. Таким образом, в экономике действуют как дарвиновско-менделевские, так и ламаркианские принципы, которые в живой природе несовместимы» [9; 50].

Рассмотрим подробнее значение и роль организационной культуры в экономических процессах в рамках эволюционной теории на микроуровне, то есть уровне фирмы.

С точки зрения неоклассической концепции любое мероприятие, проводимое экономическим субъектом, например фирмой, можно рассматривать как результат выбора действий из заранее известных альтернатив. Экономическому субъекту остается только, используя свою целевую функцию, выбрать ту альтернативу, которая в конечном итоге приведет к максимальным значениям параметров данной целевой функции (максимуму дохода, прибыли, объема продаж и т. п.). В эволюционной теории множество вариантов выбора не задано, а последствия любого выбора неизвестны. Фирмы по-разному реагируют на одни и те же сигналы рынка, тем более когда эти сигналы будут для них относительно новы. В связи с этим возникает многообразие типов поведения фирм, и именно возникновение этого многообразия рассматривается в эволюционном подходе как одна из важнейших функций конкуренции. Другая функция заключается в отборе для дальнейшего существования в рамках данного рынка фирм, чей выбор оказался удачным, и подавлении тех экономических субъектов, чей выбор был неудачным.

Методология неоклассического анализа и новой институциональной экономической теории была подвергнута наиболее острой критике с позиции неинституционализма Дж. Ходжсона. Ключевой аргумент этой критики – статика, которая присутствует в этих теориях: непонятно, почему меняются предпочтения, мышление, ценности, а значит, остается неясной природа снижения трансакционных издержек или смены ориентиров при выборе контрагентов для заключения контрактов. Например, говоря о контракте, Дж. Ходжсон, отмечает, что «контракт найма оказывается в значительной степени удобной фикцией, выраженной в индивидуалистических категориях современного контрактного права и фактически маскирующей социальный и кооперативный характер любой производительной деятельности» [16; 41]. Иными словами, теоретически контракт найма является соглашением между нанимателем и работником, в соответствии с которым последний обязуется вносить некий вклад в производство под руководством администрации в обмен на оговоренную заработную плату. При этом если речь идет о групповой или «командной» работе (которая является преобладающей в современных наиболее динамично развивающихся корпорациях), то такую сделку нельзя назвать непосредственным обменом индивидуальных прав на заработную плату. Более того, комплексный и взаимосвязанный характер работы весьма затрудняет контроль. По этой причине необходим поиск механизма, который объяснял бы функционирование современной организации без обращения к бю-

рократической форме контроля веберовского типа или классической форме контракта. Таким механизмом может являться организационная культура. Так, по мнению О. Уильямсона, культура выступает как социальная обусловленность, при помощи которой работники понимают цели фирмы и преданно служат им. Кроме того, исходя из модели Дж. Ходжсона, организационная культура – больше, чем разделенная (коллективная) информация: она представляет собой также механизм эволюции коллективных и индивидуальных специфических знаний. Исходной точкой в этом механизме выступают «глубинные» институты. Самым главным глубинным институтом является нормативная модель поведения: «вести себя, как все» [19]. Нашей биологической природой мы во многом запрограммированы действовать, как все окружающие нас в организации люди. Такое поведение становится гарантией успеха. Альтернативное поведение выступает как мутация и обрекает человека на большие неприятности на работе. Описанная выше позиция согласуется со взглядами Э. Лазера [23]. По мнению Э. Лазера, в рамках организации действует генная теория, но не естественного, а искусственного отбора. При встрече двух работников их ценностные установки пересекаются, возникает своеобразная комбинация генов. «Выживает» та комбинация, которая будет более приспособленной к условиям данной организации. Таким образом, Э. Лазер проводит аналогию между действием культурного и генного механизмов.

Дж. Ходжсон привносит в анализ организационной культуры элементы эволюционной теории, в соответствии с которой для создания новых и поддержания уже созданных конкурентных преимуществ фирма должна уметь постоянно воспроизводить и перестраивать свои специфические ресурсы. Рассмотрим подробнее, как реализуется данный механизм, и попытаемся разобраться с местом организационной культуры в нем.

Для формирования модели потенциально эволюционирующей экономической системы необходимо определить: единицу эволюции; механизм наследственности, включая носителя наследственной информации; механизм(ы) изменчивости, включая совокупность изменяющихся параметров выбранной единицы эволюции; критерии и механизмы отбора единиц эволюции и распространения удачных изменений в пространстве и во времени [1; 5]. В рамках эволюционной теории существует несколько подходов к выбору единицы эволюции. Для основоположников экономической эволюционной теории Р. Нельсона и С. Уинтера такой единицей выступает фирма как организм, являющийся носителем «генов», роль которых играют рутины [6; 6]. При этом основным объектом эволюционной экономики становится популяция фирм [5; 20].

Рутинa определяет возможное поведение объекта (хотя фактическое поведение определя-

ется и окружающей средой); она наследуется и подвержена отбору [8; 31]. Таким образом, рутина выступает как постоянно повторяющийся шаблон деятельности всей организации – гладкое, бессобытийное, эффективное функционирование индивида или организации. По мнению Р. Нельсона и С. Уинтера, рутина предстает как аналог умелого поведения индивидуумов, где под «умением» подразумевается «потенциальная возможность гладко осуществлять некоторую последовательность скоординированных действий, которая обычно является эффективной в смысле достижения своей цели, если эти действия производятся в нормальной для них обстановке» [8; 95, 145].

Системный анализ современной научной литературы по проблемам рутины позволяет некоторым исследователям дать следующее комплексное определение: рутина – это элементарный акт внутрифирменных изменений, характеризующий трансформацию отдельного элемента внутренней среды предприятия либо несколько коэволюционирующих элементов [15; 36]. По сути дела, в экономической теории рутина рассматривается как аналог культургена, впервые описанного в работах Ч. Ламсдена и А. Гушурста. Идея культургена получила свое развитие в публикациях Р. Докинза, который назвал его «мимом» и определил как минимальную целостную концептуальную единицу, хранящуюся в умах людей, а также внешних носителей информации, и распространяющуюся посредством общения либо другим способом передачи информации [21]. Гены в результате коадаптации часто образуют сцепленные группы генов, которые могут наследоваться только совместно. Мимы также могут образовывать мимоконплексы (целостные идейные парадигмы, включающие обязательный набор мимов). Репликатором для мима (а значит, и для рутины) является человеческое сознание.

После введения в анализ и тщательного изучения феномена рутины Р. Нельсон и С. Уинтер отталкиваются при создании своей эволюционной концепции от работы Й. Шумпетера «Теория экономического развития». Для них, как и для Й. Шумпетера, главной предпосылкой эволюционного развития экономической системы становятся инновации (изменение рутины). Производитель новых благ обладает, по Й. Шумпетеру, монопольным положением и способен самостоятельно выбирать ценовую стратегию. С помощью получения патентов и лицензий предприниматель может сохранять монополию на свою инновацию в течение такого срока, который достаточен для «амортизации» его усилий. Однако здесь возникает ряд проблем. Первая проблема состоит в том, что предпринимателю не всегда выгодно закреплять свою новацию в виде патентов и лицензий. Вторая проблема заключается в том, что институциональная инновация может не иметь характер

частного блага, представляя собой общественное благо [1; 95]. Производя общественное благо, предприниматель не может рассчитывать на получение прибыли: он оказывается не в состоянии взимать плату за пользование благом и контролировать его распространение. Обе проблемы разрешимы, если считать, что инновация может иметь характер клубного блага, то есть блага, круг пользователей которого можно поставить под контроль и ограничить. В этом случае такие инновации ограничиваются рамками организации. Имитации и распространению организационных инноваций за рамки структуры, контролируемой предпринимателем, мешает их закодированность в особом, присущем только данной организации языке и специфических процедурах [4; 102] (то есть, по сути дела, речь идет об организационной культуре). Вследствие этого организационные изменения для человека, не принадлежащего к данной организации, трудно не только воспроизвести, но и понять. Кроме того, возникает феномен коллективного знания, то есть части всего знания, существующего в организации, которой обладает только коллектив работников как целое (возникает явление эмерджентности, свойственное любым сложным самоорганизующимся системам). Коллективное измерение нового знания может перерастать пределы одной организации, что выражается в установлении устойчивых партнерских отношений между разными организациями – отношений, которые несводимы к конкуренции [10; 174–175]. Основой для поддержания данных специфических отношений становится фактор доверия. Отсюда следует, что организационная культура, с одной стороны, становится важнейшим фактором функционирования механизмов изменчивости и отбора мутирующих единиц, то есть может выступать в качестве среды, где протекает эволюционный процесс. С другой стороны, организационная культура может рассматриваться как «хранилище» рутин, то есть как генотип предприятия.

Использование организационной культуры позволяет сохранить частичный контроль над распространением инноваций даже в тех случаях, когда она выходит за рамки отдельной организационной структуры. Такая позиция оказывается близкой к позиции социального конструктивизма, в рамках которого культура трактуется как определенная система смыслов, возникающая в связи с интерпретацией организационных символов участниками организации. В процессе приписывания символам (артефактам и декларируемым ценностям) неких общих для группы значений конструируется организация как таковая, то есть формируются рутины, которые впоследствии стабилизируются в организационных структурах.

В рамках популяционно-генетического подхода считается, что логика развертывания базовых понятий эволюционной теории такова: гено-

тип → фенотип → адаптация → естественный отбор. В генотипе есть жесткая и мягкая компоненты. Фенотипические признаки, в свою очередь, также можно разделить на два класса: одни из них жестко определяются генотипом и не зависят от среды, другие лабильны и формируются под влиянием среды. Вновь приобретаемые фенотипические признаки определяются мягкой компонентой генотипа. Если проводить аналогию с деловой организацией, то «генотип» образуют рутины, привнесенные основателем или основателями бизнеса (мягкая компонента), а также рутины, имеющие свои истоки в национальной культуре (жесткая компонента). Фенотип организации во многом формируют рутины, определяемые отраслевой принадлежностью предприятия.

При анализе биологических систем исходят из того, что генотип определяет фенотип (то есть неверно, что наследуются приобретенные признаки, наследуются геномы, или, иначе, генетическое содержание родительских гамет). Не исключается обратное влияние фенотипа на генотип, но даже если это влияние имеет место, то оно касается лишь некоторых фенотипических черт. Как бы то ни было, о детерминации фенотипом генотипа в биологических системах известно очень немного. Относительно социальных систем это не так. Здесь имеет место наличие четкой обратной связи между фенотипом и генотипом. Применительно к фирме генотип можно определить как совокупность накопленной в культургенах информации, а фенотип – как совокупность всех внутренних и внешних признаков предприятия, сформировавшихся на базе генотипа и обусловленных им. Несомненно то, что даже жесткая компонента генотипа фирмы (рутины, сформировавшиеся под влиянием национальной культуры) может изменяться в случаях несоответствия фенотипа параметрам окружающей среды. Например, в случае укрупнения фирмы и расширения масштабов ее предпринимательской деятельности за рамки национальных границ возникает необходимость в найме работников, принадлежащих к другой социокультурной среде. Соответственно, в организации появляются рутины, определяемые иными национальными традициями и ценностями.

Некоторые исследователи считают, что между развитием человека и развитием современной организации возможны параллели. Геном человека включает в себя гены, расположенные в 23 хромосомах. Фр. Ж. Гуияра и Дж. Н. Келли исходят из того, что биокорпоративный геном определяет 12 хромосом, а преобразование бизнеса – это перепроектирование генетической архитектуры корпорации, которое достигается в результате одновременной работы (хотя и с разной скоростью) по четырем направлениям, образуемым этими хромосомами [2; 22–31].

1. Рефрейминг (сдвиг в представлении компании о том, чем она является сейчас и чего может достичь). Осуществляется благодаря

наличию трех хромосом: достижение мобилизации (процесс накопления умственной энергии, необходимой для поддержания преобразований); выработка видения перспективы (чувство цели); построение системы показателей для формирования чувства преданности.

2. Реструктуризация – достижение уровня эффективности, который позволяет компании быть конкурентоспособной. За этот процесс отвечают следующие хромосомы: построение экономической модели (аналог сердечно-сосудистой системы); упорядочивание физической инфраструктуры (аналог скелета); перепроектирование архитектуры работы (аналог мышечной системы).
3. Ревитализация (побуждение к росту), определяемая: концентрацией на потребностях рынка (система чувств); изобретением новых видов бизнеса (репродуктивная система); использованием информационных технологий (нервная система).
4. Обновление – обеспечение работников новыми навыками и новыми целями, чтобы компания могла регенерироваться. Зависит от следующих хромосом: разработка системы вознаграждения (чувство удовлетворения); организация индивидуального обучения (самоактуализация); развитие организации (чувство общности).

При этом Фр. Ж. Гуияр и Дж. Н. Келли отвергают возможность самоорганизации, считая, что СЕО и менеджмент выступают в качестве генетических «архитекторов» корпорации, то есть программируют генетический код фирмы. Такая позиция представляется спорной, так как руководство является составной частью компании, а не внешним наблюдателем наподобие ученых-генетиков (данное противоречие снимается учеными за счет представления фирмы в качестве живого существа, обладающего волей и *умеющего мыслить*). Тот факт, что менеджмент, стоящий во главе организации, формирует за нее ее цель, говорит только о том, что такой представляют себе (осознают) ее цель именно люди, стоящие во главе бизнеса. Организация же индивидов, не будучи разумным существом и потому не обладая сознанием, своей цели иметь (осознавать) не может [13; 160]. Топ-менеджмент может задавать цели и лишь способствовать движению компании в направлении их достижения (то есть обеспечивать условия для желательного генезиса), а само движение обуславливается процессами самоорганизации и многочисленными петлями прямых и обратных (положительных и отрицательных) связей. По сути дела, менеджеры должны решать две одновременные и взаимообуславливающие задачи – идентификация организации и управление ею. В условиях турбулентности внешней среды эти задачи могут быть решены лишь отчасти, путем упрощения параметров функционирования предприятия, что мы и наблюдаем во всех моде-

лях управления организационной культурой. В связи с этим искусство управления заключается в определении того, какая модель управления организационной культурой наиболее адекватно отражает ситуацию, в которой находится фирма.

В рамках синергетики выделяется две нормативные стратегии адаптации для разрешения противоречия между хаосом и порядком, между изменчивостью и устойчивостью – противостояние окружающей среде (механистические организации) и приспособление к окружающей среде (органические организации) [20]. Каждая из этих стратегий предлагает принципиально разные пути адаптации.

Механистический подход предполагает концентрацию усилий организации на удовлетворении системосберегающих потребностей: универсальность, предсказуемость, производительность, логичность, рациональность. Свои преимущества механистическая организация может реализовать при следующих условиях:

- относительно несложное и стабильное окружение;
- в организации известны общие цели и задачи;
- организационная мощь заключается в наращивании запасов ресурсов предприятия;
- работа в организации может делиться на отдельные операции;
- организационные цели должны быть достаточно простыми, чтобы позволить выполнить их на основе централизованного планирования;
- выполнение работы индивидом может достоверно измеряться;
- денежное вознаграждение мотивирует работника;
- власть руководителя признается законной;
- существует иерархическая структура управления;
- внутри организации существует конкуренция за ресурсы между работниками;
- официальная идеология формирует доверительное (альтруистичное) восприятие работниками руководства фирмы и конкурентное (эгоистичное) восприятие друг друга.

Органические организации возникают в относительно нестабильном и сложном окружении. Они направлены на удовлетворение системобразующих потребностей: инновационность, креативность, многообразие, эффективность. Ниже представлены характеристики органических организаций:

- неопределенность целей и задач организации;
- управление не по целям, а по ценностям;
- организационная мощь заключается в наращивании возможностей организации приспосабливаться к изменениям в окружающей среде;
- отсутствует четкая предметная специализация;
- многообразие и нечеткость целей предполагает децентрализацию управления;
- выполнение индивидом работы может оцениваться лишь в качественных показателях;

- работника мотивирует удовлетворение потребностей высшего уровня;
- признается власть лидера;
- создается гетерархическая структура управления;
- внутри организации поощряется командная работа и конкуренция между командами за идеи и новое знание;
- организационная идеология поощряет доверительные отношения между членами одной команды и эгоистические отношения между членами разных команд.

Реальные предприятия тяготеют к той или иной стратегии адаптации. Наиболее целесообразным представляется обращение к конкретной стратегии в зависимости от ситуации, в которой находится фирма, так как приверженность одному типу стратегии в долгосрочной перспективе может оказаться пагубной. Это связано с тем, что каждая из предложенных стратегий обладает как несомненными плюсами, так и минусами. Например, механистическая стратегия адаптации предполагает высокий уровень стабильности организации, ее «удаленность» от точки бифуркации, а значит, и состояния хаоса. Напротив, органическая стратегия приближает фирму к хаосу, но одновременно повышает ее инновационность. По этой причине эффективный менеджмент должен в пространственном и временном континуумах умело сочетать элементы обеих стратегий. Например, при осуществлении рутинной работы (в традиционном понимании этого слова) целесообразно использование централизованного (иерархического) управления, а при инновационной – децентрализованного (гетерархического). Для функциональных подразделений эффективно применение механистических принципов менеджмента, для творческих лабораторий – органических. В период организационного кризиса должны преобладать: для мобилизации ресурсов – принципы механицизма, для поиска новых альтернатив развития – принципы органицизма.

Побочными результатами эволюционного развития для предпринимательской системы могут стать [3; 187–188]:

- организационные патологии развития – оппортунизм среди работников предприятия;
- организационные парадоксы развития – риск неуправляемости организации в определенных ситуациях;
- организационные перерывы развития – приостановка развития компании в связи с распадом управленческой команды или возникновением разрушительных конфликтов;
- организационные откаты развития – ситуация, когда приходится замораживать какие-либо направления деятельности предприятия;
- организационные варианты квазиразвития – видимость развития компании (расширение ее деятельности), когда возникают многочисленные подставные дочерние фирмы.

Важнейшей характеристикой способности организации переходить или умело сочетать принципы органического и механистического управления является понятие пластичности. В философском плане пластичность определяет пределы изменчивости, при которых система еще способна сохранить свою целостность. В практическом – умение менеджмента предприятия ситуационно мыслить и использовать ту или иную стратегию адаптации в зависимости от состояния временных и пространственных параметров фирмы. Организации, в которых реализуется такой менеджмент, по праву могут называться самообучающимися, так как в зависимости от ситуации они сами генерируют соответствующую стратегию.

В результате влияния внешних факторов совокупность ценностей, формирующая организационную культуру, может претерпевать следующие изменения: появление новых ценностей; гибель старых ценностей; соединение ценностей; обмен ценностями; замещение ценностей. При этом сама организационная культура может усложняться (синергообразование) или упрощаться (деструктуризация).

Обращение к параметру времени требует упомянуть идеи, базирующиеся на телеологической логике, которые конструктивно дополняют эволюционный подход к изучению организационной культуры на уровне отдельной фирмы. Наиболее известная из них – концепция жизненного цикла, развиваемая в работах И. Адизеса [18]. Организация рассматривается как социальный организм, развивающийся и функционирующий по своим законам. Главным законом здесь становится закон онтогенеза – прохождение организацией определенных стадий развития, располагающихся между двумя точками – рождением и гибелью. В соответствии с каждым этапом жизненного цикла претерпевает изменения и организационная культура. Э. Шайн считает, что проблемы организационной культуры проявляются по-разному на различных стадиях жизни организации. При этом ученый выделяет три стадии – рождение (ранний рост), середина жизни организации, организационная зрелость [17; 217].

В заключение отметим, что развитие организационной культуры как сложной и противоречивой субъективно-объективной категории возможно тремя путями:

- «естественный отбор» – в процессе эволюции организационной культуры «выживают» как сильные системы, так и более слабые. Вероятность выживания будет выше у более приспособленных. Такой путь, как правило, реализуется в небольших предпринимательских системах (некрупных фирмах), где руководство компании не акцентирует свое внимание на управлении организационной культурой (отсутствуют выраженные в явном и, прежде всего, формализованном виде стратегия и тактика управления организационной культурой);
- «искусственный отбор» – руководство отсележивает и отбирает системы с необходимыми признаками. Например, на работу принимаются люди с заранее заданными ценностными установками и увольняются те из них, у кого данные установки не наблюдаются. Через механизмы поощрения и наказания культивируются те модели поведения работников предприятия, которые приветствуются руководством и закреплены как приоритетные в стратегических и тактических документах фирмы. Подобная модель характерна для крупных компаний, работающих в относительно несложном и стабильном окружении;
- «целевой отбор» – интенсивное обучение работников чередуется с жестким отбором. В результате остаются более подготовленные работники, которые, добавив к полученным знаниям опыт, сами могут проводить подготовку и обучение как самих себя, так и других работников на еще более высоком уровне. Такая модель реализуется в самообучающихся организациях, то есть наиболее передовых фирмах современности. Изменения в таких компаниях носят целевой характер. В рассмотренных до этого моделях (модели «естественного» и «искусственного» отбора) организационные изменения в результате отбора стохастичны, так как они могут как приближать фирму к идеалу, так и отдалять от него.

Статья написана при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, номер гранта 07-02-42202а/С.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Введение в институциональный анализ / Под ред. В. Л. Тамбовцева. М.: ТЕИС, 1996. 170 с.
2. Гуиар Фр. Ж., Келли Дж. Н. Преобразование организации: Пер. с англ. М.: Дело, 2000. С. 22–31.
3. Красовский Ю. Д. Социокультурные основы управления бизнес-организацией. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007. 391 с.
4. Лукша П., Белоусенко М. Экономическая организация на пути к синтетической теории // Вопросы экономики. 2006. № 2. С. 99–115.
5. Макаров В. О применении метода эволюционной экономики // Вопросы экономики. 1997. № 3. С. 18–26.
6. Моделирование эволюции экономических систем / Под ред. В. Л. Тамбовцева. М.: Изд-во МГУ, 1997. 184 с.
7. Моль А. Социодинамика культуры. М.: Директ медиа Паблшинг, 2007. 787 с.
8. Нельсон Р. Р., Уинтер С. Дж. Эволюционная теория экономических изменений. М.: ЗАО «Финстатинформ», 2000. 474 с.

9. Нестеренко А. Современное состояние и основные проблемы институционально-эволюционной теории // Вопросы экономики. 1997. № 3. С. 42–57.
10. Сапир Ж. Экономическая культура, технологическая культура, организационная культура (Материалы к интерпретации экономической истории России и СССР) // Истоки. Вып. 3. М.: ГУ-ВШЭ, 1998. С. 174–175.
11. Сытник К. М., Крисаченко В. С. Актуальные вопросы эволюционного учения // Методологические аспекты эволюционного учения: Сб. науч. трудов. Киев: Наукова думка, 1986. С. 6–19.
12. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой: Пер. с англ. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 147–153.
13. Хайтун С. Д. Социальная «разумная система» как эволюционная угроза человеку // Общественные науки и современность. 2008. № 2. С. 156–166.
14. Хиценко В. Е. Эволюционный менеджмент // Менеджмент в России и за рубежом. 2000. № 1. С. 3–12.
15. Хмелькова Н. В. Жизненные циклы рутин внутренней среды предприятия: Дис... канд. экон. наук. М., 2005.
16. Ходжсон Дж. Социально-экономические последствия прогресса знаний и нарастания сложности // Вопросы экономики. 2001. № 8. С. 32–45.
17. Шайн Э. Организационная культура и лидерство: Пер. с англ. 3-е изд. СПб.: Питер, 2007. 464 с.
18. Adizes I. *Managing Corporate Lifecycles: How and why corporations grow and die and what to do about it.* N. J.: Prentice Hall, 2006. 384 p.
19. Bernheim B. A Theory of Conformity // *Journal of Political Economy*. 1994. № 102 (5). P. 841–877.
20. Burns T., Stalker G. *Management of innovation.* 4-ed. Oxford: Oxford University Press, 1994. 312 p.
21. Dawkins R. *The selfish gene, revised edn.* Oxford: Oxford University Press, 1990. 368 p.
22. Kwantes C. T., Boglarsky C. A. Do Occupational Groups Vary in Expressed Organizational Culture Preferences? A Study of Six Occupations in the United States // *Cross Cultural Management*. 2004. № 4 (3). P. 335–354.
23. Lazear E. Corporate Culture and the Diffusion of Values // *Trends in Business Organization*. Tubingen: J. C. B. Mohr, 1995. P. 88–133.
24. Martin J., Frost P. The Organizational Culture War Games: A Struggle for Intellectual Dominance // *Studying Organization: Theory & Method* / S. R. Clegg, C. Hardy (Eds.). Thousand Oaks, CA.: Sage, 1999. P. 599–621.

ЕВГЕНИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ БЕЛЫЙ

кандидат технических наук, доцент кафедры математического моделирования систем управления математического факультета ПетрГУ
belyi@psu.karelia.ru

О КЛАССЕ ДОПУСТИМЫХ ФУНКЦИЙ ПОЛЕЗНОСТИ ДЕНЕГ

В статье исследуются свойства моральных ожиданий, порожденных различными функциями полезности денег. На основании этих свойств формулируются требования, ограничивающие класс допустимых функций полезности. Ключевые слова: функция полезности, моральное ожидание, функция Фридмена

Термин «полезность» как цель потребления того или иного блага впервые применил в экономической теории английский философ и социолог Джереми Бентам. В дальнейшем в работах немецкого экономиста, предшественника математической школы в политической экономии Германа Госсена и английского экономиста Альфреда Маршалла теория полезности была математически обоснована, и под полезностью стали фактически подразумевать некоторую меру полезности как функцию количества блага. При этом к функции полезности предъявлялись следующие требования [4; 155–179]:

- возрастание полезности: с увеличением количества блага его полезность растет;
- убывание предельной полезности: с увеличением количества потребляемого блага полезность каждой следующей его порции снижается.

Пусть $z = f(x)$ – произвольная функция полезности, где x – количество некоторого блага, а z – его полезность. Тогда функция $f(x)$ должна удовлетворять условиям:

$$f'(x) > 0 \text{ и } f''(x) < 0. \quad (1)$$

Таким образом, функция полезности любого блага должна быть возрастающей и выпуклой вверх. Функцию полезности такого вида мы будем называть классической. До сих пор, за редким исключением, при построении математических моделей в экономике требования (1) для функции полезности считают очевидными.

И все же около пятидесяти лет назад американский экономист, лауреат Нобелевской премии по экономике 1976 года Милтон Фридмен [6] «испортил» классическую кривую полезности для такого блага, как деньги, отбросив второе из условий (1). Таким образом, график функции полезности Фридмена может иметь как участки, выпуклые вверх, так и участки, выпуклые вниз. Однако в известной автору литературе нет ответа на вопросы: любая ли удовлетворяющая условиям (1) функция может быть классической функцией полезности и любая ли возрастающая функция может быть функцией Фридмена?

В данной статье автор формулирует условия, выполнение которых для функций полезности денег позволяет получать оценки жребия, адекватные поведению реальных экономических субъектов. При этом, отталкиваясь от класса

степенных функций полезности, мы построим более широкий класс таких функций, имеющих участки выпуклости как вверх, так и вниз.

1. ФУНКЦИЯ ПОЛЕЗНОСТИ И МОРАЛЬНОЕ ОЖИДАНИЕ

Прежде всего отметим, что еще в 1738 году швейцарский математик Даниил Бернулли фактически построил логарифмическую функцию полезности (не используя термин «полезность») при решении задач, в которых жребий нельзя оценивать по математическому ожиданию [1].

Пример: Вам достался жребий, который с равной вероятностью должен принести выигрыш в сорок тысяч долларов или ничего. Хотя по математическому ожиданию жребий оценивается в двадцать тысяч, многие поступят разумно, согласившись продать его за восемнадцать тысяч долларов.

Бернулли предположил, что элементарное приращение состояния дает увеличение полезности состояния на величину, пропорциональную этому приращению и обратно пропорциональную величине состояния:

$$dZ = k \cdot \frac{dC}{C}, \quad (2)$$

где C – текущее состояние, Z – его полезность, k – коэффициент пропорциональности. С точки зрения здравого смысла такое предположение естественно. Дополнительная тысяча долларов для малообеспеченного человека покажется очень даже значительной суммой, но миллионер такое приращение своего состояния просто не почувствует. Пользуясь свободой в выборе шкалы, положим $k=1$. Взяв одно из решений уравнения (2), примем за функцию полезности денег $Z = \ln(C)$. Пусть теперь в некоторой игре величина выигрыша принимает значения x_i с вероятностями p_i , где $i = 1, 2, \dots, n$, C – состояние игрока до начала игры. Тогда математическое ожидание полезности примет вид:

$$\ln(\bar{x} + C) = \sum_{i=1}^n p_i \cdot \ln(x_i + C),$$

где \bar{x} – оценка выигрыша. Впоследствии французский математик Пьер Симон Лаплас назвал эту оценку моральным ожиданием. Из последнего равенства следует

$$\bar{x} = \prod_{i=1}^n (x_i + C)^{p_i} - C. \quad (3)$$

Естественно напрашивается обобщение на случай, когда элементарное приращение состояния дает увеличение полезности состояния на величину, пропорциональную этому приращению и обратно пропорциональную некоторой

степени состояния q , где $q \in [0; 1]$ – вещественная константа. Тогда мы приходим к классу функций полезности денег вида $f(C) = C^s$. Такие примеры функций полезности приведены, например, у В. И. Малыхина [3; 194–205]. Моральное ожидание порядка $s \in (0; 1]$ можно определить следующим образом:

Определение 1: Моральным ожиданием порядка s случайной величины x при состоянии C будем называть величину

$$M_r^{(s)}(x, C) = \bar{x} = \left(\sum_i p_i (x_i + C)^s \right)^{\frac{1}{s}} - C. \quad (4)$$

Математическое ожидание, как обычно, будем обозначать \bar{x} или $M(x)$. Заметим, что моральное ожидание в смысле (3) является частным случаем морального ожидания в смысле (4), так как

$$\lim_{s \rightarrow 0} M_r^{(s)}(x, C) = \prod_i (x_i + C)^{p_i} - C.$$

То есть определение (4) можно распространить на случай $s=0$. Все рассмотренные степенные функции полезности, как и логарифмическая, удовлетворяют условиям (1). Для таких функций математическое ожидание полезности жребия всегда меньше, чем полезность гарантированной суммы $M(x)$. Таким образом, жребий выгодно продать за сумму, меньшую его математического ожидания. Любая «честная» игра становится невыгодной, если под таковой понимать игру, в которой математическое ожидание выигрыша равно плате за участие в игре. Однако люди не только играют в «честные» азартные игры, но и покупают лотерейные билеты, когда стоимость билета выше математического ожидания выигрыша! Последнее явилось поводом усомниться в правомерности допущения о том, что кривая полезности денег всегда выпукла вверх. Утверждения о неправильной оценке игроком своих шансов на выигрыш звучат малоубедительно. Тем более, что лотерейные билеты часто приобретают вполне рассудительные и осторожные люди. Один и тот же человек может страховать себя, свой дом и машину от всех возможных неприятных случайностей, то есть платить деньги за избавление от рисков, но одновременно покупать лотерейные билеты.

Предположение Фридмана о наличии на кривой полезности выпуклых вниз участков позволяет адекватно описать поведение игрока, который платит за жребий сумму, большую его математического ожидания. Насколько разумно его поведение? Представим себе человека, не имеющего собственной квартиры и вынужденного снимать жилье. С ростом состояния этого человека будет расти и полезность состояния. Рост полезности, возможно, до некоторых пор будет выражаться в том, что человек начнет

лучше питаться и одеваться, увеличит расходы на организацию досуга. Допустим, его текущие доходы, накопления растут со временем. Однако он пока остается человеком без собственного жилья и ему, естественно, хочется поскорее изменить этот статус. Наверное, рано или поздно он станет собственником квартиры, но человеческая жизнь не настолько длинна, чтобы долго ждать. И вот, с некоторого момента, когда он вплотную приблизится к заветной цели, каждый следующий рубль будет для него все более значимым. Кривая полезности становится выпуклой вниз! Наконец, наибольшую полезность принесет тот рубль, после которого он сможет купить квартиру. Именно с этого момента его благосостояние изменится принципиально. Он сможет пользоваться благом, доселе для него недоступным. Таким образом, в процессе роста состояния индивида наблюдаются как периоды плавного роста полезности, соответствующие выпуклой вверх функции полезности денег, так и периоды быстрого роста, когда функция полезности выпукла вниз и происходит изменение статуса индивида. Изменение статуса происходит относительно быстро, поскольку нельзя, например, плавно из человека, не имеющего автомобиля, сделаться человеком, имеющим автомобиль. Нельзя постепенно стать собственником особняка или яхты. Следовательно, разумно заплатить небольшую сумму за участие в игре, если в результате индивид получит возможность повысить свой статус до уровня, до которого «своим ходом» он, может быть, не поднимется за всю жизнь.

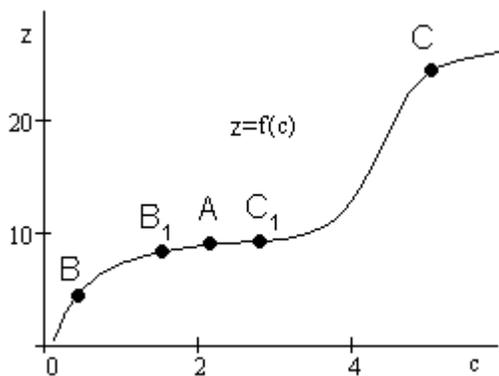

График функции Фриденмана

Пусть в данный момент состояние индивида соответствует точке A на рисунке. Тогда он согласится заплатить некоторую сумму за то, чтобы застраховаться от маловероятной возможности оказаться в точке B, где его благосостояние окажется явно ниже. С другой стороны, он может также заплатить некоторую сумму за участие в игре, если в результате он получит возможность с небольшой вероятностью оказаться в точке C. Таким образом, человек может страховать себя от всевозможных рисков заметного

снижения своего статуса и одновременно участвовать в лотереях. Он может продать один жребий за сумму, меньшую его математического ожидания, и одновременно купить другой жребий за сумму, большую его математического ожидания. При этом в обоих случаях он поступит разумно, если расходы на страхование от риска и на участие в игре не приведут к заметному снижению полезности, то есть если индивид не окажется значительно ниже точки A на кривой полезности. Заметим, что неразумно было бы платить за страховку от риска оказаться в точке B₁. Неразумно платить за игру, когда маловероятный выигрыш передвинет игрока по кривой полезности всего лишь в точку C₁. Наконец, если бы вероятность оказаться в точке B была большой, никто не согласился бы страховать риск индивидуума за приемлемую для него денежную сумму. И соответственно, если бы в игре вероятность попасть в точку C была большой, лотерейный билет должен был бы стоить огромные деньги.

Таким образом, разумное поведение индивида допускает умеренную плату за страхование риска маловероятных больших потерь и за игру с маловероятным большим выигрышем.

Выпуклые вниз участки кривой полезности можно также описать функциями $f(C) = C^s$, где $s \in (1; +\infty)$. Соответственно можно распространить определение морального ожидания (4) на случай $s \in [0; +\infty)$. В дальнейшем в таких случаях мы будем говорить, что моральное ожидание порождено соответствующей функцией полезности или что функция является определяющей для морального ожидания.

В работе Бернулли [1] для логарифмической функции полезности отмечено, что моральное ожидание меньше математического и в пределе при стремлении состояния к бесконечности стремится к математическому. Однако мы не встретили работ, в которых исследовались бы другие важные свойства морального ожидания. Поэтому мы выделили наиболее важные с нашей точки зрения свойства.

2. СВОЙСТВА МОРАЛЬНОГО ОЖИДАНИЯ ПОРЯДКА $s \in [0; +\infty)$

I. Моральное ожидание строго монотонно возрастает с ростом его порядка:

$$M_r^{(s)}(x, C) < M_r^{(r)}(x, C), \text{ если } 0 \leq s < r.$$

Доказательство: Если $z > 0$ и функция $q(z)$ выпукла вниз, то выполняется неравенство Йенсена [2; 93–94]: $q(M(z)) \leq M(q(z))$. Возьмем в качестве $q(z)$ выпуклую вниз функцию z^t , где $t > 1$. Тогда неравенство Йенсена примет вид $[M(z)]^t \leq M(z^t)$. Равенство достигается в случае, когда случайная величина перестает быть таковой и принимает только одно значение. Такой

случай мы исключим. Введем замену переменных $z = x^s$ и $t = \frac{r}{s}$. Как отмечено выше, $s < r$ и условие $t > 1$ выполняется. Значит,

$$\left[M(x^s) \right]^{\frac{1}{s}} < M\left(x^{\frac{r}{s}}\right) \text{ или } \left[M(x^s) \right]^{\frac{1}{s}} < \left[M(x^r) \right]^{\frac{1}{r}}.$$

Заменяя x на $x + C$ и отняв C от левой и правой частей полученного неравенства, получим $M_r^{(s)}(x, C) < M_r^{(r)}(x, C)$, что и требовалось доказать.

II. Моральное ожидание строго монотонно возрастает с ростом величины состояния C при $s \in [0; 1)$ и строго монотонно убывает при $s \in (1; +\infty)$. При $s = 1$ $M_r^{(s)}(x, C)$ не зависит от C и равно математическому ожиданию. Таким образом, если $C_1 < C_2$, то

$$M_r^{(s)}(x, C_1) < M_r^{(s)}(x, C_2) \text{ при } s \in (0; 1),$$

$$M_r^{(s)}(x, C_1) = M_r^{(s)}(x, C_2) = M(x) \text{ при } s = 1,$$

$$M_r^{(s)}(x, C_1) > M_r^{(s)}(x, C_2) \text{ при } s \in (1; +\infty).$$

Доказательство: пусть $s \in (0; 1)$.

$$\begin{aligned} \frac{d}{dC} M_r^{(s)}(x, C) &= \frac{d}{dC} \left(\left[M \left[(x+C)^s \right] \right]^{\frac{1}{s}} - C \right) = \\ &= \left[M \left[(x+C)^s \right] \right]^{\frac{1-s}{s}} \cdot M \left[(x+C)^{s-1} \right] - 1. \end{aligned}$$

Таким образом, $\frac{d}{dC} M_r^{(s)}(x, C) > 0$ тогда и только тогда, когда

$$\left(M \left[(x+C)^s \right] \right)^{\frac{1}{s}} \cdot \left(M \left[\left(\frac{1}{x+C} \right)^{1-s} \right] \right)^{\frac{1}{1-s}} > 1.$$

Среднее взвешенное арифметическое любой положительной величины всегда больше или равно среднему взвешенного гармонического. Причем равенство достигается только тогда, когда все значения величины совпадают. Последний случай мы можем сразу исключить как не представляющий интереса.

$$\text{Тогда } M(z) > \left(M \left(\frac{1}{z} \right) \right)^{-1} \text{ или } M(z) \cdot M \left(\frac{1}{z} \right) > 1.$$

Воспользуемся доказанным в предыдущем пункте неравенством $\left[M(z^s) \right]^{\frac{1}{s}} \leq \left[M(z^r) \right]^{\frac{1}{r}}$, если $s < r$.

При $s < 1-s$

$$\left(M \left[(x+C)^s \right] \right)^{\frac{1}{s}} \cdot \left(M \left[\left(\frac{1}{x+C} \right)^{1-s} \right] \right)^{\frac{1}{1-s}} >$$

$$> \left(M \left[(x+C)^s \right] \right)^{\frac{1}{s}} \cdot \left(M \left[\left(\frac{1}{x+C} \right)^s \right] \right)^{\frac{1}{s}} > 1.$$

В случае, когда $s > 1-s$,

$$\begin{aligned} &\left(M \left[(x+C)^s \right] \right)^{\frac{1}{s}} \cdot \left(M \left[\left(\frac{1}{x+C} \right)^{1-s} \right] \right)^{\frac{1}{1-s}} > \\ &> \left(M \left[(x+C)^{1-s} \right] \right)^{\frac{1}{1-s}} \cdot \left(M \left[\left(\frac{1}{x+C} \right)^{1-s} \right] \right)^{\frac{1}{1-s}} > 1. \end{aligned}$$

Таким образом, для случая $s \in [0; 1)$ свойство доказано. Для случая $s \in (1; +\infty)$ доказательство аналогично.

III. Предел морального ожидания при состоянии C , стремящемся к бесконечности, равен математическому ожиданию:

$$\lim_{C \rightarrow \infty} M_r^{(s)}(x, C) = M(x).$$

Доказательство:

$$\begin{aligned} \lim_{C \rightarrow \infty} M_r^{(s)}(x, C) &= \lim_{C \rightarrow \infty} \left(\left(\sum_i p_i \cdot (x_i + C)^s \right)^{\frac{1}{s}} - C \right) = \\ &= \lim_{C \rightarrow \infty} \left(C \cdot \left(\sum_i p_i \cdot \left(1 + \frac{x_i}{C} \right)^s \right)^{\frac{1}{s}} - C \right) = \\ &= \lim_{C \rightarrow \infty} \left(C \cdot \left(\sum_i p_i \cdot \left(1 + \frac{s \cdot x_i}{C} + o \left(\frac{1}{C} \right) \right) \right)^{\frac{1}{s}} - C \right), \end{aligned}$$

где, как обычно, $o(\alpha)$ – произвольная бесконечно малая величина более высокого порядка, чем

$$\alpha: \lim_{\alpha \rightarrow 0} \frac{o(\alpha)}{\alpha} = 0.$$

$$\begin{aligned} \lim_{C \rightarrow \infty} M_r^{(s)}(x, C) &= \lim_{C \rightarrow \infty} \left(C \cdot \left(1 + \frac{s}{C} \cdot \sum_i p_i \cdot x_i + o \left(\frac{1}{C} \right) \right)^{\frac{1}{s}} - C \right) = \\ &= \lim_{C \rightarrow \infty} \left(C \cdot \left(1 + \frac{1}{C} \cdot \sum_i p_i \cdot x_i + o \left(\frac{1}{C} \right) \right) - C \right) = \sum_i p_i \cdot x_i = M(x), \end{aligned}$$

что и требовалось доказать.

IV. При значении порядка $s \in [0; 1)$ моральное ожидание строго меньше математического: $M_r^{(s)}(x, C) < M(x)$, при $s = 1$ – равно математическому: $M_r^{(s)}(x, C) = M(x)$, а при $s \in (1; +\infty)$ моральное ожидание строго больше математического: $M_r^{(s)}(x, C) < M(x)$.

Доказательство: согласно доказанному выше, при $s \in [0; 1)$ моральное ожидание строго монотонно возрастает с ростом состояния C , и его

предел при стремлении C к бесконечности равен математическому ожиданию. Значит, при любом конечном значении состояния C должно выполняться неравенство $M_r^{(s)}(x, C) < M(x)$. Для случая $s \in (1; +\infty)$ доказательство аналогично.

V. Моральное ожидание суммы случайной величины и константы

$$M_r^{(s)}(x + a, C) = M_r^{(s)}(x, C + a) + a,$$

где a – произвольная вещественная константа. Доказательство:

$$\begin{aligned} M_r^{(s)}(x + a, C) &= \left(\sum_i p_i \cdot (x_i + a + C)^s \right)^{1/s} - C = \\ &= \left(\sum_i p_i \cdot (x_i + (C + a))^s \right)^{1/s} - (C + a) + a = M_r^{(s)}(x, C + a) + a, \end{aligned}$$

что и требовалось доказать.

VI. Моральное ожидание произведения случайной величины на константу

$$M_r^{(s)}(a \cdot x, C) = a \cdot M_r^{(s)}\left(x, \frac{C}{a}\right),$$

где a – произвольная положительная вещественная константа.

Доказательство:

$$\begin{aligned} M_r^{(s)}(a \cdot x, C) &= \left(\sum_i p_i \cdot (a \cdot x_i + C)^s \right)^{1/s} - C = \\ &= a \cdot \left(\sum_i p_i \cdot \left(x_i + \frac{C}{a}\right)^s \right)^{1/s} - C = a \cdot \left(\left(\sum_i p_i \cdot \left(x_i + \frac{C}{a}\right)^s \right)^{1/s} - \frac{C}{a} \right) = \\ &= a \cdot M_r^{(s)}\left(x, \frac{C}{a}\right), \end{aligned}$$

что и требовалось доказать.

VII. Замена одной «большой» игры на множество «маленьких»:

$$\lim_{k \rightarrow \infty} k \cdot M_r^{(s)}\left(\frac{x}{k}, C\right) = M(x),$$

где k – натуральное число.

Это свойство является следствием свойств III и VI и означает, что при замене одной игры на k игр, в которых все выигрыши в k раз меньше, и при устремлении k к бесконечности оценка выигрышей в k играх будет стремиться к математическому ожиданию. Поскольку из непрерывности и монотонного возрастания функций полезности рассмотренного класса по теореме Лебега [5; 15–16] следует их дифференцируемость (почти всюду), мы можем свойство VII вывести непосредственно из дифференцируемости функции полезности. Однако свойство следует зафиксировать, поскольку в дальнейшем оно может оказаться полезным при обобщении теории.

Доказательство: в равенстве пункта VI заменим величину a на $\frac{1}{k}$.

Тогда

$$\begin{aligned} M_r^{(s)}\left(\frac{x}{k}, C\right) &= \frac{1}{k} M_r^{(s)}(x, k \cdot C) \text{ и} \\ k \cdot M_r^{(s)}\left(\frac{x}{k}, C\right) &= M_r^{(s)}(x, k \cdot C). \end{aligned}$$

При $k \rightarrow \infty$ получим:

$$\lim_{k \rightarrow \infty} k \cdot M_r^{(s)}\left(\frac{x}{k}, C\right) = \lim_{k \rightarrow \infty} M_r^{(s)}(x, k \cdot C) = M(x).$$

Последнее следует из свойства III, так как $k \cdot C \rightarrow \infty$.

VIII. Моральное ожидание функции двух случайных величин

$$M_r^{(s)}(f(x, y), C) = M_r^{(s)}\left[M_r^{(s)}\left(f(x, y) \Big|_x, C\right), C\right],$$

где $M_r^{(s)}\left(f(x, y) \Big|_x, C\right)$ – условное моральное ожидание $f(x, y)$ при фиксированном значении x .

Доказательство: пусть выигрыш является функцией $f(x, y)$ двух случайных величин x и y и известны вероятности $p_{i,j}$ появления всех пар (x_i, y_j) , где $i = 1, 2, \dots, n$, а $j = 1, 2, \dots, m$, а n и m – натуральные числа. Обозначим p_i – вероятность появления значения x_i и $p_{j|i}$ – вероятность появления y_j , при условии, что в паре присутствует x_i . Тогда $p_{i,j} = p_i \cdot p_{j|i}$.

$$\begin{aligned} M_r^{(s)}(f(x, y), C) &= \left[\sum_{i,j} p_{i,j} \cdot (f(x_i, y_j) + C)^s \right]^{1/s} - C = \\ &= \left[\sum_i p_i \cdot \sum_j p_{j|i} \cdot (f(x_i, y_j) + C)^s \right]^{1/s} - C = \\ &= \left[\sum_i p_i \cdot \left[\sum_j p_{j|i} \cdot (f(x_i, y_j) + C)^s \right]^{1/s} - C + C \right]^{1/s} - C = \\ &= \left[\sum_i p_i \cdot \left(M_r^{(s)}\left(f(x, y) \Big|_x, C\right) + C \right)^s \right]^{1/s} - C = \\ &= M_r^{(s)}\left[M_r^{(s)}\left(f(x, y) \Big|_x, C\right), C\right]. \end{aligned}$$

Следовательно, моральное ожидание функции двух случайных величин равно моральному

ожиданию условного морального ожидания при фиксации одной из величин.

Моральное ожидание легко обобщить на случай случайной величины x , распределенной на некотором интервале $[a; b]$. Пусть $\varphi(x)$ – плотность распределения. Тогда

$$M_r^{(s)}(x, C) = \bar{x} = \left(\int_a^b \varphi(x) \cdot (x+C)^s dx \right)^{\frac{1}{s}} - C.$$

Изложенные в этом разделе свойства морального ожидания, очевидно, выполняются и в случае непрерывно распределенной случайной величины.

3. ОБОБЩЕННОЕ МОРАЛЬНОЕ ОЖИДАНИЕ. МАКЕТЫ МОРАЛЬНОГО ОЖИДАНИЯ И ДОПУСТИМЫЕ ФУНКЦИИ ПОЛЕЗНОСТИ ДЕНЕГ

Прежде всего зададимся вопросом: какой минимальный набор свойств морального ожидания должен выполняться для любой оценки жребия такого рода? Свойства I, II и IV имеют смысл только для степенных определяющих функций. Свойства V и VIII сохраняются при любой определяющей функции. Таким образом, остаются свойства III и VI. Седьмое свойство является их следствием. Теперь дадим новое определение морального ожидания.

Определение 2: Будем считать $f(C)$ допустимой функцией полезности денег, если она непрерывна, строго монотонно возрастает и величина

$$M_r^{(f)}(x, C) = f^{-1} \left[\sum_{i=1}^n p_i \cdot f(x_i + C) \right] - C \quad (5)$$

удовлетворяет условиям:

- $\lim_{C \rightarrow \infty} M_r^{(f)}(x, C) = M(x)$.
- $M_r^{(f)}(a \cdot x, C) = a \cdot M_r^{(f)}\left(x, \frac{C}{a}\right)$,

где a – произвольная положительная вещественная константа.

Если приведенные выше условия выполнены, будем называть величину $M_r^{(f)}(x, C)$ моральным ожиданием, порожденным функцией $f(C)$, а функцию $f(C)$ – определяющей функцией для морального ожидания $M_r^{(f)}(x, C)$.

Вспомним, что из последнего свойства следует

$$\lim_{k \rightarrow \infty} k \cdot M_r^{(s)}\left(\frac{x}{k}, C\right) = M(x).$$

Следовательно, такое определение отражает ситуации, которые мы наблюдаем в повседневной жизни: когда жребий при большом состоянии или выигрыш в множестве незначительных по отдельности игр оценивают по математическому ожиданию. Фиксация в определении 2 таких свойств морального ожидания имеет принципи-

альное значение. В соответствии с определением 2 не любая удовлетворяющая условиям (1) функция может быть классической функцией полезности и не любая возрастающая функция может оказаться функцией Фридмана.

Заметим, что если $f(C)$ – функция полезности, то функция $k \cdot f(C) + a$, где $k \neq 0$ и a – произвольные вещественные константы, будет функцией полезности, порождающей то же моральное ожидание, что и функция $f(C)$. Иначе говоря, достаточно задать функцию полезности с точностью до параллельного переноса и гомотетии (то есть растяжения) вдоль оси OZ.

Положим, $f(x_1) = z_1$ и $f(x_2) = z_2$, где $x_2 > x_1 > 0$ и $z_2 > z_1 > 0$. Тогда моральному ожиданию любого порядка $s \in [0; +\infty)$ соответствует единственная определяющая функция, график которой проходит через точки с координатами (x_1, z_1) и (x_2, z_2) . При $C = 0$, $\rho \in [0; 1]$ и двух заданных выше значениях случайной величины x равенство (5) примет вид

$$M_r^{(f)}(x, 0) = f^{-1} \left[(1-\rho) \cdot f(x_1) + \rho \cdot f(x_2) \right].$$

Определение 3: Макетом морального ожидания, порожденного функцией полезности $f(C)$, будем называть функцию

$$\varphi(\rho) = f^{-1} \left[(1-\rho) \cdot z_1 + \rho \cdot z_2 \right]. \quad (6)$$

Поскольку функция полезности строго монотонно возрастает, функция $\varphi(\rho)$ также должна строго монотонно возрастать с ростом ρ . При этом $\varphi(0) = x_1$, а $\varphi(1) = x_2$. По макету морального ожидания легко восстановить исходную функцию полезности. Действительно, $f(\varphi(\rho)) = (1-\rho) \cdot f(x_1) + \rho \cdot f(x_2) = (1-\rho) \cdot z_1 + \rho \cdot z_2$, и функцию $z = f(C)$ можно задать в параметрической форме:

$$\begin{cases} C = \varphi(\rho) \\ z = (1-\rho) \cdot z_1 + \rho \cdot z_2 \end{cases},$$

где можно считать $\rho \in [0; +\infty)$. (7)

Обозначим макет морального ожидания порядка s , как

$$\varphi^{(s)}(\rho) = \left[(1-\rho) \cdot x_1^s + \rho \cdot x_2^s \right]^{1/s}.$$

Теперь дополним множество макетов порядка s всеми возможными их средними.

Например, величина

$$\varphi(\rho) = \left[0,2 \cdot \left[\varphi^{(s)}(\rho) \right]^{-2} + 0,8 \cdot \left[\varphi^{(r)}(\rho) \right]^{-2} \right]^{\frac{1}{2}},$$

где $s, r \in [0; +\infty)$ и $s < r$, при любом ρ будет принадлежать интервалу $(\varphi^{(s)}(\rho), \varphi^{(r)}(\rho))$. На плоскости через каждую точку открытого прямоугольника, ограниченного линиями $\rho = 0, \rho = 1, x = x_1$ и $x = x_2$, проходит график единственной функции семейства $C = \varphi^{(s)}(\rho)$. Графики полученных из макетов порядка s и r средних расположены в полосе между графиками $C = \varphi^{(s)}(\rho)$ и $C = \varphi^{(r)}(\rho)$, но могут пересекать графики функций исходного семейства. Функции $\varphi(\rho)$ можно создавать и как средние более сложного вида. Например,

$$\varphi(\rho) = \left[\int_{-\infty}^{+\infty} \psi(s) \cdot [\varphi^{(s)}(\rho)]^r \cdot ds \right]^{1/r},$$

где $\psi(s) \geq 0$, $\int_{-\infty}^{+\infty} \psi(s) \cdot ds = 1$ и $r \in (-\infty; +\infty)$.

Наконец, средние макеты, полученные из средних, а также путем всевозможных предельных переходов по последовательностям средних, также будут макетами. Таким образом, отталкиваясь от макетов порядка s , мы можем получить довольно широкий класс макетов.

Любой средней моральных ожиданий случайной величины однозначно соответствует такая же средняя величина макета. Средняя величина любого порядка $r \in (-\infty; +\infty)$ моральных ожиданий сохраняет свойства морального ожидания и таким образом также является моральным ожиданием. Определяющую функцию полезности для такого морального ожидания можно восстановить по макету. Эта функция может иметь как участки выпуклости вверх, так и участки выпуклости вниз. Однако исследование участков выпуклости построенных таким образом функций выходит за рамки данной статьи.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

1) Условий (1) недостаточно для корректного определения классической функции полезности, и не любая функция, удовлетворяющая первому из условий (1), может быть функцией Фридмена.

2) Функция полезности должна порождать моральное ожидание, удовлетворяющее свойствам, зафиксированным в определении 2.

3) Мы можем, отталкиваясь от исходного класса показательных функций, конструировать новые функции полезности с различными участками выпуклости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бернулли Д. Опыт новой теории измерения жребия // Теория потребительского поведения и спроса. СПб.: Экономическая школа, 1993. С. 11–27.
2. Боровков А. А. Теория вероятностей. М.: Наука, 1976. 352 с.
3. Малыхин В. И. Финансовая математика. М.: Юнити, 2002. 248 с.
4. Маршалл А. Принципы экономической науки. М.: Прогресс, 1993. Т. 1. 416 с.
5. Рисс Ф., Секефальви-Надь Б. Лекции по функциональному анализу. М.: Мир, 1979. 592 с.
6. Фридмен М., Сэвидж Л. Дж. Анализ полезности при выборе среди альтернатив, предполагающих риск // Теория потребительского поведения и спроса. СПб.: Экономическая школа, 1993. С. 208–249.

УДК 821.161.1.09"18"

ЕВГЕНИЙ ЗАМИРОВИЧ ТАРЛАНОВ

доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы филологического факультета ПетрГУ

Рец. на кн.: Старк В. П. Жизнь с поэтом. Наталья Николаевна Пушкина: В 2 т. – СПб.: Вита Нова, 2006.

Тема личной, частной жизни Пушкина, как известно, была окружена ореолом запретности, определенным, в первую очередь, его собственными суждениями, а впоследствии – и собственной волей. Известная пушкинская формула о «ничтожности» поэта «среди детей ничтожных мира», не вполне ясная на поверхностный взгляд, как раз и подразумевает в читателе и критике представление о тех изначально существующих в обществе границах интереса к личности автора, которые закономерно отделяют ее творческую ипостась от поступков и контактов частного человека. Во мнении Пушкина эта черта в общественной жизни была настолько важной, что сам поэт желал живого употребления в России понятия семейной неприкосновенности (*inviolabilite de la famille*) в качестве юридического термина, а отвращение его к обывательской жадности до, говоря современным языком, жареных фактов явственно видно из отсутствия сожаления об утраченных записках Байрона. Семейная же жизнь с Натальей Николаевной Гончаровой, естественно, покрывалась особенно строгой тайной. Однако именно жене Пушкина и посвящено новое двухтомное исследование историка, искусствоведа, специалиста по русской генеалогии В. П. Старка, снабженное фундаментальной иконографией.

Уже первое знакомство с его книгой «Жизнь с поэтом» показывает, что демонстрируемые в ней подходы и трактовки В. П. Старка счастливо избегают двух хорошо знакомых крайно-

стей в освещении предмета, а именно приторно-старомодной олеографичности и нарочитой сенсационности тона, переходящей в бульварность, – того, что могло портить вкус многих авторов, затрагивавших семейную драму Пушкина в прежние годы. «Жизнь с поэтом» рисует историю русского быта начала XIX века, литературно-общественного и частно-родового, она написана историком русского дворянства золотой поры, и оттого трагедия Пушкина рассказывается на фоне необозримой мозаики самых разнообразных фактов и документов в единственно возможном для пушкинского времени тоне изысканного светского приличия.

Разыскания автора книги, построенные на обширных и малоизвестных широкому читателю материалах, направляются, главным образом, против одной из заметных черт нашей пушкинистики прошедшего столетия – стремления видеть в Наталье Николаевне малосодержательную и даже внутренне чуждую поэту светскую красавицу, пассивно влекомую течением трагических обстоятельств. Легенда эта, в развенчании которой очень большую роль сыграли публикации И. Ободовской и М. Дементьева, тем не менее сама по себе уже имеет весьма почтенную историю, восходя к мнениям людей во многом *иной* эпохи – М. И. Цветаевой, А. А. Ахматовой и отчасти В. В. Вересаева.

Истинная причина подобной односторонности, на наш взгляд, состоит в том, что сверстни-

ки Цветаевой и Ахматовой, люди начала XX века, уже не всегда понимали дистанцию между эпохами в смысле внешнего демократизма общественной, как, впрочем, и личной, нормы. Отрочество и юность как Цветаевой, так и Ахматовой совпали с веяниями принципиально новых времен – времен расцвета сравнительно массового и публичного женского высшего образования, а реалии середины XX столетия ставили выпускницу Высших историко-литературных курсов и слушательницу Сорбонны перед необходимостью ежедневно решать такие рутинные вопросы повседневного быта, которые не могли и не должны были занимать женщину из общества пушкинского времени, равную им по интеллектуальному статусу. Несколько натуралистические акценты, расставлявшиеся в биографии Пушкина В. В. Вересаевым, также несут на себе отпечаток рубежа веков, вызывая в памяти отчетливый нищенско-имморалистический контекст. Нюансы поведения Пушкина, объективно связанные с *инокультурным* компонентом его воспитания и нередко шокировавшие публику века XIX, он приближал к восприятию новым читательским поколением. Биографические очерки и компиляции Вересаева начинали собой новую, советскую, пушкиниану, однако они ясно отдалялись от слащавого трафарета образа Пушкина, необходимого советскому же обывателю всего лишь для росписи в «книге духовности», – если использовать выражение Сергея Довлатова.

Мы отнюдь не случайно позволили себе экскурс в историю пушкинистики. Глубокие и кропотливые генеалогически-бытовые разыскания В. П. Старка знаменуют новый этап изучения внешней биографии и Пушкина, и близких к нему людей. В интерпретации событий его семейной жизни петербургский филолог и искусствовед при помощи тонких и точных штрихов показывает читателю *сопряжение быта и бытия*. Как и все люди, Пушкин и Наталья Николаевна в обыденном общении беспokoятся за семью, обсуждают детали служебного положения, обдумывают устройство судьбы близких. В публикуемых В. П. Старком документах Пушкин предстает и в качестве трезвого и проницательного юриста, консультирующего семью Гончаровых по поводу режима управления имением А. Н. Гончарова после замужества внучки. Заметим при этом, что программа Лицея включала в себя достаточно обширный курс и юридических наук.

Изображая многоцветную панораму частного и общественного быта пушкинской эпохи, В. П. Старк – и в этом его большая заслуга как пушкиниста – закономерно и ясно останавливает внимание современного читателя на трех объективных чертах окружавшей реальности, которые могут быть не вполне осознаны в силу исторической дистанции.

В первую очередь, это необычайная генеалогическая разветвленность русского дворянского общества пушкинского времени, как правило,

еще сохранявшая свою актуальность. Человек светского круга осознавал родственные связи неперенной составляющей ежедневного общения и процедуры знакомства в первую очередь, а тем более – заключения брака. Так, среди показательных для атмосферы времени фактов – планировавшееся супружество А. С. Пушкина с его дальней родственницей в шестой степени Софией Федоровной Пушкиной; желание новобрачного поэта познакомить с родственниками жены дядюшку Матвея Михайловича Сонцова – мужа Елизаветы Львовны Пушкиной; известный Александру Сергеевичу факт дальнего родства с «кузеном» Е. Ф. Канкриным, министром финансов, супругом кузины Муравьевой; вхождение в опекунский совет над детьми А. С. Пушкина двоюродного дяди Натальи Николаевны Г. А. Строганова и многие другие.

Второй из существенных черт дворянского быта этой эпохи выступает интенсивность французского культурного влияния – языка, воспитания, жизненных представлений. Его степень и масштабы в пушкинское время были уникальны, резко выделяясь даже на фоне последующих десятилетий века, и без того в России много бравшего от Франции. Зримым свидетельством такого положения, не вполне понятного уже цветавскому поколению, являлось, с одной стороны, несметное число ситуаций, где французский язык требовался этикетом, а следовательно, и допускавшаяся им значительно большая свобода выбора тем и средств разговора, а с другой – культивировавшееся в обществе также чисто французское искусство словесно-интеллектуальной игры. В этом русле находится, в частности, органично введенный в текст книги фрагмент светской беседы Дениса Давыдова, ставший затем эпиграфом к «Пиковой даме», равно как и эпиграмматическое мастерство Пушкина, которое оттачивалось начиная с лицейских лет. В аспекте межличностных отношений французские воспитание и влияния полностью санкционировали, прежде всего, принятые в обществе формы обхождения с женщиной. Возможно, в Пушкине именно этого не принимал воспитанник *немецкой* культуры – директор Лицея Егор Антонович Энгельгардт.

Третья из очерченных В. П. Старком фундаментальных особенностей дворянского быта пушкинского периода имеет в действительности, однако же, самое непосредственное отношение к формированию жизненных принципов главной героини книги – Н. Н. Гончаровой. Значительная роль, которую невозможно, по мнению исследователя, недооценивать, принадлежала бытовой религиозности – в таких контекстах идет все изложение событий, соотносимое с церковным календарем и показательно сопровождающееся подчас цитированием церковных служб. Исполнение предписанных православием обрядов, конечно, входило в архетип поведения женщины пушкинского времени, а в конкретном случае

Натальи Николаевны это еще усугублялось суровым нравом богомольной матери и очень традиционной обстановкой провинциального имения. Об этой стороне повседневной жизни русского дворянства, нужно отметить, автор книги повествует без ухода в свойственные некоторым пушкиноведам трудам последних лет преувеличения: в согласии с понятиями среды и времени им проводится отчетливое различие между естественным уважением к традиции и догматическим благочестием.

Приводимые В. П. Старком в обширном количестве документы, помимо всего прочего, также убедительно раскрывают весьма сложное бытовое и психологическое положение Александра Сергеевича накануне и после женитьбы. Фон событий Французской революции в «Андре Шенье», «Гавриилиада» и донжуанский список в альбоме Ушаковой составляют ему общественную репутацию политического вольнодумца и человека сомнительной нравственности – фактическую причину не только расстройств отношений с С. Ф. Пушкиной и А. Н. Олениной, но и значительных трудностей в общении с матерью невесты, а затем тещей Н. И. Гончаровой. Черта времени: к пассажам о семейных ссорах и размолвках перо Пушкина обращается только на французском. Отстраняясь от необходимости употребления слишком приземленных русских оборотов (*faire maison nette* – сменить прислугу), оно вуалирует детали и тем придает семейной картине намеренно безличную форму даже на страницах частного письма, французский этикет диктует официальные обращения в письмах к А. Х. Бенкендорфу – *comte et mon general*.

Между тем для истории русского общества интересно, что, охраняя «тайну семейственной жизни» от бестактностей посторонних, Пушкин как первый русский поэт осознает себя в то же время и первой русской публичной фигурой европейского типа и не считает возможным пренебрегать широким демократическим читателем. Свой автограф Пушкин дает представителям совершенно иной среды – калужскому книгопродавцу Антипину и его приятелю-мещанину (!). Ни Карамзин, ни Жуковский поступать подобным образом просто не могли, и этот малоизвестный факт открывается общему обозрению впервые именно со страниц книги современного петербургского исследователя.

В чем же состоял острый драматизм, если не трагизм последних лет Пушкина? Как смотрел на ситуацию Николай I? И, наконец, каким же все-таки было реальное положение Натальи Николаевны?

С позиций здравого смысла и знания эпохи книга В. П. Старка позволяет дать ясные ответы

на эти вопросы, счастливо избегая демонизации императора, как, впрочем, и тенденции видеть в Пушкине обычного приверженца монархического принципа. В обстановке приватной аудиенции первый поэт России выразил понимание позиции разделявших идеи Французской революции друзей молодости и, вне сомнения, не мог быть вполне благонадежным в глазах власти. Средством эффективного, но вместе с тем и тактичного контроля над ним виделась государственная служба, условия которой ставили явные пределы творческой независимости. Необыкновенный драматизм личной ситуации в семье Пушкина, думается, проистекал из острой культурной коллизии между французским стандартом этикетного поведения светского человека и выходящей за ее пределы реальной ролью Пушкина как общественной фигуры. Положение Натальи Николаевны осложнялось тем, что от нее ожидалось следование двум противоположным линиям жизненного поведения: королевы бала, купающейся в пряных волнах светского флирта, и рачительной хозяйки дома, матери растущего семейства, друга и помощницы (к примеру, рукой Н. Н. переписаны начальные страницы «Записок Екатерины II»). Это важное противоречие не было достаточно учтено юной супругой первого поэта России, однако позже оно было осознано ею в полной мере. Что же до реакции на происходившее самого Николая I, беспристрастный свод документов, представленный читателю В. П. Старком, говорит о том, что она в полной мере вписывалась в проявления светского такта.

В свое время один из газетных обозревателей начала XX столетия высказывался о «процессе русской литературы над Натальей Гончаровой». Исследование В. П. Старка еще и еще раз указывает на беспочвенность и неуместность обвинительного тона по ее адресу. Наивысшим мерилом оценки человека для Натальи Николаевны до конца дней было отношение к Пушкину. Она воспитала детей Пушкина в безграничной любви к отцу и сердечных чувствах к отчиму, искреннему почитателю пушкинской личности, и сознательно готовила старшего сына Александра Александровича к роли хранителя архива отца, завещая оставить его лишь в России. Она находила радость в детях, отвечая за семью фактически из десяти детей.

Годы и столетия отделяют нас от семейной трагедии Пушкина. Она была организована, но среди ее главных жертв не нашлось «детей ничтожных мира», бездушных марионеток в руках судьбы. Книга В. П. Старка доказала это еще раз – теперь уже, думаем, навсегда.

УДК 351.74

КОНСТАНТИН ФЕДОРОВИЧ БЕЛОУСОВ

сотрудник Управления ФСБ России по Республике Карелия

Рец. на кн.: Органы безопасности Карелии: исторические очерки, воспоминания, биографии. – Петрозаводск: Скандинавия, 2008. – 432 с.

Книга, подготовленная историками и сотрудниками спецслужб, вышла к 90-летию со дня образования органов безопасности нашего края. Она издана по инициативе Управления ФСБ России по Республике Карелия и раскрывает перед читателями историю органов безопасности Карелии с начала XIX века до наших дней.

Ранее по истории органов безопасности республики была издана книга под названием «Чекисты Карелии. Статьи, очерки, рассказы» (выходила в свет в 1982 и 1987 годах).

Идея подготовить и издать к 90-летию органов безопасности Карелии книгу в первую очередь принадлежит ветеранской организации Управления ФСБ по Республике Карелия. Именно решение управления Совета ветеранов от 23 сентября 2004 года послужило началом работы над этой книгой, ставшей итогом многолетней работы с архивными и опубликованными материалами.

В основу книги легли архивные документальные материалы, воспоминания сотрудников органов безопасности, материалы уже имеющейся исторической литературы. В частности, использованы архивные документальные материалы Национального архива РК (фонды Олонецкого губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, Совета министров Карело-Финской ССР, Совета министров КАССР, Штаба партизанского движения Карельского фронта, документы Олонецкого губернского жандармского управления); архива УФСБ России по Республике Карелия (фонды контрразведывательного отдела,

трофейных документальных материалов, секретного делопроизводства и другие). Большинство документов рассекречены в 1990-е годы и впервые введены авторами в научный оборот.

Книга состоит из трех разделов:

Раздел I. Исторические очерки. В разделе представлены авторские очерки по истории органов безопасности Карелии по следующим темам: 1) История создания и деятельности Олонецкого губернского жандармского управления; 2) Органы безопасности Советской Карелии (1918–1941 гг.); органы безопасности Карелии в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.); 3) Органы безопасности Карелии в 1940–50-е гг.; 4) Органы безопасности Карелии в 1960–70-е гг.; 5) Органы безопасности в 1970-е – начале 1980-х гг.; 6) УФСБ России по Республике Карелия глазами карельских СМИ (публикации об УФСБ в 1990-е гг. – начале XXI в.).

Раздел II. Воспоминания. Он представлен воспоминаниями о работе в Карелии по 1992 год бывшего председателя КГБ КАССР генерал-майора в отставке А. М. Беляева, а также воспоминаниями подполковника в отставке Б. А. Сараева о работе сотрудников КГБ КАССР в Афганистане.

Раздел III. Краткие биографии руководителей органов безопасности Карелии. Здесь представлены биографии офицеров Олонецкого губернского жандармского управления (XIX – начало XX века); начальников органов безопасности Карелии и их заместителей (1918–2008 гг.). Эти биографии публикуются впервые.

УДК 94(47)"17/1917"

КОНСТАНТИН ФЕДОРОВИЧ БЕЛОУСОВ

сотрудник Управления ФСБ России по Республике Карелия

Рец. на кн.: Старков Б. А. Охотники на шпионов. Контрразведка Российской империи 1903–1914 / Б. А. Старков. – СПб.: Питер, 2006. – 306 с.; Старков Б. А. Охотники на шпионов-2. Пасынки Великой войны. Контрразведка последней войны Российской империи. 1914–1917 / Б. А. Старков. – СПб.: Питер, 2007. – 438 с.

Две книги известного петербургского историка, доктора исторических наук, заслуженного деятеля науки Российской Федерации Б. А. Старкова, вышедшие с интервалом в полтора года, объединены одной темой: они повествуют о рождении, организации и становлении одной из отечественных спецслужб – российской контрразведки. Подлинная история этой службы долгие годы находилась под завесой строгой секретности (что, кстати, вполне оправданно). Однако в 1990-е годы XX века состоялся настоящий прорыв в подлинно научном изучении истории отечественных спецслужб. Во многом это связано с изменением информационной политики государства, снятием грифов секретности с документов, находящихся на хранении в государственных и ведомственных архивах. Первыми серьезными попытками исследовать вопросы становления и деятельности контрразведывательной службы России в начале XX века стали работы А. А. Здановича (Зданович А. А. Отчественная контрразведка. 1914–1920. Организационное строительство / А. А. Зданович. – М.: Крафт+, 2004. – 240 с.) и Д. Б. Павлова (Павлов Д. Б. Русско-японская война 1904–1905 гг.: Секретные операции на суше и на море / Д. Б. Павлов. – М.: Материк, 2004. – 464 с.).

Б. А. Старков убедительно показывает, что в начале XX века, когда соперничество великих

держав невероятно обострилось, разведка и контрразведка из удела любителей-одиночек, как было ранее, превращаются в важный и самостоятельный вид государственной деятельности.

В первой книге автор знакомит читателя с малоизвестными и совсем неизвестными страницами истории российской контрразведки. Ему удалось, опираясь на факты, показать, что российским контрразведчикам противостояли высококвалифицированные, профессиональные разведки Германии, Австро-Венгрии, Японии и Великобритании. Одна из интереснейших находок книги в том, что в ней показано противостояние профессионалов – руководителей и сотрудников органов разведки и контрразведки (российских, таких как Николай Батюшин, Владимир Лавров, Василий Ерандаков; и зарубежных, таких как барон Мотодзиро Акаси (в литературе встречается также и другое написание фамилии – Акаши), резидент японской разведки в России; полковник Вальтер Николаи и граф Гельмут фон Люциус, руководители немецких спецслужб; начальник разведки Австро-Венгрии полковник Максимилиан фон Ронге).

Вторая книга продолжает рассказ о деятельности русской разведки и контрразведки накануне и в годы Первой мировой войны. Обращает внимание на то, что автор использует сквозную

нумерацию частей, поэтому книга первая состоит из двух частей, а вторая начинается с третьей части. Подробно во второй книге рассмотрены вопросы создания агентурной разведывательной сети сбора информации для обеспечения военных действий на фронтах Первой мировой войны. Много нового почерпнет читатель из материалов о способах и методах добывания разведанных германской и австро-венгерской разведками в тылу русских армий. Особый интерес для читателя этих книг представляют главы, в которых дано подробное описание усилий германской агентурной разведки, направленных на создание разветвленной разведывательной сети за счет так называемых «окраин» Российской империи – Великого княжества Финляндского и Царства Польского. В частности, речь идет о создании в 1914 году так называемых «активистских центров» на территории Финляндии («Временный студенческий комитет»), в Берлине («Финляндский комитет»), Стокгольме («Военный комитет»). Они представляли собой военизированные организации, участники которых получали разведывательно-диверсионную подготовку, из их числа впоследствии формировался в массовом порядке агентурный аппарат германской службы. Этот период явился «вторым рождением» для партии активного сопротивления Финляндии, благодаря деятельности которой в 1915 году фор-

мируются три организации: «Бюро информации», «Этапное бюро» и «Новое лесное бюро», каждая из которых создает свои разветвленные сети в Финляндии. Руководство их работой осуществляется германской военной разведкой, она же участвует в формировании Королевского егерского батальона, который позднее составит ядро Вооруженных сил Финляндии.

Отметим, что автору удалось убедительно показать, как спецслужбы Японии, Германии и Австро-Венгрии умело использовали для достижения своих целей партии радикальной оппозиции, действующие внутри Российской империи. Это были такие партии, как партия социалистов-революционеров, партия активного сопротивления Финляндии под руководством Кони Зиллиакуса (в литературе встречается также другое написание фамилии – Циллиакус), леворадикальное крыло социал-демократической партии во главе с В. И. Лениным.

Остается только сожалеть, что столь информативное и фундаментальное исследование, основанное на рассекреченных документах из государственных и ведомственных архивов, а также публикациях отечественных и зарубежных историков, не снабжено необходимым справочно-библиографическим аппаратом, а содержит лишь фрагментарные отсылки на имеющиеся источники и литературу.

ПАМЯТИ ЛЕОНИДА ЯКОВЛЕВИЧА РЕЗНИКОВА
(К 90-летию со дня рождения)

Л. Я. Резников (1919–1992) – доктор филологических наук, профессор Петрозаводского государственного университета, литературовед, литературный критик, театровед, писатель.

Леонид Яковлевич Резников родился на Украине. После окончания средней школы в 1936 году в Твери поступил на факультет русского языка и литературы Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена. Талантливый студент был оставлен в аспирантуре по специальности «германская филология». Но закончил в ней лишь первый курс и двадцатидвухлетним ушел добровольцем на фронт.

Л. Я. Резников из того поколения, о котором в одном из стихотворений он сам сказал горько и точно: «Подранки мы. Сквозь нас прошла война...» Лейтенант Резников воевал на Ленинградском фронте в 4-й дивизии народного ополчения пехотным разведчиком, командиром разведроты 86-й стрелковой дивизии. После двух ранений и общей контузии стал литературным сотрудником газеты Ладожской военной трассы. Его заметки, стихи читали солдаты «Дороги жизни» до самой Победы в 1945 году. «Поэтом ледовой дороги» называли старшего лейтенанта Резникова. Награжденный двумя орденами Красной Звезды, он особенно гордился медалью «За оборону Ленинграда».

В небольшом поэтическом наследии Л. Я. Резникова немало стихов о войне, есть у него пронзительные рассказы, такой, например, как «Память». Память – одна из важнейших нравственных категорий в мировоззрении и творчестве Л. Я. Резникова. Именно поэтому книгу прозы, в которую вошли рассказы и «Повесть о несгоревшей рукописи», он так и назвал – «Сердце помнит».

Демобилизовался Л. Я. Резников в 1946 году, а уже в 1948 году защитил кандидатскую диссертацию. После увиденного и пережитого на войне он не мог заниматься германской филологией, темой его исследования стала поэзия Э. Багрицкого.

Л. Я. Резников преподавал в Белорусском и Кишиневском университетах. Но все самое важное, что он сделал, связано с его работой на кафедре русской и зарубежной литературы в Петрозаводском государственном университете, которому он отдал, начиная с 1956 года, более четверти века.

Многие поколения студентов филологического факультета ПетрГУ, оглядываясь назад, обязательно вспоминают профессора Л. Я. Резникова, потому что остался его светлый образ, «удивительный в своей естественной интеллигентности, врожденной демократичности, артистическом таланте», который, как писал А. О. Лопуха (ныне проректор ПетрГУ), «в своих лекциях... никогда не повторялся».

Ученики Леонида Яковлевича работают не только в Петрозаводском университете, но и в Карельском научном центре, Карельском государственном педагогическом университете, в разных городах России и за рубежом. Первым его учеником был известный белорусский писатель и крупный общественный деятель Алесь Адамович, последним его дипломником стал Александр Дворецкий, декан филологического факультета ПетрГУ в 2001–2004 годах.

Редактор газеты «Петрозаводский университет» Л. Г. Кириллова вспоминает: «Леонид Яковлевич был и моим учителем. Это было время великолепных ученых, преподававших на филфаке: И. П. Лупанова, М. М. Гин, Л. В. Павлов, Б. Е. Чистова... С Леонидом Яковлевичем связана для меня, скажем так, некая диссидентская линия. Он обладал уникальным даром чувствовать нерв современной литературы, и некоторые его инициативы по тем временам были на грани фола. На литобъединении он затевал обсуждение наисовременнейших антисталинских стихов Евтушенко, а для дипломной работы предложил мне тему «А. И. Солженицын». Это был 1965 год, работу я написала на «отлично», а утвердивший оценку высокий оппонент профессор М. М. Гин потом очень удивлялся, что все мы на свободе, а экземпляр этой дипломной работы мирно хранится на кафедре». И дело не только в том, что студенты 1960–70-х годов могли узнать о книге Горького «Несвоевременные мысли» или о последней «печальной» полемике Горького со Сталиным из уст доктора филологических наук. Дело было в умении увлечь со творчеством, в пробуждении желания и стремления взгляды в знакомое, чтобы постиг-

нуть неизведанное. Замечу, что впоследствии публикация статьи Л. Я. Резникова о книге М. Горького «Несвоевременные мысли» в первом номере журнала «Нева» за 1988 год стала событием литературной жизни. Она была переиздана в сборнике литературно-критических статей «Перечитывая заново».

«Все его лекции о Горьком, – вспоминал А. В. Дворецкий, – были нелегким сопротивлением тому, что представлялось самым противным – сотворенному пролетарскому идолу». Его слово было не следствием конформизма, но чаще всего – результатом сопротивления ему. А. В. Дворецкий, вспоминая Учителя, выявил ту систему координат, те сквозные, фундаментальные понятия, которые составляли основу языка лектора Резникова, а именно: духовность, правда, нравственный выбор. Поэтому не раз он шел против течения, например, открыто защищая автора «Одного дня Ивана Денисовича» А. Солженицына в 60-е годы на страницах журнала «Новый мир». Ответственным был его отклик-возражение, отклик-защита в открытом письме Ю. Барабашу о рассказе А. И. Солженицына «Для пользы дела». Это было время, когда А. Солженицын не стал еще классиком русской литературы.

Творчеству М. Горького Л. Я. Резников отдал не одно десятилетие своей жизни, о нем он написал несколько книг. В 1964 году защитил докторскую диссертацию «Повесть М. Горького “Жизнь Клима Самгина”: проблемы жанра и стиля», которая была издана отдельной книгой в Петрозаводске. Монография написана на большом архивном материале, особенно в этом плане значима глава «В творческой лаборатории Горького». Исследователь доказательно отстаивает авторское право на обозначение жанра собственного произведения и настаивает, что «Жизнь Клима Самгина» не «эпопея», а именно «повесть». Казалось бы, чисто филологический вопрос о проблеме жанра, но мы ощущаем незримое сопротивление ученого идеологической установке, когда термин «эпопея» в советском литературоведении вдруг стал оценочной категорией высшего разряда, его присваивали произведениям не только ушедших классиков, но и представителей так называемой «секретарской литературы».

Л. Я. Резников как крупный исследователь творчества А. М. Горького был привлечен к подготовке и изданию академического Полного собрания сочинений писателя. Он один из комментаторов 20-го тома, ему были поручены комментарии к одному из томов писем Горького.

На рубеже XX–XXI веков стало модным подвергать творчество Горького остракизму, публично шельмованию, превращая его лишь в прямолинейного публициста, пособника кровавых деяний в истории советской страны, изучение его творчества стало делом не престижным. Как-то забывается, что А. М. Горький –

один из великих писателей двадцатого столетия. Может быть, дело в том, что отечественное литературоведение переживает кризис, обусловленный не только сменой мировоззренческих координат, но и сменой поколений филологов, тенденцией к некоему «мелкотемью», отсутствием научных изданий и пр., пр.

Последняя книга Л. Я. Резникова «Максим Горький: известный и неизвестный» вышла уже после смерти автора (издана на средства семьи). Работа над ней пришлось на сложные годы, которые принято называть временем перестройки. Именно тогда стали приоткрываться ранее недоступные архивы. По мнению автора монографии, экстремистские выпады конца 1980-х – начала 1990-х годов приводили к «оскорбительно-невежественному отношению к тем, кто создавал нашу культуру». На каком же материале строит исследователь ответ на вопрос: какой он, неизвестный Горький? Конечно, большое место заняла трактовка книги писателя «Несвоевременные мысли», полемика с зарубежными и отечественными исследователями, которые вопреки авторской воле «создавали» каждый свою книгу. В 1920-е годы М. Горький, по мнению автора монографии, внес в свое мирозерцание коренные переоценки в понимании революции как дела преждевременного, к которому не подготовлены ни Россия, ни ее народ. Об этом рассказы и горьковские литературные портреты, написанные в это время. Горький во все периоды своего творчества видел, что человек, как и народ, очень разнолик. Однако есть такие чувства, которые делают человека бесконечно привлекательным, одно из них – любовь. Именно рассказы о любви свидетельствуют о противостоянии писателя классово-упрощенному представлению о человеке и стране.

В заключение книги, как верно отметил В. Н. Сченснович, Л. Я. Резников в главе «Версии последних лет» точно характеризует три очень разных подхода к изучению жизни и творчества писателя: 1) апологетическое и потому очень уязвимое советское горьковедение; 2) одна из крайностей перестройки – полное отрицание всего написанного советскими литературоведами и отрицание самого Горького; 3) тщательный анализ в западном литературоведении философских поисков Горького, его роли в истории советского общества 1920–30-х годов, истории смерти писателя. «

При этом горьковедение на Западе, как замечает Сченснович, отличает глубокое уважение к Горькому как человеку и художнику.

Филолога Резникова отличало страстное неприятие в науке полуправды либо откровенной псевдонауки. Л. Я. Резников убежден, что легковерие и дилетантизм исследователей, не владеющих научным методом, и писателей, в частности В. Пикуля, автора романа «Слово и дело», недопустимы.

С самого приезда в Петрозаводск Л. Я. Резников был тесно связан с литературой Карелии,

часто публиковался в журнале «Север» с обзорами «Поэзия Севера», в которых отдавал должное не только известным поэтам М. Тарасову, Б. Шмидту, Ю. Линнику, О. Мишину, А. Иванову, но и молодым – Д. Свинцову, Ю. Звягину, В. Панич. Здесь он напечатал статьи-раздумья «Письма о силе добра»; «Отец и сын» – на материале непростых отношений в семьях А. И. Герцена и А. М. Горького; «Моцарт и Сальери» – о нравственном выборе художника; «Полемиические беседы, или Разговор читателя с критиком». В «Севере» увидела свет и его собственная проза: повесть «Сердце не камень», рассказы и стихи.

Надо отдать должное Л. Я. Резникову, ведь он одним из первых в Карелии поднял голос в защиту Валаама. Уже в начале 1970-х годов он ратовал за то, чтобы Валаам был превращён в музей-заповедник. Л. Я. Резниковым были написаны книги «Валаам раскрывает тайны», «Валаам – жемчужина Ладоги» и «Валаам: кризис аскетизма».

Горьким временем стал для Резникова-гражданина переломный 1991 год. Леонид Яковлевич был в числе солдат поколения, которое сделало невозможное – спасло страну и Европу от фашизма. Он потерял на войне многих друзей, однопольчан, именно поэтому особенно трагически воспринял развал Советского Союза. Беспокойло его положение дел в писательской организации конца 1990-х годов, расхождение во взглядах с прежними единомышленниками, падение культуры и нравов в обществе.

Человек интеллигентный, увлекающийся, ранимый, он все принимал близко к сердцу. Вот оно и не выдержало... Но память о талантливом ученом, ярком преподавателе и общественном деятеле останется в наших сердцах. Его имя увековечено в словаре «Выдающиеся люди» (1993 г.) Международного биографического центра в Кембридже (Англия).

ИЗБРАННЫЕ ПЕЧАТНЫЕ ТРУДЫ

1. [О рассказе А. Солженицына «Для пользы дела»] Открытое письмо Ю. Барабашу // Новый мир. 1963. № 10. С. 195–197.
2. История русского советского романа. Кн. 1. М.; Л.: Наука, 1965. (соавтор)
3. Повесть М. Горького «Жизнь Клима Самгина»: Проблемы жанра и стиля. Петрозаводск: Карельское книжное издательство, 1964. 532 с.
4. Горький и Север: Поиски. Факты. Свидетельства. Петрозаводск: Карелия, 1967. 230 с.
5. Гуманизм, гражданственность, мастерство. Статьи и исследования. Петрозаводск: Карелия, 1973. 344 с.
6. Валаам раскрывает тайны. Книга очерков. Петрозаводск: Карелия, 1975. 167 с.
7. Человек, обогнавший время (По следам повести К. Паустовского) // Север. 1976. № 8. С. 83–95.
8. Валаам – жемчужина Ладоги. Петрозаводск: Карелия, 1977. 16 с.
9. Бессмертный Сулукадзев // Русская литература. 1979. № 3. С. 90–96.
10. Нравственная и эстетическая позиция писателя. Статьи и очерки. Петрозаводск: Карелия, 1983. 182 с.

11. Валаам: кризис аскетизма. Л.: Лениздат, 1986. 143 с.
12. О книге М. Горького «Несвоевременные мысли» // Перечитывая заново: Литературно-критические статьи / Сост. В. Лаврова. Л.: Худож. лит., 1989. С. 60–104. (Впервые в журнале «Нева». 1988. № 1. С. 148–171.)
13. Антиисторизм ругателей М. Горького // История советской литературы: новый взгляд. По материалам Всесоюзной научно-практической конференции. 11–12 мая 1989 года. Москва: В 2 ч. М.: Наука, 1990. Ч. 2. С. 179–198.
14. Максим Горький – известный и неизвестный. Петрозаводск: Амитье, 1996. 299 с.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

1. Память. Рассказ // Север. 1980. № 11. С. 54–59.
2. Вся жизнь. Книга стихов. Петрозаводск: Карелия, 1982. 103 с.
3. Сердце не камень. Повесть // Север. 1983. № 5. С. 54–88.
4. Сердце помнит: Рассказы и повесть. Петрозаводск: Карелия, 1990. 302 с.
5. [Стихи не приходят по зову] Стихи. // Все начинается с расвета. Антология поэзии ПетрГУ / Сост. и ред. М. В. Тарасов. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2005. С. 211–215.

ПУБЛИКАЦИИ О Л. Я. РЕЗНИКОВЕ

1. Колобаева Л. Горький и Север // Новый мир. 1967. № 8. С. 282.
2. Курсков Ю. По горьковскому маршруту // Север. 1968. № 1. С. 123–124.
3. Иванов В. Простые истины // Ленинская правда. 1973. 24 августа.
4. Хайлов А. Книга находит читателя // Север. 1974. № 7. С. 125–128.
5. Шикин И. В. Ледовый путь // На дороге жизни / Сост. Л. П. Богданов. Л.: Лениздат, 1976. С. 92.
6. Казанков В. Валаам зовет // Север. 1977. № 7. С. 126–128.
7. Федоров Н. Ради мира на земле // Комсомолец. 1982. 31 августа.
8. Бондаренко В. Игра на занижение // Наш современник. 1985. № 12. С. 155.
9. Дворецкий А. В. Толкование – ад // Петрозаводский университет. 1994. 10 февраля. С. 2.
10. Т. В. «Сердце помнит...» // Петрозаводск. 1994. 18 февраля. С. 9.
11. Резников Л. Я. Писатели Карелии: Биобиблиографический словарь / Автор-сост. Ю. И. Дюжев. Петрозаводск: Версо, 1994. С. 99–100.
12. Сченснович В. Н. Резников Л. Я. Максим Горький – известный и неизвестный. Петрозаводск, 1996. 299 с. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Реферативный журнал. Литературоведение. Серия 7. М., 1998. С. 120–129.
13. Резников Л. Я. Писатели Карелии: Биобиблиографический словарь. Петрозаводск, 2006. С. 220–222.
14. Лопуха А. О. Вдохновенный сплав науки и искусства // Петрозаводский государственный университет. 2004. 20 февраля. С. 3.

Т. В. ИВАНОВА
кандидат филологических наук,
доцент кафедры литературы историко-
филологического факультета КГПУ

ХРОНИКА

■ 16 января 2009 года в Петрозаводском государственном университете прошла региональная научно-практическая конференция «ВОЙНА-БЛОКАДА-ЛЕНИНГРАД».

Конференция организована историческим факультетом ПетрГУ совместно с КРОО «Питерское землячество» и ОО «Жители блокадного Ленинграда». Конференцию открыл профессор, президент ПетрГУ, председатель правления КРОО «Питерское землячество» В. Н. Васильев. В конференции приняли участие профессор Северо-Западной академии государственной службы г. Санкт-Петербурга Н. И. Барышников, блокадники, преподаватели и студенты исторических факультетов ПетрГУ, КГПУ. Предлагаем вниманию читателей журнала тезисы некоторых докладов, прозвучавших на конференции.

ГЕРОИЧЕСКИЕ ВЕХИ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ЭПОПЕИ

До настоящего времени молчанием обходят две важнейшие даты в битве за Ленинград. Из череды дней, связанных с оборонительными боями 1941 года, первым знаменательным днем стал день 25 сентября 1941 года, когда противник был остановлен у стен города. Другой день – 9 декабря 1941 года, когда после освобождения Тихвина от германских войск оказался сорванным план немецкого командования окружить Ленинград двойным кольцом блокады в результате соединения войск группы армий «Север» и финской армии, вышедшей к реке Свирь. Вместе с тем успех Тихвинской операции знаменовал собой первую крупную победу не только в боях за Ленинград, но и вообще в ходе Великой Отечественной войны. Заметим, что 65-летие одержанной победы в Тихвинской наступательной операции отмечалось торжественно лишь в пределах городов Волхов и Тихвин. Чем же объяснить, что средства массовой информации практически не освещали столь значимые даты, имеющие самое непосредственное отношение к героическому прошлому Ленинграда и его защитников? Есть ли здесь вина историков?

Для ответа на эти вопросы обратимся, прежде всего, к ранним историческим исследованиям битвы за Ленинград. В коллективном труде ленинградских историков «На защите невольной твердыни», вышедшем в свет в 1965 году, был сделан четкий вывод относительно того, какой день следует считать днем, когда защитники Ленинграда в ожесточенных боях остановили не-

приятельские войска, стремящиеся сходу овладеть городом, прорываясь к нему с юга и севера. «25 сентября, – подчеркивалось в указанной работе, – на 96-й день войны, по всему фронту вокруг Ленинграда немецкие и финские войска окончательно перешли к обороне». К югу от города их остановили у Урицка, Пулковских высот, на подступах к Колпино и далее от устья реки Тосно по левому берегу Невы вплоть до Ладожского озера. К востоку от города были задержаны финские войска, подошедшие к реке Свирь. На севере же финская армия, продвигавшаяся уже за пределы старой границы 1939 года к Сестрорецку, была остановлена на линии обороны Карельского укрепленного района.

Обращаясь к работам современных российских историков, нетрудно удостовериться, что 25 сентября рассматривается ими как дата, когда удалось приостановить продвижение противника к Ленинграду, исключив его захват. В обстоятельном труде московских историков Н. Я. Комарова и Г. А. Куманева «Блокада Ленинграда. 900 героических дней. 1941–1944», опубликованном в 2004 году в виде исторического дневника с комментариями, читаем следующее: «25 сентября, в четверг (96-й день войны)... Возросшее сопротивление наших частей и соединений и понесенные противником большие потери заставили перейти к обороне. Штаб группы армий “Север” сообщил главному командованию сухопутных войск, что с оставшимися в его распоряжении силами он не в состоянии продолжать наступление на Ленинград... Крупнейшая группировка германских войск была остановлена у стен Ленинграда». Действительно, начальник генерального штаба сухопутных войск Германии генерал Ф. Гальдер зафиксировал в своем военном дневнике, что у немецкого командования не было под Ленинградом «большого» в смысле необходимых войск для «решительного разгрома противника». К тому же по распоряжению Гитлера 4-я танковая группа генерала Э. Гепнера подлежала переброске под Москву.

Как известно, исключительно важную роль в самые критические дни обороны Ленинграда сыграл Г. К. Жуков, ставший командующим войсками фронта с 12 сентября 1941 года. Оценивая мужество защитников города, он писал: «Ни массовые жертвы, ни постоянные чрезмерно напряженные бои не сломили боевой дух и доб-

лесть защитников города Ленина. Ленинградцы, воины фронта и флота, предпочитали смерть в бою с врагом, нежели сдать врагу город... История войн не знала такого примера массового героизма, мужества, трудовой и боевой доблести, какую проявили защитники Ленинграда».

Несмотря на то, что попытка командования группы армий «Север» осуществить захват города потерпела крах, войска Ленинградского фронта не снизили боевой готовности. Они продолжали атаковать противника и направлять свои усилия на то, чтобы разомкнуть кольцо блокады, образовавшееся 8 сентября, когда немецкие части вышли к южному побережью Ладожского озера. Тяжелая же обстановка, сложившаяся под Москвой, к которой приблизились немецкие войска, вынудила Ставку Верховного главнокомандования 10 октября 1941 года отозвать Г. К. Жукова для руководства боевыми действиями в период защиты столицы. Ленинградскую же стратегическую оборонительную операцию, начавшуюся 10 июля, стали считать завершившейся 30 сентября 1941 года. Битва за Ленинград вступила тогда в новую фазу.

Подводя итог событиям, произошедшим в результате срыва защитниками Ленинграда попытки противника овладеть городом, возникает, естественно, вопрос: почему установленная дата этого важнейшего этапа боевых действий – 25 сентября – оказалась фактически забытой? Ведь это была первая победа в защите Ленинграда в ходе тяжелейших оборонительных сражений, в результате которых враг не был допущен к нему.

При ответе на этот вопрос надо, очевидно, иметь в виду те отрицательные последствия, которые были вызваны так называемым «ленинградским делом», наложившим свой отпечаток на оценку многих явлений истории битвы за Ленинград. Сам факт уничтожения тогда музея, посвященного битве за Ленинград и объективно отражавшего его героизм в период Великой Отечественной войны, давал понять, что являлось запретительным в последующем раскрытии подвига защитников города. В изложении истории битвы за Ленинград стал явно превалировать акцент трагизма, вызванного блокадой города. Героика же его защиты ленинградцами иногда изображалась некоторыми авторитетными людьми даже «напрасным делом». Особенно отличился в этом смысле писатель В. Астафьев, заявивший, что лучше было бы сдать Ленинград врагу, чем защищать его «коробки». К тому же в последнее время некоторые издания стали насыщаться материалами об отдельных негативных явлениях, имевшихся в блокадном городе, почерпнутыми из рассекреченных материалов архива КГБ. Такого рода сведения преподносятся в качестве ошеломляющих «открытий».

Когда же день 25 сентября сможет занять достойное место? Будет ли он также заслуженно праздноваться наряду с датами прорыва и пол-

ного снятия блокады города? Думается, что время для этого давно настало.

Также необходимо отнестись и к оценке огромной значимости события 9 декабря 1941 года, когда советские войска сорвали попытку германского командования создать второе блокадное кольцо вокруг Ленинграда. Если бы не удалось достигнуть победы в Тихвинской наступательной операции, то произошло бы соединение немецких и финских войск, а за этим могло последовать самое трагическое для Ленинграда – враг достиг бы цели, овладев им в условиях полной изоляции сил сопротивления внутри города. Это привело бы к грандиозной катастрофе на советско-германском фронте. По словам Г. К. Жукова, в такой обстановке «пришлось бы создавать новый фронт, чтобы оборонять Москву с севера и израсходовать при этом стратегические резервы, которые готовились Ставкой для защиты столицы. Кроме того, мы неизбежно потеряли бы мощный Балтийский флот». Противнику удалось бы «перерезать наши коммуникации, идущие в Карелию и Мурманск».

Выступая в Мюнхене в день, когда еще наступавшим немецким войскам удалось захватить Тихвин, Гитлер пророчествовал так: «Ленинград сам поднимет руки: он неминуемо падет, раньше или позже. Никто оттуда не освободится, никто не прорвется через наши линии. Ленинграду суждено умереть голодной смертью». Характерно также, с какой радостью было воспринято главнокомандующим финской армией маршалом К. Г. Маннергеймом поступившее к нему сообщение о том, что немецким войскам удалось овладеть Тихвином и продвинуться непосредственно к г. Волхову. Генерал В. Эрфурт, представлявший германское командование в ставке Маннергейма, писал впоследствии, как тот «с большой похвалой отозвался об успешном наступлении немцев на Тихвин и в направлении Волховстроя. Из его слов можно было понять, какое большое значение финны, видимо, придают тому, что южнее Ладожского озера вокруг Ленинграда будет образовано прочное кольцо окружения и что таким образом немцы решат, наконец, проблему Ленинграда».

Контрнаступление советских войск и освобождение Тихвина имело колоссальное значение как в битве за Ленинград, так и в масштабе Великой Отечественной войны, да и Второй мировой войны в целом, поскольку стало первым крупным поражением немецких войск. Генерал армии К. А. Мерецков, руководивший наступлением в этой важной операции, писал в своих воспоминаниях: «Начало Тихвинской операции являлось вообще первым серьезным поражением врага на советско-германском фронте». Такая оценка нашла подтверждение и в официальной российской историографии. В обобщающем энциклопедическом труде «Великая Отечественная война 1941–1945» отмечено следующее: «Тихвинская наступательная операция – одна из пер-

вых крупных наступательных операций советских Вооруженных сил в войне; она создала благоприятные условия для развернувшегося в конце 1941 года контрнаступления Советской армии и способствовала разгрому немецко-фашистских войск под Москвой».

*Николай Иванович Барышников,
доктор исторических наук, профессор Северо-Западной
академии государственной службы, г. Санкт-Петербург*

ЧТО ПОМОГЛО ЛЕНИНГРАДЦАМ ВЫСТОЯТЬ

В 1941 году Ленинград представлял собой важнейший стратегический, промышленный, научный и культурный центр, который обладал большими многоотраслевыми ресурсными возможностями для всего Северо-Запада СССР и для страны в целом. Поэтому после неудачных попыток штурма полная изоляция Ленинграда от других регионов имела большое значение для командования противника в развертывании войны на европейской территории СССР. Однако, несмотря на быстро сомкнувшееся кольцо блокады, полная изоляция Ленинграда не состоялась благодаря следующим обстоятельствам. Действовавшая в СССР в 1930–40-х годах единая система общеобразовательной школы, а также система учреждений среднего специального и высшего образования к началу войны подготовила в Ленинграде значительные кадры высококвалифицированных специалистов во многих областях. Часть этих специалистов не подлежали призыву в действующую армию и возглавили строительство оборонительных сооружений, а также организовали систему противоздушной защиты. Осуществлялись непосредственные связи Ленинграда и Ленинградского фронта. На предприятиях машиностроительного и металлообрабатывающего профиля специалистами, оставшимися в Ленинграде, было оперативно развернуто военное производство и ремонт военной техники, поступавшей с фронта. Не хватало рабочих рук, и к станкам вставали женщины и подростки. Город интенсивно готовился к активной обороне. Люди, работавшие на предприятиях и защищавшие Ленинград изнутри, были неразрывно связаны многосторонними духовными и материально-экономическими связями между собой и многонациональным населением всей страны.

Силами самых стойких и мужественных жителей Ленинграда в городе в течение всей блокады не замерла культурно-созидательная жизнь. По радио выступали деятели искусств, читали свои стихи ленинградские поэты. 9 августа 1942 года состоялось первое в Ленинграде исполне-

ние Седьмой симфонии Д. Шостаковича. В бомбоубежищах работали некоторые общеобразовательные школы, проводились политинформации и концерты. Художники Ленинграда создали целую коллекцию произведений, отражавших образы блокады, обстановку тех дней и ночей, портреты жителей. Эти работы собрал и отреставрировал петрозаводский Музей изобразительных искусств. В мае 2009 года часть этой экспозиции будет показана в залах музея.

В тяжелейших условиях 1941–1942 годов в Ленинграде силами жителей и участников народного ополчения были организованы сандружины помощи истощенным и больным людям на дому, в бомбоубежищах и гражданских госпиталях. Начиная с весны 1942 года были также организованы работы по очистке города от нечистот и мусора, что спасло город от эпидемий.

Уже весной 1942 года по непрочному льду Ладожского озера по Дороге жизни пошли грузовые машины с необходимыми продуктами и медикаментами. Их было, конечно, недостаточно, не все доходило до места назначения, но это не останавливало людей. Когда лед растаял, по Ладоге пошел речной транспорт – самоходные баржи и катера, перевозившие людей и грузы под непрерывными налетами вражеских бомбардировщиков. Многим ленинградцам это спасло жизнь. Были, однако, и большие потери.

Непрерывно работала единая информационная система. Территорию СССР охватывала единая радиотрансляционная сеть. Неотрывной частью этой сети было Ленинградское радио, работавшее круглосуточно. Передачи Ленинградского радио поддерживали людей, информировали и предупреждали их о важнейших событиях того периода.

После освобождения Волхова была восстановлена первая очередь Волховской ГЭС, которая дала энергию Ленинграду, и весной 1943 года по Невскому проспекту был пущен трамвай.

*Генриетта Борисовна Лаврененко,
преподаватель кафедры английской филологии филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, житель блокадного Ленинграда*

ЛЕНИНГРАДСКИЕ ГОСПИТАЛИ В ГОДЫ БЛОКАДЫ

С сентября 1941 года, когда началась почти 900-дневная блокада Ленинграда, в осажденном городе осталось 2 млн 544 тыс. гражданского населения, в том числе свыше 100 тыс. беженцев из Прибалтики, Карелии и Ленинградской области. Вместе с жителями пригородных районов в блокадном кольце оказалось 2 млн 887 тыс. человек. Среди оставшихся в блокированном

Ленинграде было не менее 1 млн 200 тыс. человек несамостоятельного населения, из них около 400 тыс. детей.

Ленинград подвергался массированным артиллерийскими обстрелам и бомбардировкам вражеской авиации. Огромные потери требовали от медиков в кратчайшие сроки развернуть сеть медицинских учреждений, в том числе и госпиталей, для оказания медицинской помощи. Прежде всего необходимо было резко увеличить число стационаров с максимально возможным количеством койко-мест. Госпитали разворачивали в школьных зданиях, в аудиториях вузов. В центральной части Ленинграда самым известным зимой 1941/42 года был госпиталь № 95, начавший работать 1 октября в Аничковом дворце, где до войны находился Дворец пионеров. Это был самый большой госпиталь для гражданского населения, рассчитанный на 1000 коек. По воспоминаниям медицинского персонала, госпиталь был заполнен ранеными уже в первую неделю своей работы.

Госпиталь военного времени в социальном и психологическом отношении представлял собой специфическое пространство. Сюда попадали люди, которые вследствие ранения или болезни, связанных с голодом, испытывали не только физические мучения, но и продолжали переживать психологическую травму. В этой обстановке от организации госпитальной жизни, от квалификации и поведения медицинского персонала зависело очень многое.

Медсестра госпиталя № 95 А. Л. Гуревич вспоминала: «Мы знали, что нужно создать обстановку дружелюбия и поддержки в госпитале. Потому что все наши больные видели столько смертей, что пережить это было трудно. Особенно тяжело стало работать в госпитале, когда начался голод. В приемном покое сначала были преимущественно люди с тяжелыми осколочными ранениями и травмами, и мы буквально в октябре из операционной не выходили, а с конца ноября-месяца 1941 года стал нарастать поток больных с перфоративной язвой, кишечной непроходимостью, почечной недостаточностью, сплошь дистрофики. Есть людям хотелось так, что об отравлениях и не думали. Ели что ни попадя. Вот их спасти было очень сложно. Они умирали в огромном количестве. Возможностей предоставить усиленное питание у госпиталя не было. Правда, придумывали какие-нибудь кисели, болтушки, отвары. Все в ход шло. У нас работал очень хороший провизор. Поэтому, кто был не на последней стадии истощения, тех спасали».

Самые трагические условия в госпиталях сложились в декабре 1941 года, когда почти везде был выключен свет, что приводило к перебоям в работе операционных, физиотерапевтических, рентгеновских, перевязочных и других кабинетов. Температура в больничных помещениях падала до 2–7 градусов, прачечные прекрати-

ли стирку белья, ручная стирка не могла обеспечить даже самых необходимых нужд медицинских учреждений. Больные находились в холодных, почти не отапливаемых, полуосвещенных палатах. Несмотря на это, хирурги продолжали работать в операционных, отапливаемых «буржуйками» и освещавшихся керосиновыми фонарями. Медицинский персонал продолжал самоотверженно оказывать помощь даже во время налетов вражеской авиации и артиллерийских обстрелов города. Госпитали блокадного Ленинграда выполняли свою миссию, несмотря на то что медицинский персонал получал те же мизерные пайки и не менее своих пациентов страдал от голода. Примеры стойкости и силы человеческого духа, которые они проявляли, оценивались ими как необходимая типика поведения человека при преодолении трагических обстоятельств войны. Однако во всех свидетельствах отмечалось, что серьезные психологические травмы блокадного времени отразились на всей их последующей жизни.

О большой потребности в госпитализации ленинградцев свидетельствует тот факт, что даже в 1943 году, когда последствия голодной зимы были в основном ликвидированы, через госпитали города из-за обострения болезней прошла четвертая часть населения. Зимой же 1941/42 года, несмотря на принятые энергичные меры по увеличению коечного фонда, удовлетворить все потребности в госпитализации ленинградцев не было никакой возможности. Эта проблема была решена лишь во второй половине 1942 года. Именно с этого времени начинается второй этап в развитии госпитальной медицины в блокадном Ленинграде. Госпиталь в условиях блокады становился не только лечебным, но и научно-практическим учреждением. Проблемы, разрешаемые его работниками, были самого различного свойства, и здесь переплетались часто почти неразрешимые вопросы организационного характера, связанные, например, с нуждами личной гигиены больных, и задачи изготовления самим медперсоналом из имеющихся в наличии составляющих медикаментов и медицинского оборудования.

Сложившаяся в течение века одна из основных традиций госпиталя – не прекращать научный анализ своей работы в военное время – не была забыта и в блокадном Ленинграде. Внедрение новых методов лечения во многом стало возможным благодаря тому, что там работали высококлассные специалисты, имеющие в ряде случаев ученые звания. Решались общие для военной медицины задачи. Разрабатывались приемы лечения ранений, травм и их осложнений, причем приоритетным направлением стала выработка наиболее эффективных методов лечения гнойных остеомиелитов. Начинается применение цитологических исследований при остеомиелитах раневого происхождения, разрабатываются схемы лечения для различно протекаю-

щих раневых процессов. Одним из новых методов лечения осложнений таких огнестрельных и осколочных ранений в госпиталях в 1941–1945 годах стала гемотрансфузия – переливание крови. Дело в том, что из-за кровопотери и последующей раневой инфекции у раненых наблюдалась анемия, которую можно было вылечить, переливая донорскую кровь. Но до войны эта процедура применялась крайне редко, и немногие умели ее выполнять. Необходимо было в самые сжатые сроки наладить систему обучения медперсонала методике гемотрансфузии. Повышалась квалификация и сотрудников госпитальных лабораторий, активно проводилось обучение лаборантов технике определения групп крови, медсестры и лаборанты должны были научиться правильному ведению медицинской документации, связанной с процедурой гемотрансфузии.

Не менее важно было организовать в блокадном Ленинграде донорское движение. Первоначально донорами становились в основном работники самих госпиталей – молодые врачи, медсестры и санитарки, обслуживающий персонал. В донорском движении активно участвовали студенты.

Важным направлением лечебной работы в госпиталях с лета 1942 года была витаминотерапия, которая помогала раненым и больным ленинградцам быстрее восстановить здоровье, особенно при комплексном лечении дистрофии. Однако применение данного вида терапии вызывало значительные трудности. С одной стороны, этот вид лечения не имел массового распространения в довоенный период. С другой – для организации лечебного питания была необходима соответствующая материальная база. Тем не менее госпитальные медики стали применять этот новый метод, для чего им пришлось решить ряд задач. Когда весной 1942 года Военный совет фронта обратился к ленинградцам с призывом создать местное производство картофеля и овощей, на него откликнулось все население города. Было создано 600 подсобных хозяйств, 276 тыс. человек стали огородниками. Использовался каждый клочок земли. Под коллективные и индивидуальные огороды вскопали сады и парки, Летний сад, скверы у Исаакиевского и Казанского соборов, на Марсовом поле, дворовые участки, откосы каналов и незамощенные тротуары. Это дало возможность городу получить в первое же лето 50 тыс. тонн картофеля и овощей. При госпиталях также создавались подсобные хозяйства.

Для восстановления здоровья больных в госпиталях также применялся широкий спектр терапевтических методов. Были организованы кабинеты физиотерапии, механотерапии, начинает широко внедряться лечебная физкультура, применение которой оказалось высокоэффективной для реабилитации поврежденных суставов.

Врачи и медицинский персонал госпиталей занимались и рационализаторством, что способ-

ствовало широкому внедрению новых приспособлений для облегчения страданий раненых. Разрабатывались новые антисептические жидкости для промывания ран, были изобретены специальные каркасные повязки из ваты и марли для лечения ожогов, сконструированы специальные электроды для нахождения в теле осколков.

Таким образом, на примере истории работы госпиталей Ленинграда во время блокады становится очевидно, что 1941–1945 годы стали важным этапом в развитии отечественной военной медицины. Именно тогда получили широкое распространение и прочно вошли в практику такие методы лечения, как переливание крови, организация лечебного витаминного питания, лечебная физкультура и др. Успех обороны Ленинграда был результатом боевого содружества воинов и жителей города. Свой значимый вклад в дело победы внесли и медицинские учреждения.

*Татьяна Владленовна Никулина,
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории
дореволюционной России исторического факультета ПетрГУ*

РОЛЬ ЛАДОЖСКОЙ И ОНЕЖСКОЙ ВОЕННЫХ ФЛОТИЛИЙ В СНЯТИИ БЛОКАДЫ ЛЕНИНГРАДА

Ладожское озеро с первых дней войны и до осени 1944 года было важным районом боевых действий в ходе битвы за Ленинград. Формирование Ладожской флотилии началось в июле 1941 года. Личный состав представляли кадровые балтийцы, морские пограничники, призванные из запаса моряки торгового флота и речники Северо-Западного пароходства. Командирами боевых кораблей стали опытные моряки, штурманы и капитаны дальнего плавания.

Все годы войны боевая деятельность флотилии была непрерывно связана с защитой Ленинграда. Еще 10 августа 1941 года главком Северо-Западного направления, маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов своей директивой поставил задачи Ладожской военной флотилии, касающиеся ее боевой деятельности и определившие в дальнейшем судьбу флотилии во время Великой Отечественной войны. Выполнение этой директивы во многом предопределило исход битвы за Ленинград.

В июле – сентябре 1941 года Ладожская флотилия поддержала боевые действия советских войск на побережье Ладожского озера. Моряки обеспечивали артиллерийским огнем действия 23-й, 7-й и 24-й армий. В частности, флотилия содействовала частям 19-го стрелкового корпуса, который вел оборонительные бои с численно превосходящим противником в районе городов Сортавала и Кексгольм, а затем вывезла

из окружения три дивизии этого корпуса и гражданское население города Сортавала; высаживала десанты на ряд островов с северо-западного побережья и озера. Корабли флотилии также содействовали сухопутным войскам в Синявинских операциях 1941–1942 годов.

В первых числах сентября, после выхода немецко-фашистских войск на левый берег Невы и окружения Ленинграда с суши, флотилии была поставлена задача обеспечить поставку Ленинграду и фронту всех видов боевого питания и продовольственного снабжения, военных резервов, эвакуацию из города населения, заводского оборудования и ценностного имущества. Германское командование знало об этом и прилагало большие усилия, чтобы прервать ладожскую коммуникацию.

Командование флотилии противника готовило специальную операцию. Речь шла об острове Сухо, небольшом островке искусственного образования в 10 милях от Волховской губы. Пост наблюдения, 100-миллиметровая трехорудийная батарея и маяк, находившиеся на о. Сухо, являлись передовым пунктом в системе противодесантной обороны южных ладожских портов и побережья. Предпринимаемая операция против Сухо, противник выделил почти всю флотилию десантных паромов и десантный отряд. Обеспечить действия судов десантников должны были самолеты. На рассвете 22 октября 1942 года вражеские корабли подошли к острову и открыли интенсивный огонь, самолеты нанесли бомбовый удар. После этого началась высадка десанта.

Гарнизон острова оказал героическое сопротивление, вскоре прилетела советская авиация. После 2-часового ожесточенного боя противник был полностью выбит с острова. В это же время к острову подошли корабли Ладожской флотилии. В результате вражеский десант был полностью разгромлен, противник потерял около половины судов и уже до конца войны не смог больше предпринять какие-либо операции против Ладожской флотилии. Корабли флотилии с большим успехом могли продолжить доставку огромного количества различных грузов для осажденного Ленинграда и Ленинградского фронта. Во время блокады Ленинграда Ладожская флотилия доставила в город 311,8 тыс. человек (главным образом войска), 1105,6 тыс. т грузов, вывезла из города 1071 человек (населения).

В течение летних кампаний 1941, 1942 и 1943 годов Ладожская флотилия не только обеспечивала доставку грузов для защитников Ленинграда, но и активно содействовала сухопутным войскам, нанося серьезный урон морским силам врага на Ладожском озере. Особенно следует отметить ту большую роль, которую сыграли моряки Ладожской флотилии в Выборгско-Петрозаводской наступательной операции, которая началась 10 июня 1944 года и завершила битву за Ленинград. Для содействия наступающим войскам командо-

вание решило высадить десант в районе реки Тулокса. Перед десантом ставилась задача захватить у устья реки участок побережья, перерезать проходившие по нему железную и шоссейную дороги и не допустить переброски резервов противника к линии фронта. Шоссе и железная дорога являлись единственными путями, по которым можно было перебрасывать войска. Поэтому овладение этим районом имело исключительное значение. В качестве десантных войск командующий Карельским фронтом К. А. Мерецков назначил 70-ю отдельную морскую стрелковую бригаду, а для прикрытия с воздуха – около 300 самолетов 7-й воздушной армии Карельского фронта. Командование всеми силами десантной операции было возложено на командующего Ладожской флотилией контр-адмирала В. С. Черокова. 30 июня 1944 года десант, высаженный в полном составе, закрепился на берегу, заняв шоссейную и железную дороги. В течение суток противник предпринимал до 20 атак по всему фронту обороны. Командующий фронтом решил усилить высадившийся десант 3-й отдельной морской стрелковой бригадой. Высадка бригады улучшила положение десанта. Вскоре десант соединился с частями 7-й армии. Задачи, поставленные перед Ладожской военной флотилией, были успешно решены.

Указом Президиума Верховного Совета за образцовое выполнение задания командования 70-я и 3-я морские бригады были награждены Орденом Красного Знамени.

Серьезная угроза Ленинграду возникла в связи с вступлением в войну Финляндии, которая направила войска на Ленинград на Карельском перешейке. Следует отметить, что к началу боевых действий на северных подступах к Ленинграду соотношение сил было в пользу финских войск. Тяжелая обстановка, сложившаяся под Ленинградом и в Южной Карелии, настоятельно требовала создания флотилии на Онежском озере.

7 августа 1941 года, по предложению моряков, главное командование Северо-Западного направления, предвидя бои на Онежском озере, приняло решение о формировании флотилии.

В течение летних кампаний 1941–1942 и 1943 годов флотилия взаимодействовала с войсками Карельского фронта, оказывая активную поддержку дивизиям, сражавшимся в приозерном районе. Моряки вели напряженную боевую деятельность на Онежском озере: подавляли батареи и опорные пункты противника на берегу, вели поиски кораблей и других плавсредств врага на озере, высаживали десанты и разведывательные группы во вражеский тыл, обеспечивали воинские и народнохозяйственные перевозки по озеру, вели бои с авиацией противника. Именно Онежской флотилией в 1943 году были успешно применены минные катера, вооруженные реактивными установками («катюшами»).

1 мая 1944 года командование Ленинградско-го и Карельского фронтов получило распоряжение Верховного главнокомандующего начать активную подготовку к наступлению против финской армии на двух направлениях: Выборгском и свирско-петрозаводском.

В соответствии с планом Свирско-петрозаводской операции Карельский фронт под командованием генерала армии К. А. Мерецкова перешел в наступление. Онежская флотилия принимала самое активное участие в осуществлении этой операции. В ней наиболее полно проявилось взаимодействие Онежской флотилии с приозерными частями 7-й и 32-й армий. 23 июня при форсировании реки Свирь 368-й дивизией корабли флотилии обеспечили мощную артподготовку подразделений. 26 июня катера флотилии высадили в тыл противника, в бухту Лахтинскую, тактический десант. Утром 28 июня в Уйской губе, что в 21 километре южнее Петрозаводска, был высажен основной десант – 31-й отдельный батальон морской пехоты в полном составе. Батальон начал движение к столице Карелии.

В это время авиационная разведка сообщила командованию флотилии о том, что в Петрозаводске горят мосты и причал порта. Командование флотилии приняло смелое решение направить корабли в город. В петрозаводский порт первыми ворвались быстроходные минные катера, вслед за ними подошли другие корабли, и на берег были высажены десантники 31-го батальона морской пехоты. Столица Карелии была освобождена. Моряки Онежской флотилии вполне заслуженно были названы первыми в числе освободителей Петрозаводска. В приказе Верховного главнокомандующего от 29 июня 1944 года отличившиеся соединения кораблей и 31-й отдельный батальон пехоты несколько позже были удостоены наименования «Петрозаводских», а сама флотилия 2 июля 1944 года указом Президиума Верховного Совета за образцовое выполнение операции и мужество была награждена орденом Красного Знамени.

10 июля 1944 года флотилия была расформирована.

Свирско-Петрозаводская и Выборгская операции имели большое политическое значение. Очистив от врага Карельский перешеек и Южную Карелию, овладев Выборгом и Петрозаводском, выйдя на отдельных участках фронта к государственной границе, наши войска изменили стратегическую обстановку на советско-германском фронте. Угроза Ленинграду со стороны Финляндии была полностью устранена. Финский фронт, являвшийся составным звеном блокадного кольца вокруг Ленинграда, перестал существовать, а сама Финляндия оказалась перед реальной угрозой перенесения военных действий на ее территорию. Все это заставило Финляндию искать мира с нашей страной.

*Константин Алексеевич Морозов,
кандидат исторических наук*

БЛОКАДА ЛЕНИНГРАДА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Результаты крупномасштабного общероссийского социологического исследования «Великая Отечественная война 1941–1945 годов в исторической памяти народа» в ноябре 2004 года показали, что 90 % опрошенных День Победы назвали своим праздником. Данное исследование выявило единодушное мнение представителей молодого и старшего поколений граждан нашей страны о том, что история Великой Отечественной войны искажается в некоторых публикациях, передачах на телевидении и радио. Так считают 78,1 % молодежи в возрасте от 18 до 24 лет и 79,7 % респондентов в старшей возрастной группе.

Совершенно естественно, что смена поколений сказывается на изменениях в массовом историческом сознании. Поколенческий фактор в формировании исторической памяти заслуживает большего внимания исследователей, поскольку социологические опросы последнего времени не могут не вызывать в обществе озабоченности по поводу знания истории Великой Отечественной войны молодым поколением российских граждан. Социологический опрос ВЦИОМа «Соотечественники» накануне 67-й годовщины со дня начала Великой Отечественной войны показал, что чем моложе респонденты, тем хуже они знают историю войны.

На этом фоне вполне обнадеживающими выглядят результаты экспресс-опросов студентов вузов. Накануне 60-летия полного снятия блокады Ленинграда в Санкт-Петербурге был проведен опрос студентов по теме «Моя блокада» на оптическом, инженерно-физическом и гуманитарном факультетах университета ИТМО и на факультете массовых коммуникаций Госуниверситета кино и телевидения, о результатах которого проинформировала газета «Университет ИТМО».

100 % опрошиваемых дали правильный ответ на вопрос о том, в ходе какой войны Ленинград был окружен кольцом блокады. 90 % респондентов в ответах на вопрос о планах фашистов по отношению к Ленинграду указали, что в них входило уничтожение города вместе с населением. 100 % опрошенных ответили на вопрос о продолжительности блокады – 900 дней. Не вызвал затруднения и вопрос о том, какой была минимальная норма хлеба в блокадном Ленинграде. Трудности у студентов вызвали вопросы о месяце начала блокады Ленинграда и о том, когда была самая трудная блокадная зима.

В то же время 76 % респондентов не смогли ответить на вопрос об известных им именах маршалов и генералов, непосредственно руководивших обороной города и прорывом блокады, только 19 % из них назвали имя Г. К. Жукова, 4 % – Л. А. Говорова, 1 % – И. В. Сталина. 58 % не смогли ответить на вопрос об известных им произведениях литературы, музыки, живописи,

посвященных блокаде Ленинграда. 10 % опрошенных знают «Ленинградскую симфонию» Д. Шостаковича, 5 % – «Дневник Тани Савичевой», 3 % – стихи О. Берггольц.

90 % участвовавших в опросе выбрали вариант ответа на вопрос о том, что помогло жителям города выстоять и победить, «мужество и героизм жителей города», 10 % – «помощь, оказанная городу всей страной»; 6 % – «железная дисциплина, установленная в городе партийными и военными органами», 5 % – руководящая роль КПСС и лично Сталина.

При ответе на вопрос об источниках знаний по истории блокады Ленинграда 80 % опрошенных назвали школу, 20 % – семью, книги, кинофильмы, музеи. 79 % опрошенных студентов назвали членов семьи, переживших блокаду. Проведенный опрос показал, что студенты помнят о беспримерном подвиге защитников Ленинграда.

Я обратилась к студентам первого и второго курсов двух гуманитарных факультетов Карельского государственного педагогического университета с небольшой экспресс-анкетой. В представленном опросе в университетах северной столицы участвовало более 60 % коренных ленинградцев, прямых потомков защитников города – блокадников. Среди наших респондентов таких оказалось только три человека. Всего в опросе участвовали 94 студента в возрасте от 18 до 20 лет. Практически все опрошенные знают, в ходе какой войны Ленинград был окружен кольцом блокады, 45 % – знают точные даты этого события 1941–1944 год (в том числе есть и те, кто помнят конкретные даты – 18 сентября и 27 января). 38 % опрошенных знают, что блокада продолжалась 900 дней, еще 31 % – что блокада продолжалась более 2 лет. Вопрос анкеты «Что вам известно о блокаде Ленинграда?» не вызвал затруднений у наших студентов. Определенные затруднения у большинства опрошенных вызвал вопрос: кто из известных военачальников, маршалов и генералов, руководивших обороной города и прорывом блокады, им известен. В сравнении с итогами опроса студентов Санкт-Петербурга наши студенты продемонстрировали большую эрудицию. 31 % опрошенных назвали имя Г. К. Жукова. Студентам известны имена Л. А. Говорова, М. С. Хозина, К. А. Кулика, К. Е. Ворошилова, К. А. Мерецкова, только один человек назвал имя И. В. Сталина.

К сожалению, наибольшие затруднения возникли у петрозаводских студентов также при ответе на вопрос анкеты о произведениях искусства, литературы, живописи, музыки, посвященные блокаде Ленинграда. 60 % респондентов затруднились с ответом на данный вопрос. «Ленинградскую симфонию» Д. Д. Шостаковича смогли назвать 18 % участвовавших в опросе. Студентам известен документальный фильм «Блоkada Ленинграда» (7 %) и сериал «Ленинград» (6 %), к произведениям литературы 8 % опрошенных отнесли дневник Тани Савичевой.

Единицы слышали стихи О. Берггольц и А. Ахматовой об этом времени.

Ответы на вопрос анкеты («Что, по Вашему мнению, помогло жителям блокадного Ленинграда выстоять и победить?») распределились следующим образом: 35 % опрошенных назвали «силу духа, веру в победу и терпение жителей блокадного города», 32 % – «патриотизм и любовь к родине», 24 % – «мужество и героизм гражданского населения и защитников города», остальные 9 % респондентов назвали «взаимопомощь, взаимовыручку и сплоченность жителей города и солдат», «помощь, оказанную городу всей страной» и «железную дисциплину, установленную в городе военными и партийными органами».

Анкета включала и вопрос о том, каковы источники знаний студентов о блокаде Ленинграда. Подавляющее большинство (58 %) опрошенных назвали школу, указав при этом на скудость информации об этом событии в школьном учебнике, выпускники вспоминают школьные мероприятия, вечера памяти, отмечают роль учителя в изучении данной темы. На втором месте по количеству ответов оказался такой источник знаний о блокадном Ленинграде, как документальные и художественные фильмы, далее были названы «семья», «воспоминания блокадников», «книги», а также информация из сайтов в Интернете (9 %). 14 % респондентов назвали в своих анкетах рассказы, опубликованные воспоминания и письма блокадников как источник, представляющий лично для них особый интерес.

Данные подобных опросов студентов российских вузов – одно из подтверждений тому, что такое событие, как оборона и блокада Ленинграда, сохраняется в активной исторической памяти студенческой молодежи. На историческое сознание студенческой молодежи не повлияли попытки переоценки истории событий Великой Отечественной войны, противоречащие исторической правде. Память о таких событиях, как битва за Ленинград, выступает в качестве мощного консолидирующего фактора в нашем обществе и важнейшего ценностного ориентира для социального поведения его граждан.

*Людмила Николаевна Юсупова,
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории
историко-филологического факультета КГПУ*

■ 18-19 июня 2008 года в Петрозаводске проходил семинар «Поликультурное измерение в преподавании истории в современной школе: сотрудничество учителя, учеников и семьи как условия воспитания толерантного сознания молодежи».

Семинар был организован Министерством образования и науки РФ, Советом Европы, Петрозаводским государственным университетом и учебно-консультационным центром «Практик». В работе семинара приняли участие российские и зарубежные эксперты в области школьного исторического образования, руководители Министерства образования РК, преподаватели исторического факультета ПетрГУ, специалисты Карельского республиканского института повышения квалификации работников образования, учителя школ города Петрозаводска и Республики Карелия.

Ректор ПетрГУ, профессор А. В. Воронин, открывая семинар, отметил не только актуальность обсуждаемой темы, но и то, что само время заставляет переосмысливать исторические процессы как в самой России, так и в соседних странах. Т. Минкина-Милко, руководитель программ двустороннего и регионального сотрудничества отдела исторического образования Совета Европы, обратила внимание на то, что важной задачей развития современного школьного исторического образования является выработка новых взглядов на преподавание истории в условиях глобализации. Старые линейно-репродуктивные подходы не могут эффективно работать в новых условиях. Более значимой задачей становится формирование системы непреходящих ценностей, изучение и применение на практике аксиологического подхода. Возрастает влияние фактора уровня восприятия истории в семье. А. А. Селянин, министр образования РК, отметил важность таких встреч для учителей республики. Новые вызовы времени не могут оставить внимание учителя в стороне от реальных проблем современного общества. На уроках должно учитываться соотношение интересов людей разных культур, религиозных воззрений, противоположных взглядов. Задачей сегодняшнего дня является формирование толерантного сознания учителя и учеников, позиционирование себя в современном мире. История как предмет является важнейшим средством для осмысления жизни общества. Важно, чтобы учителя истории осознавали свою миссию в современном обществе. Л. Н. Алексашкина, профессор, директор лаборатории преподавания истории Института учебного содержания и методов обучения Российской академии образования, подчеркнула, что в преподавании истории необходимо обеспечить две диалектически связанные линии: «десакрализацию» конфликтов в истории и «диалогизацию» истории. В современных исторических исследованиях и в школьных учебниках широко используется *цивилизационный подход*, что способствует раскрытию исторического многообразия мира. Обращаясь к Новому времени, многие историки вводят по-

нятие «*индустриальная цивилизация*». Рассматривая его как универсальную категорию, нельзя забывать о сохраняющемся своеобразии мира, цивилизационном контексте, продолжающем существовать во многих странах, в которых сложилось индустриальное общество. Ознакомление с *этическими учениями и ценностями* в контексте истории человечества позволяет выявить круг общих заповедей, сформулированных в человеческом сообществе. При изучении истории школьники узнают о *взаимодействии культур*, о родстве обычаев и культурных заимствованиях у соседних народов, синтезе культур в процессе миграций. *Поликультурное измерение человека* во многом зависит от уровня его образования и культуры. Школьные курсы истории и обществоведения способствуют пониманию школьниками многоуровневой структуры связей человека с миром.

Требуется определенный педагогический инструментарий, который способствует освоению школьниками указанного содержания. Джон Хеймер, консультант по вопросам образования из Великобритании, говорил о том, что преподавание истории на «стадии предупреждения» конфликтов должно иметь пять особенностей. А именно: признать, что все мы, отдельные личности и целые нации, имеем не одну, а много идентичностей; избегать мифа о «правильной истории»; помогать ученикам признать то, что разные группы людей помнят о прошлом по-разному; рассказывать не только о плохом, но и хорошем, о провалах и успехах, о несправедливости и притеснениях и о достижениях в национальной истории; дать понять, что не вся история изучается в стенах школьного класса. Преподавание истории на «стадии заживления» конфликтных ситуаций должно обладать рядом дополнительных черт: находить правильный момент времени; помогать учиться жить, принимая различия; принимать альтернативные точки зрения; позволять проявлять эмоции. Необходимо побуждать учащихся к выработке собственных аналитических и рефлексивных навыков, навыков задавать вопросы с тем, чтобы они могли использовать их в преодолении стереотипов и предрассудков. Помочь молодым людям приобрести ценности, отношения, знания и навыки для противостояния длительному и кровавому насилию, а также предотвратить их повторение – это трудная задача. Но это, без сомнения, именно та задача, которую должны ставить перед собой прежде всего учителя. Темой выступления А. Н. Морозова, начальника отдела общего образования МО РК, стало преподавание истории в поликультурном пространстве в Республике Карелия. В республиканском базисном плане предусмотрено выделение 2 часов регионального компонента во 2–11-х классах

для изучения интегрированного учебного предмета «Карелия. Край, в котором я живу» (2–4-й классы), «Моя Карелия» (5–9-й классы) и систематического курса «История Карелии» в 10–11-х классах. В структуру учебного предмета заложена практическая направленность содержания, позволяющая организовать самостоятельную познавательную деятельность обучающегося. Учащиеся ведут наблюдения за явлениями природы и общественной жизни, выполняют практические работы, в том числе исследовательского характера, и различные творческие задания. Корректно построенное историческое образование, учитывающее интересы всех представителей поликультурного социума, может внести значительный вклад в гармонизацию межэтнических отношений. С. Э. Яловицына, доцент кафедры архивоведения и специальных исторических дисциплин исторического факультета ПетрГУ, говорила о базовой подготовке учителей истории, а также системе повышения их квалификации, что может помочь получить компетенции, необходимые для работы в поликультурном пространстве. О развитии учительских компетенций и формировании этнокультурной компетентности учащихся на примере Южного федерального округа РФ рассказал А. И. Кругов, проректор по международным связям Ставропольского государственного университета. М. М. Шахнович, профессор, зав. кафедрой религиоведения философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета, подчеркнула важность знаний о религиях в рамках школьной истории. Люди других религий и культур зачастую воспринимаются как «другие», «чужие», что приводит к межрелигиозному напряжению, появлению вредных стереотипов, вражде, что, в свою очередь, может обернуться трагическими последствиями. Лучшим противоядием против этого является знание друг о друге. Если прежде обучение религии было, в основном, делом религиозных общин и семьи, то теперь роль государства принципиально возрастает. Государство в многонациональной стране заинтересовано

в развитии межконфессионального диалога и достижения консенсуса. Важным обстоятельством является то, что государство берет на себя не обучение религии, а систематическое знакомство школьников с историей и основами разных религиозных традиций. В ходе семинара участники познакомились с опытом работы Республиканского детского музейного центра музея-заповедника «Кижы». Его представила Л. Шилова, заместитель директора музея «Кижы», автор идеи и концепции Республиканского детского музейного центра и его ведущих проектов.

На круглых столах участники обсудили следующие проблемы: воспитание толерантности и предотвращение конфликтов через преподавание истории в школе. Во время дискуссий неоднократно подчеркивалось, что урок истории, роль учителя, сотрудничество учителя, ученика и семьи могут быть конструктивным фактором в возможных предотвращении конфликтов или преодолении последствий конфликтов. Учителям требуются знания в области практической психологии и конфликтологии, причем знания эти можно получить через изучение конкретных ситуаций. Насущной задачей становится создание общественных организаций учителей истории и обществоведения в регионах.

Участники семинара отметили его успешность, плодотворность и результативность благодаря большой подготовительной работе, проведенной Советом Европы, Министерством образования и науки Российской Федерации, организационной работе факультета повышения квалификации Петрозаводского государственного университета, Учебно-консультационного центра «Практик», высокому качеству докладов, высокопрофессиональному переводу, активному обсуждению проблем в рамках семинара.

*Т. И. Агаркова,
директор Образовательно-
Инновационного центра, декан факультета
повышения квалификации ПетрГУ*

22 апреля 2009 года исполняется 80 лет доктору экономических наук, профессору, ведущему научному сотруднику Института экономики Карельского научного центра РАН, заслуженному деятелю науки Республики Карелия *Алексею Севастьяновичу Ревайкину*.

АЛЕКСЕЙ СЕВАСТЬЯНОВИЧ РЕВАЙКИН К 80-летию со дня рождения

А. С. Ревайкин родился 22 апреля 1929 года в селе Большие Ремезенки Чамзинского района Мордовской АССР. Постоянным же местом жительства была станция Энгозеро Лоухского района Карельской АССР. Трудовая деятельность началась в 1943 году в качестве ученика машиниста водокачки на станции Энгозеро. После окончания Кемской железнодорожной школы поступил в Лодейнопольский техникум паровозного хозяйства, который закончил в 1951 году. После окончания техникума работал помощником машиниста, машинистом паровоза, комсомольским, партийным работником. В 1952 году поступил на заочное отделение исторического факультета Петрозаводского государственного университета, а в 1955-м – в Ленинградскую высшую партийную школу. Период учебы в ЛВПШ знаменателен тем, что тогда ее программа была на уровне экономического факультета университета. В 1958 году окончил университет, получив специальность «Историк. Учитель истории». В 1959 году окончил ЛВПШ, получив экономическое образование, что и определило выбор аспирантуры. В октябре 1963 года поступил в аспирантуру на кафедру политической экономии Петрозаводского университета. В 1976 году защитил докторскую диссертацию по специальности «Политическая экономия» в Ленинградском университете, став первым доктором экономических наук в Республике Карелия. В том же году был избран на должность заведующего отделом экономики Карельского филиала АН СССР. В феврале 1982 года уехал на работу по собственному желанию в г. Хабаровск, в Институт экономических исследований, где проработал до февраля 1989 года. Принимал активное участие в исследованиях социальных проблем освоения зоны БАМа, Приморского, Хабаровского краев, Амурской, Камчатской областей. По совместительству в 1983–1994 годах работал профессором на кафедрах политической экономии в Хабаровском институте народного хозяйства и Хабаровском политехническом институте. Под научным руководством А. С. Ревайкина на Дальнем Востоке подготовлено 6 кандидатов экономических наук. В январе 1989 года стал директором Дальневосточного филиала НИИ по ценообразованию. В октябре 1994 года по семейным обстоятельствам Алексей Севастьянович возвратился в Петрозаводск. В 1995 году был консультантом по энергетике, транспорту и связи группы консультантов по народному хозяйству в Администрации Председателя Правительства Республики Карелия, занимался и социально-экономическими проблемами. С 1997 по 1999 год работал главным экономистом в Государственном комитете Республики Карелия по статистике. В июле 1999 года в связи с избранием по конкурсу на должность главного научного сотрудника был принят в Институт экономики КарНЦ РАН.

А. С. Ревайкин является автором и соавтором более 100 научных работ, в том числе 14 монографий, 6 брошюр, одного учебного пособия. Ведет преподавательскую деятельность, являясь профессором кафедры экономической теории и финансов экономического факультета ПетрГУ. Под его научным руководством защитили кандидатские диссертации 14 аспирантов. А. С. Ревайкин является председателем Государственной аттестационной комиссии ПетрГУ, Регионального института управления, экономики, права ПетрГУ при Правительстве РК и ПетрГУ, членом коллегии, независимым экспертом по аттестации сотрудников Минфина РК, консультантом министра финансов РК. Принимал непосредственное участие в разработке Закона РК «О государственных минимальных стандартах, социальных и финансовых нормативах», Закона РК «О республиканских социальных и финансовых нормативах».

Алексей Севастьянович известен в Карелии своими научными работами. Его энергия востребована в КарНЦ РАН, где он – участник основных исследований Института экономики. Стоит вспомнить «Энциклопедию Республика Карелия», многотомную «Историю экономики Карелии» и некоторые другие серьезные работы. Он – профессор Петрозаводского государственного университета, где читает очень интересный и поучительный для студентов-экономистов курс «Реформирование российской экономики», руководит аспирантами на кафедре экономической теории и финансов.

За плодотворную научную, организационную и общественную работу Алексей Севастьянович Ревайкин награжден Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Карельской АССР, Почетной грамотой Президиума АН РАН, Почетными грамотами Карельского филиала АН СССР, Карельского научного центра РАН, благодарственными письмами Главы Республики Карелия С. Л. Катанандова. В 2004 году присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Республики Карелия».

Поздравляя Алексея Севастьяновича с юбилеем, хочется пожелать ему здоровья, оставаться таким же смелым и самостоятельным в своих профессиональных оценках, жадным до всего нового исследователем. Процветания большой семье Алексея Севастьяновича, его детям, внукам и правнукам!

*В. Б. Акулов,
доктор экономических наук, профессор,
декан экономического факультета ПетрГУ*

ИЗБРАННЫЕ ПЕЧАТНЫЕ ТРУДЫ

А. С. РЕВАЙКИНА

1. Необходимый продукт, его величина и структура при социализме. Петрозаводск: Карелия, 1974. 266 с.

2. История политической экономии социализма. Л.: Ленинградский ун-т, 1983. 603 с. (Коллектив авторов)
3. Региональные особенности формирования и использования общественных фондов потребления. М.: Наука, 1985. 124 с. (Соавт.: Т. В. Трошина)
4. Уровень жизни населения (методология и проблемы регионального исследования). М.: Наука, 1989. 143 с.
5. Ресурсный потенциал Камчатки. Состояние, проблемы, использование. Петропавловск-Камчатский: АО «Камчаткнига», 1994. 275 с. (Коллектив авторов)
6. Экономические реформы в Республике Карелия. Состояние, последствия, перспективы. Петрозаводск, 1997. 200 с. (Коллектив авторов)
7. Становление предпринимательства в Республике Карелия. Петрозаводск: Карелия, 2003. 300 с. (Коллектив авторов)
8. Институциональные основы социально-экономического развития в ресурсно ориентированном приграничном районе. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2004. 277 с. (Коллектив авторов)
9. Власть, бизнес, образование и наука в качественном обновлении экономики и социальной структуры Республики Карелия: опыт минувшего десятилетия и проблемы роста. Петрозаводск: Карелия, 2005. 495 с. (Коллектив авторов)
10. История экономики Карелии. Экономика Карелии в переходный период (1991–2006 гг.). Кн. 3. Петрозаводск: Петропрес, 2006. 197 с. (Коллектив авторов)
11. Бюджетная политика и межбюджетные отношения в субъектах Российской Федерации. М.: Финансы, 2007. 599 с. (Коллектив авторов)
12. Реформирование российской экономики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008. 180 с.

ЕДИНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К РУКОПИСЯМ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ В ЖУРНАЛ

Публикации в журнале подлежат статьи, ранее не печатавшиеся в других изданиях.

Статья предоставляется в распечатанном виде на бумаге формата А4 (в двух экземплярах) и в электронном виде, на носителе или вложением в электронное письмо на адрес редакции журнала. Печатная версия статьи подписывается всеми авторами.

Статья набирается в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется с расширением .doc. Объем оригинальной и обзорной статьи не должен превышать 1 печатный лист, кратких сообщений – 5–6 страниц, отчетов о конференциях и рецензий на книги – 3 страницы. Поля: верхнее и нижнее – 2 см, правое и левое – 3 см. Абзацный отступ – 0,5 см. Шрифт: Times New Roman, размер – 14 пунктов, аннотация, список литературы – 12 пт, межстрочный интервал – полуторный. Нумерация страниц – справа внизу страницы.

Статья должна состоять из следующих элементов: названию статьи должен предшествовать индекс универсальной десятичной классификации (УДК) в левом верхнем углу. Далее через 1 интервал – название статьи жирным шрифтом заглавными буквами, название должно быть по возможности кратким, точно отражающим содержание статьи. Точка в конце названия статьи не ставится. Сведения об авторе (имя, отчество, фамилия автора (-ов) полностью; ученая степень и звание; место работы: вуз, факультет, кафедра; должность; электронный адрес и контактные телефоны). Аннотация (объемом не более 6 строк) на русском и английском языках, перед ней – название статьи и фамилия (-ии) автора (-ов) также на 2 языках; ключевые слова от 3 до 8 слов (или словосочетаний, несущих в тексте основную смысловую нагрузку) также на двух языках. Все перечисленные элементы статьи отделяются друг от друга пустой строкой и печатаются без абзацного отступа через 1 интервал.

Основной материал статьи и цитат, приводимых в статье, должен быть тщательно выверен автором. Сокращения слов не допускается, кроме общепринятых сокращений химических и математических величин и терминов. Размерность всех физических величин следует указывать в системе единиц СИ.

Список литературы, примечания, комментарии и пояснения по тексту статьи даются в виде концевых сносок. Список литературы должен быть напечатан через одинарный интервал, на отдельном листе. Цитируемая в статье литература (автор, название, место, издательство, год издания и страницы (от и до или количество)) приводится

в алфавитном порядке в виде списка в конце статьи (сначала отечественные, затем зарубежные). Фамилии иностранных авторов приводятся в оригинальной транскрипции). В тексте статьи ссылка на источник делается путем указания в квадратных скобках порядкового номера цитируемой книги или статьи, через точку с запятой – цитируемых страниц, если это необходимо. В книгах иностранных авторов, изданных на русском языке, после заглавия книги через двоеточие указывают, с какого языка сделан перевод. Выходные данные по статьям из журналов и сборников указывают в следующем порядке: фамилия (-ии) автора (-ов) с инициалами, название статьи, через две косые черты – название журнала (год, том, номер, страницы (от и до) или сборника (место издания, год, страницы (от и до))). По авторефератам – фамилия, инициалы, полное название автореферата, после которого ставят двоеточие и указывают, на соискание какой степени и в какой области науки защищена диссертация, место издания, год, страницы.

Таблицы – каждая печатается на отдельной странице, нумеруется соответственно первому упоминанию ее в тексте и снабжается заголовком. Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word (формат .doc). В тексте следует указать место таблицы и ее порядковый номер.

Иллюстрации (рисунки, фотографии, схемы, диаграммы) нумеруются, снабжаются подписями и представляются в виде отдельных растровых файлов (в формате .tif, .jpeg), а в тексте рукописи указывается место, где они должны быть размещены. Для оригиналов (бумажная версия) на обороте каждой иллюстрации ставится номер рисунка, фамилия автора и пометка «верх», «низ». Каждый рисунок (их не должно быть более 5–6) должен иметь название и объяснение всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений, размещенных под ним. В тексте статьи должна быть ссылка на конкретный рисунок, например (рис. 1).

Статьи, поступившие в редакцию, обязательно рецензируются. Если у рецензентов возникают вопросы, статья возвращается на доработку. Редакция оставляет за собой право внесения редакторских изменений в текст, не искажающих смысла статьи.

Материалы, не соответствующие предъявленным требованиям, к рассмотрению не принимаются.

Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала.

CONTENTS

HISTORY

Kochkurkina S. I.

THE OLONETS FORTRESS: THE RESULTS OF NEW ARCHAEOLOGICAL RESEARCH

Summary: The article deals with the stages of the Olonets fortress construction with consideration of long-term archaeological research results and written sources.

Key words: Archaeology, culture, military defense construction7

Vavulinskaya L. I.

FORCED LABOR IN POST-WAR PERIOD IN KARELIA

Summary: It is for the first time in the local historical literature that the role of the forced labor in economy of Karelia in the mid-forties – mid-fifties has been studied. In the article the main categories of forced settlers, such as forced settlers and foreign prisoners are described and the local peculiarities of special settlements are presented. The main areas of exploiting the forced settlers and war foreign prisoners are analyzed in the article.

Key words: Forced settlers, war prisoners, labor conditions, economy of Karelia15

Nesterova I. S.

THE BORDER TRADE BETWEEN PEASANTS OF FINLAND AND KARELIA

Summary: The author's expertise lies in the field of economic history of Russia and Finland. In particular, this is the history of the border trade in XIX–XX centuries. The trade was carried out through the whole length of the Russian-Finnish border. The trade was mostly presented by various clothes, threads and buttons, animal products, corn and flour; besides, the assortment included decorations for women (bands, looking-glasses, beads and so on).

Key words: The border trade, peddlers, the legislation about trade, smuggling24

Kazakova K. S.

SOME PECULIAR FEATURES OF EDUCATIONAL PROCESS IN RUSSIAN UNIVERSITIES IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY

Summary: The development of common regulations of educational process in the Russian universities is analyzed on the basis of archival materials. The peculiarities of university faculty structure, lectures and practical training, study hours and vacation period are researched. Besides, the system of building-up of graduating students' scientific attestation is particularly revealed.

Key words: University education, the Russian students, faculty structure, university practice, student certificate, system of scientific attestation30

CULTUROLOGY

Pivoeva M. V.

MYTHOLOGY OF BLOOD

Summary: The article considers ritual traditions, main functions and symbolic meanings of blood in culturological and mythological aspects in ancient cultures and in modern society

Key words: Blood, spirit, soul, energy, information, mythology, ritual, sacrificial offering38

PHILOLOGY*Spiridonova I. A.***DOOMED FOR FEAT, HONOR, AND GRANDEUR (the functions of sub-text in the artistic structure of the war stories written by A. Platonov)**

Summary: The article deals with the functions of the sub-text in the artistic structure of the war stories written by A. Platonov; the phenomenon of tragic in the heroic esthetics in the literature of the period of the Great Patriotic War is investigated.

Key words: Artistic structure, sub-text, heroic, tragic, the literature of the Great Patriotic War42

*Boldak V. K.***ON THE HISTORICAL PROTOTYPE OF THE HILDEBRAND CHARACTER**

Summary: The article deals with the question of the existence of the historical prototype of Hildebrand. The author believes that the medieval High German epic character was Herman rich the chieftain of Ostrogoths (IV century A.C.) as his prototype, though the latter was very much idealized afterwards. Here is considered how the same person could serve as prototype both negative (Eormenic etc.) and positive (Hildebrand) characters.

Key words: Hildebrand, German epic, Nibelungenlied49

*Rozhkova A. V.***THE PECULIARITIES OF THE HOMOGENEOUS ROWS IN OLD-RUSSIAN HYMNOGRAPHY'S MONUMENTS**

Summary: The article is devoted to examination of the homogeneous objects and attributes. The author analyses the main structural types of the rows and the semantics of the row's components, also considers stylistic functioning of the homogeneous rows in Old-Russian hymnography.

Key words: Old-Russian hymnography, historical syntax, historical stylistics, homogeneous objects, homogeneous attributes.....54

*D'yachkova I. N.***COLLECTIVE NUMERALS IN THE RUSSIAN LITERARY LANGUAGE IN THE XVIII CENTURY**

Summary: The problems of the evolution of the grammatical category of collective numerals at the initial forming stage of the Russian literary language (XVIII century) are reviewed in the article. The author aims at defining the position of collective counting words in a row of other numerical names of the epoch based on the analysis of the semantics and on genre and stylistic tendencies in their functioning.

Key words: Collective numerals, literary language, historical development, grammatical semantics, functioning.....59

*Mironova V. P.***ALLITERATION IN THE SOUTH-KARELIAN EPIC MATCH-MAKING SONGS**

Summary: The Karelian epic tradition reveals a lot of poetic features; one of the most common is alliteration. The article deals with problems of origin, development and functions of this genre, gives the analysis of alliteration as an example of the South-Karelian epic courtship songs.

Key words: The Karelian epic tradition, epic songs of Southern Karelia, match-making songs, poetic features, alliteration, strong and weak alliteration69

ECONOMICS*Levkin N. V.***EVOLUTIONARY AND SYNERGETIC APPROACHES FOR ORGANIZATIONAL CULTURE OF THE BUSINESS SYSTEM RESEARCH**

Summary: The article views different adaptive mechanisms of enterprises for the changes of inner and outer environments, and the role of organizational culture in this process. The author considers organizational culture of the business system from a position of evolutionary and synergetic approaches

Key words: Organizational culture, business system, synergetic, the evolutionary approach, evolutionary economy, adaptation74

*Belyi E. K.***ABOUT A CLASS OF ALLOWABLE FUNCTIONS OF MONEY UTILITY**

Summary: In this article qualities of moral expectations generated by different functions of money utility, are investigated. Based on this data, the quality demands limiting a class of allowable functions of utility are formulated.

Key words: A function of utility, moral waiting, Friedman's function83

REVIEWS*Tarlanov E. Z.*

Review on the book by Stark V. P. *Life with the poet. Natalya Nikolayevna Pushkina, Volume 2*90

Belousov K. F.

Review on the book: *Security services of Karelia: Historical Essays, Memoirs, Biographies*93

Belousov K. F.

Review on the book by Starkov B. A. *Hunters on Spies. Counter Espionage in the Russian Empire in 1903–1914*. Starkov B. A. *Hunters on Spies-2. Stepsons of the Great War. Counter Espionage of the Last War of the Russian Empire in 1914–1917*.94

MEMORY*Ivanova T. V.*

Leonid Yakovlevich Reznikov. To the 90th Anniversary since his Birthday96

SCIENTIFIC INFORMATION

The conference “WAR – BLOKADE – LENINGRAD”. Abstracts:

Baryshnikov N. I. “The Heroic Milestones of the Leningrad Epopee”*Lavrenko G. B.* “What Helped the Leningrad Citizens to Withstand the Blockade”*Nikulina T. V.* “The Leningrad Hospitals during the Years of the Blockade”*Morozov K. A.* “The Role of the Ladozhsky and Onezhsky Navy in Taking down the Blockade”*Yusupova L. N.* “The Leningrad Blockade in the Historical Memory of Modern Youth”99

Agarkova T. I. International Seminar “Poly-Cultural Dimension in Teaching History in a Modern School”107

JUBILATION

To the 80th Birthday Anniversary of A. S. Revikin109

INFO FOR THE AUTHORS111